

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА COMPARATIVE POLITICS RUSSIA

2023 • Т. 14 № 3

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС 77 – 81006 от 30 апреля 2021 г.
и ЭЛ № ФС 77 – 63932 от 9 декабря 2015 г. (онлайн)

МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Оксана Викторовна Гаман-Голутвина
МГИМО (Россия, Москва)

ШЕФ-РЕДАКТОР

Максим Александрович Сучков
МГИМО (Россия, Москва)

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

Софья Константиновна Бабкина
МГИМО (Россия, Москва)

Председатель

Андрей Анатольевич Байков
МГИМО (Россия, Москва)

Татьяна Александровна Алексеева
МГИМО (Россия, Москва)

Вячеслав Яковлевич Белокреницкий
Институт востоковедения РАН (Россия, Москва)

Алексей Демосфенович Богатуров
Россия, Москва

Айше Дитрих
Ближневосточный технический университет
(Турция, Анкара)

Александр Жебит
Федеральный университет (Бразилия, Рио-де-Жанейро)

Виктория Ивановна Журавлева
РГГУ (Россия, Москва)

Клаус Зегберс
Свободный университет Берлина (Германия, Берлин)

Чарльз Зиглер
Университет Луисвилла (США, Луисвилл)

Ольга Владимировна Зиневич
НГТУ (Россия, Новосибирск)

Акихиро Ивасита
Университет Хоккайдо (Япония, Саппоро)

Михаил Васильевич Ильин
НИУ ВШЭ (Россия, Москва)

Гэй Кристофферсен
Университет Джона Хопкинса, Нанкинский Центр (США-Китай)

Айгуль Кулназарова
Университет Тама (Япония, Токио)

Виктор Лаврентьевич Ларин
Институт истории археологии и этнографии народов
Дальнего Востока ДВО РАН (Россия, Владивосток)

Валерий Георгиевич Ледаев
НИУ ВШЭ (Россия, Москва)

Марина Михайловна Лебедева
МГИМО (Россия, Москва)

Чинтамани Махалатра
Университет имени Джавахарлала Неру (Индия)

РЕДАКТОРЫ ВЫПУСКА

Софья Константиновна Бабкина
Дарья Павловна Жабина
Анастасия Вячеславовна Павлова
Анастасия Арсентьевна Сигова
Татьяна Яковлевна Щербак

Виктор Павлович Макаренко
ЮФУ (Россия, Ростов-на-Дону)

Василий Васильевич Михеев
ИМЭМО РАН (Россия, Москва)

Ефим Иосифович Пивовар
РГГУ (Россия, Москва)

Евгений Васильевич Попов
МГИМО (Россия, Москва)

Ли Син
Пекинский педагогический университет
(Китай, Пекин)

Леонид Владимирович Сморгун
СПбГУ (Россия, Санкт-Петербург)

Марина Вадимовна Стрежнева
ИМЭМО РАН (Россия, Москва)

Дмитрий Викторович Стрельцов
МГИМО (Россия, Москва)

Иван Николаевич Тимофеев
РСМД (Россия, Москва)

Анн де Тинги
Сьянь По (Франция, Париж)

Алишер Файзуллоев
Университет мировой экономики и дипломатии Узбекистана
(Узбекистан, Ташкент)

Ши Чиюй
Тайваньский Национальный университет,
Университет Сунь Ятсена
(Китай, Тайвань, Тайбэй)

Чжао Хуашэн
Фуданьский университет (Китай, Шанхай)

Татьяна Алексеевна Шахлевина
МГИМО (Россия, Москва)

Людмила Ивановна Шерстова
ТГУ (Россия, Томск)

Джин Уилсон
Уитон Колледж; Гарвардский университет (США)

У Юйшань
Академия Синика (Китай, Тайвань, Тайбэй)

КОМПЬЮТЕРНАЯ ВЕРСТКА

Дмитрий Евгеньевич Волков

Журнал основан в 2009 г.
С начала издания – № 50

УЧРЕДИТЕЛИ

Издательская группа «Юрист»
МГИМО МИД России

Журнал издается при поддержке Про-
граммы стратегического академического
лидерства «Приоритет-2030»

ИНДЕКСИРОВАНИЕ

Журнал включен в международные
и российские библиографические базы
данных, в том числе ESCI Web of Science
Core Collection, Google Scholar, BAK, RINCC
и другие.

Зарегистрирован Федеральной службой
по надзору в сфере связи, информационных
технологий и массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации средства
массовой информации ПИ № ФС 77 – 81006
от 30 апреля 2021 г. и ЭЛ № ФС 77 – 63932
от 9 декабря 2015 г. (онлайн)

web-page: sravpol.ru

ISSN (print) 2221-3279

ISSN (online) 2412-4990

Отпечатано в отделе оперативной
полиграфии и множительной
техники МГИМО МИД России.
119454, Москва,
проспект Вернадского, д. 76.

Тираж 2000 экз. Объем 20,75 усл. пл.
Заказ № 444.

Мнения и оценки, содержащиеся в публикуемых материалах, могут не совпадать с позицией редакции,
учредителей в лице МГИМО МИД России и издательской группы «Юрист», а также организаций, аффилированных
с авторами.

© Журнал «Сравнительная политика», 2023
© О.В. Гаман-Голутвина, 2023
© Издательская группа «Юрист», 2023

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА COMPARATIVE POLITICS RUSSIA

2023 • Volume 14 № 3

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС 77 – 81006 от 30 апреля 2021 г.
и ЭЛ № ФС 77 – 63932 от 9 декабря 2015 г. (онлайн)

INTERNATIONAL EDITORIAL COUNCIL

EDITOR-IN-CHIEF

Dr Oksana V. Gaman-Goluvina
MGIMO-University (Russia, Moscow)

DEPUTY EDITOR-IN-CHIEF

Dr Maxim A. Suchkov
MGIMO-University (Russia, Moscow)

EXECUTIVE SECRETARY

Sofia K. Babkina
MGIMO-University (Russia, Moscow)

Chairman

Dr Andrey A. Baykov
MGIMO-University (Russia, Moscow)

Dr Tatiana A. Alekseeva
MGIMO-University (Russia, Moscow)

Dr Viacheslav Ya. Belokrenitsky
Institute for Oriental Studies, RAS (Russia, Moscow)

Dr Alexei D. Bogaturov
Russia, Moscow

Ayşe Dietrich
Middle East Technical University (Turkey, Ankara)

Alisher Faizullaev
University of World Economics and Diplomacy of
Uzbekistan (Uzbekistan, Tashkent)

Gaye Christoffersen
Johns Hopkins University, Nanjing Center
(USA-China, Nanjing)

Zhao Huasheng
Fudan University (PRC, Shanghai)

Dr Mikhail V. Ilyin
Higher School of Economics (Russia, Moscow)

Akihiro Iwashita
University of Hokkaido (Japan, Sapporo)

Dr Aigul Kulnazarova
Tama University (Japan)

Dr Viktor L. Larin
RAS (Russia, Moscow)

Dr Marina M. Lebedeva
MGIMO-University (Russia, Moscow)

Chintamani Mahapatra
Jawaharlal Nehru University (India)

Dr Victor P. Makarenko
Southern Federal University (Russia, Rostov-on-Don)

Dr Vasily V. Mikheev
Institute of World Economy and International Relations
RAS (Russia, Moscow)

Dr Efim I. Pivovarov
Russian State University for the Humanities (Russia,
Moscow)

Dr Evgeny V. Popov
MGIMO-University (Russia, Moscow)

ASSOCIATE EDITORS

Sofia K. Babkina
Daria P. Zhabina
Anastasia V. Pavlova
Anastasia A. Sigova
Tatiana Ya. Shcherbak

Klaus Segbers
Free University of Berlin (Germany, Berlin)

Dr Tatiana A. Shakleina
MGIMO-University (Russia, Moscow)

Chih-yu Shih
National Taiwan and National Sun Yat-sen
University (China, Taiwan, Taipei City)

Dr Lyudmila I. Sherstova
Tomsk State University (Russia, Tomsk)

Dr Leonid V. Smorgunov
Saint Petersburg State University
(Russia, Saint Petersburg)

Dr Marina V. Strezheva
Institute of World Economy and International
Relations RAS (Russia, Moscow)

Dr Dmitry V. Streltsov
MGIMO-University (Russia, Moscow)

Dr Ivan N. Timofeev
Russian International Affairs Council
(Russia, Moscow)

Anne de Tinguy
Sciences Po (France, Paris)

Jeanne L. Wilson
Wheaton College; Harvard University (USA)

Yu-Shan Wu
Institute of Political Science, Academia Sinica
(China, Taiwan, Taipei City)

Li Xing
Beijing Normal University (PRC, Beijing)

Alexander Zhebit
Federal University of Rio de Janeiro
(Brazil, Rio de Janeiro)

Dr Viktoria I. Zhuravleva
Russian State University for the Humanities
(Russia, Moscow)

Charles E. Ziegler
University of Louisville (USA)

Dr Olga V. Zinevich
Novosibirsk State Technical University
(Russia, Novosibirsk)

COMPUTER LAYOUT

Dmitry E. Volkov

Журнал основан в 2009 г.
С начала издания – № 50

PUBLISHERS
Publishing Group "Yurist"
MGIMO-University

The journal is published with the support
of the "Priority 2030" Strategic Academic
Leadership Program

INDEXING

The journal is included in international and
Russian bibliographic databases, including
ESCI Web of Science Core Collection, Google
Scholar, Higher Attestation Commission, RSCI
and others.

web-page: svrapol.ru
ISSN (print) 2221-3279
ISSN (online) 2612-4990

Printed at the Department
of Operational Polygraphy and
Multiplication Technology,
MGIMO University.
76 Prospekt Vernadskogo,
Moscow, Russia, 119454.
Circulation 2000 copies.
Order No. 444.

The opinions expressed in *Comparative Politics Journal* are those of the authors and contributors, and do not necessarily
reflect those of the editors, the editorial board, MGIMO University, Publishing Group "Yurist", or the organizations to which
the authors are affiliated.

© Comparative Politics, 2023
© O.V. Gaman-Goluvina, 2023
© Publishing Group "Yurist", 2023

ПОЛИТИКА ПАМЯТИ И ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА

СОДЕРЖАНИЕ НОМЕРА

ПОЛИТИКА ПАМЯТИ КАК «ИСКУССТВО ЛЕГКИХ КАСАНИЙ»

О.В. Гаман-Голутвина

ПОЛИТИКА ПАМЯТИ И ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА

Политика памяти в контексте международных отношений (на примере музея Г.К. Жукова в Монголии)
А.В. Михалев
(Бурятский государственный университет)

Музеи и мемориальные объекты в российско-китайском пограничье: перспективы создания «компромиссной» версии общей истории
И.Ю. Зуенко (МГИМО МИД России)

Корейский взгляд на потенциальные исторические обиды в отношениях с Россией до 1910 г.
И.В. Дьячков, Д.Е. Шкатов (МГИМО МИД России)

Роль политики памяти в конструировании новых идентичностей в странах Большого Каспия (на примере Республики Казахстан и Республики Туркменистан)
А.П. Романова (Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева),
М.М. Федорова (ГАУГН, Институт философии РАН)

МОЗАИЧНОЕ ПОЛЕ РОССИЙСКОЙ И МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ

Право на образование в современной конституции: сравнительный аспект
А.С. Автономов (Московский университет имени А.С. Грибоедова),
В.В. Греб (МГИМО МИД России; Московский университет имени А.С. Грибоедова)

Правительственность в конструировании национальной идентичности русской женщины
Лейла Хадем Максус Хоссейни (Иран)

НАУЧНЫЙ ДЕБЮТ

Интеррегионализм в контексте создания ЗСТ между интеграционными объединениями (ЕС и ЕАЭС) и Индонезией: перспективы и препятствия
А.Э. Урюпина (МГИМО МИД России)

КНИЖНАЯ РЕЦЕНЗИЯ

Рассмотрение роли политического языка и риторики в контексте обсуждения политической эффективности.
Рецензия на книгу:
Docherty T. (2019) Political English: Language and the Decay of Politics
Е.Б. Дегтярева (МГИМО МИД России)

THE POLITICS OF MEMORY AND HISTORICAL POLICY

CONTENTS

THE POLITICS OF MEMORY AS "THE ART OF LIGHT TOUCHES"

Dr Oksana V. Gaman-Golutvina

POLITICS OF MEMORY AND HISTORICAL POLICY

10 The Politics of Memory in the Context of International Relations (On the Example of the G.K. Zhukov Museum in Mongolia)
Dr Alexey V. Mikhalev
(Buryat State University)

23 Museums and Memorials in Russia-China Cross-Border Regions: Prospects of Creating a "Compromise" Version of Shared History
Dr Ivan Yu. Zuenko (MGIMO University)

39 Korean Perspective on Potential Historical Grievances in Relations with Russia before 1910
Dr Ilya V. Dyachkov, Danil Ye. Shkatov (MGIMO University)

60 Memory Policy and the Construction of New Identities in the Greater Caspian Countries: The Cases of Kazakhstan and Turkmenistan
Dr Anna P. Romanova (Astrakhan Tatishchev State University),
Dr Mariya M. Fedorova (State Academic University for the Humanities, IPh RAS)

MOSAIC FIELD OF RUSSIAN AND WORLD POLITICS

79 The Right to Education in the Modern Constitution: A Comparative Aspect
Dr Alexei S. Avtonomov (Moscow University named after Alexander Griboyedov),
Dr Vladislav V. Grib (MGIMO University; Moscow University named after Alexander Griboyedov)

122 Art of Governmentality in Construction of Russian Woman's National Identity
Dr Leila Khadem Makhsuos Hosseini (Iran)

SCIENTIFIC DEBUT

135 Interregionalism in the Context of FTA between Integration Organizations (EU and EAEU) and Indonesia: Prospects and Obstacles
Alisa E. Uryupina (MGIMO University)

BOOK REVIEW

154 Examining the Role of Political Language and Rhetoric in the Context of the Debate on Political Efficacy.
Book review:
Docherty T. (2019) Political English: Language and the Decay of Politics
Elizaveta B. Degtyareva (MGIMO University)

ПОЛИТИКА ПАМЯТИ КАК «ИСКУССТВО ЛЕГКИХ КАСАНИЙ»

«Титульной» темой номера выступает феномен и политика исторической памяти. На исходе XX в. в предметном поле социогуманитарного знания наряду с понятиями исторического знания, исторического сознания и представлений о прошлом возникло понятие исторической памяти в качестве инструмента ре-интерпретации взаимосвязей между историей, памятью и идентичностью. Соответствующие изыскания нередко определяются как «поворот», «мемориальная парадигма», «мемориальная революция» и даже «мемориальный бум». Немецкая исследовательница А. Ассман даже использовала термин «повальное увлечение» исследованием образов прошлого в качестве интерпретационных моделей, позволяющих ре-интерпретировать настоящее. Мемориальная парадигма восприняла идеи французского социолога Мориса Хальбвакса – погибшего в нацистском концлагере автора труда «Коллективная память», и прежде всего, ключевую идею Хальбвакса: если история как наука стремится к универсальности, и при всех делениях на национальные истории или истории по периодам, есть только одна история, то одновременно существуют несколько вариантов коллективной памяти.

Известный отечественный исследователь Л.П. Репина правомерно отмечает: значение парадигмы исторической памяти состоит в том, что это – «не только один из главных каналов передачи опыта и сведений о прошлом, но и важнейшая составляющая самоидентификации индивида, социальной группы и общества в целом»¹. Это означает, что историческое прошлое в формате особого типа памяти определяет смысловое содержание настоящего. Поэтому уже три десятилетия назад в фокус внимания представителей профессионального сообщества вошли вопросы соотношения истории, памяти и идентичности с использованием культурного наследия, инструментов исторической политики и с учетом трансформации исторического сознания и исторической культуры. Содержание, объем, границы и функционал понятия исторической памяти остаются предметом дискуссий и характеризуются концептуальной нестрогостью,

¹ Репина Л.П. Культурная память и проблемы историописания (историографические заметки): препринт WP6/2003/07 / Л.П. Репина. – М.: ГУ ВШЭ, 2003. С. 10.

рождающей сложности с разграничением понятий исторической памяти и исторического сознания. Историческое сознание – более широкое понятие, оно более поддается строгой артикуляции и предполагает более системную рефлексию о прошлом. Многозначность понятия исторической памяти является одним из факторов, определяющих его востребованность в современном гуманитарном знании.

В представляемом номере затронуты несколько сюжетов, имеющих отношение к политике памяти. В статье известных отечественных исследователей профессоров А.П. Романовой и М.М. Федоровой представлен сравнительный анализ неоднозначных по содержанию процессов формирования новых идентичностей в постсоветских государствах Каспийского региона. Этот регион значим с точки зрения геоэкономических интересов России, и перспективы эффективного сотрудничества в данном регионе не в последнюю очередь связаны с характером интерпретации общего с соседями исторического прошлого, что наряду с иными мотивами стимулирует исследовательский интерес к изучению политики исторической памяти в странах региона. В качестве объекта изучения с использованием социологических методов избраны Республика Казахстан и Республика Туркменистан, опыт мемориальной политики которых коррелирует с практиками других государств Центральной Азии в плане использования исторической памяти для укрепления национальной идентичности. Изыскания показали, что технологии укрепления национальной идентичности в упомянутых государствах включают «фундаментализацию» собственного прошлого за счет его «удревления», пересмотр и переоценку совместного с Россией исторического пути и формирование образа будущего. Сравнительный анализ показывает существенно более высокую интенсивность исторической политики в Казахстане, что может быть обусловлено не только отмеченными авторами социально-политическими различиями стран, но также с высокой степенью открытости Казахстана и активностью в ее социокультурном пространстве заинтересованных внерегиональных игроков.

Специалист в области истории и современной политики Китая И.Ю. Зуенко задается задачей оценить содержание мемориальных экспозиций в российско-китайском трансграничье с целью оценки перспектив использования трансграничного туризма для формирования «компромиссной», устраивающей обе стороны версии истории российско-китайских отношений. Этот сюжет представляет тем больший интерес, что, несмотря на высокий уровень текущего российско-китайского сотрудничества, пока непроработанным остается ряд вопросов прошлого двусторонних отношений, которые в большинстве случаев оцениваются сторонами по-разному, что находит отражение в «борьбе исторических нарративов». Проведенный анализ несколько озадачивает, поскольку

на материале анализа ряда мемориальных мероприятий автор констатирует ограниченную эффективность усилий российской стороны по продвижению собственных интерпретаций истории двусторонних отношений, которые не воспринимаются китайской стороной, активно продвигающей собственную повестку. И.Ю. Зуенко обоснованно предлагает серьезную проработку прошлого отношений двух стран в формате академической дискуссии, что позволит перейти от «борьбы нарративов» к созданию «компромиссной», но объективной версии истории. При этом автор отнюдь не претендует на полноту охвата проблематики, а приглашает к научной дискуссии.

Статья И.В. Дьячкова и Д.Е. Шкатова переносит нас на соседний по отношению к КНР Корейский полуостров и посвящена рассмотрению роли конструкторов исторической памяти на корейском материале, что обретает новое звучание в контексте активизации в настоящее время взаимодействия Российской Федерации с КНДР. Исследование фокусировано на чувствительном в политике памяти понятии «историческая обида», использование которого в актуальном дискурсе, как правило, политически мотивированно. Данный термин характеризует диспозицию, в которой одна сторона представляет себя в качестве невинной жертвы, а другая выглядит как несправедливый обидчик. Эта диспозиция может быть использована в качестве эффективного инструмента политической дискредитации «обидчика» и мобилизации поддержки собственного населения. К счастью, российско-корейские отношения в целом не отягощены грузом трудноразрешимых проблем, однако существует несколько исторических сюжетов, которые могут быть актуализированы в случае осложнения современного политического контекста. В статье деликатно рассмотрены эти сюжеты. На наш взгляд, помимо решения академических задач результаты данных изысканий могут быть весьма полезны и практическим политикам – как минимум для того, чтобы обойти потенциально острые углы как в отношениях с КНДР, так и во взаимодействии с РК, которую называют «наименее недружественной» из недружественных стран.

Еще одним профильным сюжетом стало рассмотрение профессором Бурятского государственного университета А.В. Михалевым монгольского кейса – роли музея маршала Г.К. Жукова в Улан-Баторе в контексте развития современных практик мемориальной культуры и шире – в контексте российско-монгольских отношений. Автор выявляет взаимосвязь между коммеморативными практиками и решением политических задач – в данном случае восстановлением военного сотрудничества России и Монголии. Этот пример подтверждает функциональные возможности мемориальной политики, инструменты которой используются порой и для достижения вполне прагматических целей: музей, находящийся в прямом подчинении министерства обороны Монголии, выступает в качестве элемента системы

военно-дипломатических отношений. Что касается собственно символической политики, то роль коммеморации трудно переоценить. Так, музей Г.К. Жукова напоминает о признании в 1946 г. суверенитета Монголии со стороны Китайской республики, считавшей Монголию своей автономией и стремлению Монголии к обретению периферийного места в мировой политике XX в.

Адекватная историческая память немыслима вне качественного исторического образования и качественного образования вообще. В том числе этим обстоятельством обусловлено включение в данный выпуск статьи проректора Московского университета им. А.С. Грибоедова, доктора юридических наук, профессора А.С. Автомонова и заведующего кафедрой конституционного права МГИМО, заслуженного юриста РФ, академика РАО, доктора юридических наук, профессора В.В. Гриба о праве на образование. Авторы исходят из логичной посылки о том, что качество образования не в последнюю очередь зависит от позиционирования права на получение образования в юридическом поле. Нет сомнений, что выявление специфики закрепления данного права в конституции позволяет оценить качество образования и спрогнозировать тенденции его развития, что побуждает авторов к проведению сравнительного анализа способов закрепления права на образование в современных конституциях, а также выявлению основных тенденций и закономерностей конституционного обеспечения реализации данного права в текущих условиях.

В.В. Гриб и А.С. Автомонов разбирают содержание конституционного права на образование и выясняют, что и сегодня есть конституции, не предусматривающие права на образование. И все же авторы правы: в современном мире проще перечислить страны, в конституциях которых не зафиксировано право на образование, чем те, где оно в том или ином виде наличествует.

Макрорегиональное и региональное измерения политики получают развитие в рубрике «Научный дебют», содержащей статью А.Э. Урюпиной, которая с опорой на эвристический потенциал недавно вошедшего в научный оборот термина «интеррегионализм» (в своей «чистой» версии определяет сотрудничество между двумя интеграционными объединениями в отличие от квази-интеррегионализма, при котором взаимодействие ведется не с интеграционным объединением, а с его отдельной страной-участницей) исследует конкретный кейс квази-интеррегионализма по линии ЕС–Индонезия. Казалось бы, данный сюжет далек от актуальных вопросов отечественного политологического дискурса и его обсуждение имеет смысл преимущественно *ad hoc* в кругу узких специалистов, однако данный кейс обретает более широкое звучание в связи с планами Евразийского экономического союза (ЕАЭС) проводить активную интеррегиональную политику и развивать торгово-экономическое сотрудничество

также с отдельными странами-участницами АСЕАН. ЕАЭС уже заключил соглашения о ЗСТ с Сингапуром и Вьетнамом; «на столе» – вопрос о заключении сделки о ЗСТ и с Индонезией, переговоры по которой уже начались весной 2023 г. В этой связи обсуждение аналогичного опыта ЕС, продвинувшегося по пути сотрудничества не только с АСЕАН как консолидированным образованием, но также с его отдельными участниками, имеет смысл. Успех исследования может быть связан с рационально обоснованными критериями, в качестве которых выступают состояние торговых отношений; уровень институционализации данных отношений; препятствия на пути к заключению соглашений о ЗСТ.

Артикуляция исторической политики, как правило, включает анализ практик идентификации, поэтому в представляемый выпуск включена статья молодой исследовательницы из Ирана Лейлы Хадем Махсуос Хоссейни, которая рассматривает влияние государственной политики на формирование национальной идентичности русской женщины. Мнение иранского ученого по данной теме само по себе представляет интерес – взгляд внешнего наблюдателя может сообщить то, что не видно «изнутри». Обращение к этой теме представительницы Ирана не выглядит экстравагантным, если иметь в виду обоюдную приверженность российского и иранского обществ традиционным ценностям, несмотря на существенные различия этноконфессионального и социокультурного профиля двух стран. Автор полагает, что российская политика идентичности построена в том числе с учетом здравого смысла, поэтому не удивительно, что отличием российских ценностей от западных норм является гетеронормативная идентичность, глубоко укорененная в российской философии и истории. Несмотря на то, что официальный дискурс гетеронормативности увязывается российскими властями с демографической политикой, автор усматривает в гетеронормативном здравом смысле один из результатов противопоставления российских ценностей западному стандарту. Гетеронормативность, в отличие от западной нормы изменчивости идентичности, определяет российские культурные границы перед лицом глобальной культурной гегемонии Запада.

Учитывая тематику номера как ориентированную преимущественно на тематику исторической памяти как *soft* тематику из сферы «искусства тонких касаний», логичным завершением номера является рецензия Е.Б. Дегтяревой на книгу Т. Дочерти *«Political English: Language and the Decay of Politics»*. Представление книги вписано в более общий контекст размышлений относительно роли языка и риторики в политической коммуникации. С опорой на анализ знаковых работ из области лингвистики и когнитивистики, автор утверждает, что риторика играет не последнюю роль в качестве эффективного инструмента достижения политических

целей. Это положение трудно оспорить с учетом выделенных Т. Дочерти способов влияния языка на политические процессы, включая возможность формировать социально-политическую повестку для общественности, способность убеждать, возможность создавать необходимый имидж государства, возможность манипулировать общественным сознанием. Текущие политические процессы подтверждают статус языка в качестве мощного инструмента политики, и анализ политических дискурсов способствует лучшему пониманию того, как формируется политическая коммуникация.

Завершая представление номера, приходится констатировать, что отечественная политическая наука весьма продвинулась по части изучения феномена исторической памяти, но практическая политическая субъектность в данном поле остается актуальной задачей. Надеемся, что материалы номера будут востребованы не только при изучении данной тематики, но в рамках практической политики.

О.В. Гаман-Голутвина,
главный редактор журнала «Сравнительная политика»,
президент РАПН, член Общественной палаты РФ,
член-корреспондент РАН

ПОЛИТИКА ПАМЯТИ В КОНТЕКСТЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ (НА ПРИМЕРЕ МУЗЕЯ Г.К. ЖУКОВА В МОНГОЛИИ)

Алексей МИХАЛЕВ

Бурятский государственный университет им. Д. Банзарова

Аннотация: Представленная статья посвящена изучению политики памяти в Монголии на примере мемориального комплекса Г.К. Жукову, включающего в себя музей, памятник, улицу. В работе анализируется трансформация политического статуса данного мемориала в XX–XXI вв.: рассматривается изменение придаваемых экспозиции и фасаду музея исторических, культурных и политических смыслов. Отдельный раздел статьи посвящен практикам коммеморации. В центре внимания находятся мемориальные акты, совершаемые главами государств. Работа опирается на три группы эмпирических материалов: личные наблюдения автора, материалы монгольской и российской прессы, публичные высказывания глав государств. Дизайн исследования ориентирован на анализ моделей политического использования прошлого. Автор предполагает, что включение музея в сферу публичных коммемораций на уровне глав государств связано с восстановлением военно-политического сотрудничества между Россией и Монголией в 2008 г.

Ключевые слова: политика памяти, музей, Монголия, коммеморация, символ, наследие, мемориалы

В последние годы в мире развернулась масштабная борьба с символами прошлого. Примечательно, что снос памятников и демонтаж музейных экспозиций происходят не только в Восточной Европе, но и в государствах других регионов, в том числе в США. Попытки создать «удобное» прошлое стали символом современной политики, обращенной не столько в настоящее,

Алексей Викторович Михалев – доктор политических наук, ведущий научный сотрудник Центра изучения политических трансформаций, Бурятский государственный университет им. Д. Банзарова.

ORCID: 0000-0001-7069-2338. E-mail: mihalew80@mail.ru

670000, Республика Бурятия, Улан-Удэ, ул. Пушкина, д. 25.

Поступила в редакцию: 04.11.2023

Принята к публикации: 18.01.2024

Конфликт интересов: Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Благодарность. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-01087, <https://rscf.ru/project/22-28-01087>.

сколько в былое. Данное исследование посвящено одному из эпизодов этого явления. В фокусе внимания находится динамика посткоммунистического развития большого и по-прежнему политически значимого в Восточной Азии музея маршала Г.К. Жукова, расположенного в столице Монголии Улан-Баторе и обладающего статусом филиала Военного музея Монголии (Ундармаа, 2006).

В Монголии музей Г.К. Жукова символизирует фундаментальные институты современного государства, поскольку он возник в 1979 г. как памятник акту суверенитета – победе на Халхин-Голе в 1939 г. В данной ситуации совершенно справедливо утверждение Б. Андерсона о том, что музеи и музейное воображение в глубине своей политичны (Андерсон, 2018: 290). А политические смыслы и экспозиции музея Г.К. Жукова периодически трансформируются, способствуя поддержанию его актуальности.

Дом-музей маршала Советского Союза Г.К. Жукова в Улан-Баторе был открыт 19 августа 1979 г. Этот период новейшей истории Азии отличался крайне накаленной внешнеполитической обстановкой в регионе. В результате Китайско-вьетнамского конфликта 1979 г. обострилась ситуация на советско-китайской и монголо-китайской границах (Лиштованный, 2007: 36). На открытии музея Ю. Цеденбал заявил: *«С великой благодарностью вспоминая сегодня о советских и монгольских героях Халхин-Гола, мы вправе называть первым имя выдающегося сына Коммунистической партии и советского народа, прославленного полководца Великой Отечественной войны Георгия Константиновича Жукова... Сегодня мы здесь собрались для того, чтобы в торжественной обстановке открыть музей Маршала Советского Союза Г.К. Жукова в доме, в котором он жил и работал с октября 1939 г. до мая 1940 г., будучи командующим 1-й армейской группой советских войск, временно находившихся в МНР по просьбе нашего правительства... Великий военный деятель Г.К. Жуков жив среди нас своими героическими делами и воюет вместе с нами против фальсификаторов истории войны, против сил империализма, гегемонизма и экспансионизма. Его прославленное имя зовет нас к бдительности в отношении любителей бряцать оружием, сил реакции и войны»* (Воротников, 1989: 209).

К настоящему времени музей Г.К. Жукова утратил свою дидактическую функцию. В нем больше не встретишь группы монгольских и советских пионеров. Сегодня его основная роль – политическая: сохранить позитивную память об общем прошлом, о боевом братстве. Ветераны, военные, дипломаты, политики и туристы являются основными посетителями комплекса. Рядом с музеем находится уникальный объект публичной истории – памятник маршалу Жукову, в котором прослеживается даже не наслоение, а смешение разных исторических нарративов: советского, монгольского и современного российского.

Цель настоящей работы – анализ трансформации музея маршала Г.К. Жукова в посткоммунистический период. Автор ставит задачей не только выявить появление новых функций у отдельно взятого музея, а также связанных с ним патриотических нарративов, но и охарактеризовать структуру присущих ему ритуалов.

Источниковую базу исследования составляют материалы музейных экспозиций, проанализированные и зафиксированные автором данной статьи в период экспедиций в Улан-Батор с 2004 по 2019 гг. Источниками также являются тексты публичных выступлений лидеров МНР. Кроме того, использованы публикации о музее в СМИ, освещающие различные аспекты его деятельности.

У истоков изучения коллективной и социальной памяти о героях в посткоммунистической Монголии стоял американский антрополог К. Каплонски. Его книга *«Правда, история и политика в Монголии. Память о героях»*, написанная в 2004 г., представляет собой глубокий анализ становления современного монгольского исторического нарратива. В ней автор подробно разбирает образы героев и памятники им в пространстве Улан-Батора (Kaplonski, 2004). Кроме того, именно К. Каплонски предпринял одну из первых попыток проанализировать современный культ Чингисхана в Монголии 1990–2000-х гг. (Kaplonski, 2004: 117). Однако при изучении структуры памяти, в том числе политики памяти, Каплонски крайне тенденциозно оценивает советское наследие, безапелляционно характеризуя его как колониальное: *«Монголы, как уже упоминалось, вышли из-под семидесятилетнего по существу колониального советского правления»* (Kaplonski, 2004: 8). В этом контексте памятники советской эпохи, за исключением фактов их демонтажа, а также их последующая судьба им практически не рассматриваются.

Другой ключевой фигурой в дисциплинарном поле изучения памяти является британский ученый монгольского происхождения У. Булаг. Интерес представляет его статья *«Культ Улаанхуу: история, память и создание этногероя»*. В центре внимания автора находится культ коммунистического лидера в Автономном районе Внутренняя Монголия КНР (Bulag, 1998). Данная работа содержит подробное описание специфики марксистской коммеморации в Азии и напрямую перекликается с настоящим исследованием о музее Г.К. Жукова. В этом же контексте стоит упомянуть еще одну статью У. Булага о Хайларском мемориальном парке и о братской могиле солдат советско-монгольских союзных войск.

В целом число исследований как культа героев, так и политики памяти вокруг них в монгольском мире сравнительно невелико, поэтому в узком ряду специалистов по изучению данного феномена важно упомянуть польских ученых: З. Шмыта и И. Пешкова. Речь идет о *«Главе 5. Монголия»* в коллективной монографии *«Память о Второй мировой войне за пределами Европы»*, выпущенной в 2022 г. Авторы отмечают: *«Этой ситуации (активной коммеморации памяти о войне 1939 г. – прим. А.М.) соответствует мемориальная политика как в Монголии, так и в России. Представители монгольского МИДа*

ставят памятники и организуют встречи, посвященные совместному пути к Победе, монгольские части участвуют в московских парадах, а в самой Монголии продолжается культ Халхин-Гола и маршала Жукова, не затронутый кардинальными переменами в культурной политике и международной позиции страны» (Пешков, Шмыт, 2022). Вместе с тем, поле исследований социальной и культурной памяти во Внутренней Азии является гораздо более насыщенным дисциплинарным пространством, поэтому историографический отбор ограничивается именами исследователей, занимающихся только памятью о героях. Более широкий обзор предполагает описание целого ряда принципиальных дискуссий между востоковедами о специфике современной культурной памяти среди монгольских народов.

Концепция музея в исторической ретроспективе

Музей Г.К. Жукова представляет собой персоналистский музей, одной из важнейших категорий анализа которого является глорификация (прославление). Само понятие берет свое начало из политической теологии и прежде всего подразумевает прославление героя после смерти. В Монголии глорификация Г.К. Жукова, берущая начало в середине XX в., связана с борьбой за суверенитет и независимость.

Как отмечалось, музей Г.К. Жукова в столичном районе Найрамдал был открыт в 1979 г. Для мемориального объекта было выбрано одноэтажное здание постройки 1930-х гг., в котором в 1938 г. проживал будущий маршал Советского Союза И.С. Конев, а в 1939 г. располагалась ставка Жукова. Год открытия музея совпал с 40-летием победы советско-монгольских войск на Халхин-Голе, поэтому рассматривать миссию музея стоит в контексте региональной истории, то есть истории Внутренней Азии. Этот контекст предполагает существование двух значимых исторических трендов: первого – коммеморативного, второго – внешнеполитического.

Меняя масштаб описания условий развития персонифицированных военно-исторических музеев (Мазур, 2019: 100–119) в регионе и сравнивая музей Жукова с музеем маршала К.К. Рокоссовского, можно выявить интересные тренды. Музей Рокоссовского был открыт 23 февраля 1968 г. в селе Желтура, на советско-монгольской границе, в доме, где квартировал будущий маршал в период боев гражданской войны в Забайкалье и в Монголии. При этом музей К.К. Рокоссовского сегодня относится к музеям муниципального уровня, в то время как учредителем музея Г.К. Жукова является министерство обороны Монгольской Народной Республики (МНР). Таким образом формировался военно-исторический контекст развития регионального музейного дела.

Вместе эти два музея формируют общий исторический нарратив, однако их разделяет важная особенность: музей Жукова вписан в значимый идеологический контекст региональной истории Внутренней Азии. Речь идет о так называемом культе трех маршалов: И.В. Сталина, Г.К. Жукова и Х. Чойбалсана. «Культе трех маршалов» представлял собой систему памяти о героях – устроителях политического порядка в Азии, обеспечивших суверенитет Монголии.

Памятник Сталину простоял в центре Улан-Батора, у входа в Центральную библиотеку, вплоть до 1991 года¹. Казалось бы, тогда этот символ ушел в прошлое, однако его монумент вернулся в монгольскую столицу в 2017 г. как часть мемориального комплекса «Большой тройке» (скульптуры Сталину, Рузвельту и Черчиллю). Памятники Х. Чойбалсану, равно как и название города в его честь, спокойно пережили период демократизации и декоммунизации. Более того, в 2022 г. парные бюсты маршалам Г.К. Жукову и Х. Чойбалсану были установлены у школы № 1321 в Москве. Этот проект был приурочен к столетию установления дипломатических отношений между двумя странами и осуществлялся при участии МИД Монголии и России. Данный символический акт является продолжением мемориальной традиции, сформировавшейся во второй половине XX века в Монголии и оказавшей влияние на соседние территории СССР.

Время, когда был основан музей Г.К. Жукова, вошло в историю как эпоха советско-монгольской дружбы. Согласно историографической традиции, принятой в Азии, она обозначается словом «*Найрамдал*» (Дружба). Такое название получили один из районов Улан-Батора и даже горный пик на стыке советско-монголо-китайской границы. Именно в МНР в конце 1970-х гг. находилось самое большое количество советских специалистов и военных. В самой столице Монголии дислоцировался штаб 39-й общевойсковой армии общей численностью свыше 100 000 человек², что требовало соответствующей инфраструктуры, не только военной, но и идеологической. Долговременное военное присутствие предполагает наличие сети мест отправления воинских ритуалов, а также институтов культурного потребления.

На момент открытия здание музея находилось в самом центре советской военно-политической жизни в Монголии. По сей день названия улиц здесь напоминают об ушедшей эпохе: *Жуковын гудамж* (улица Жукова), *Офицерийн ордонь тойрог* (Дворец офицеров) и другие. С.А. Панарин, характеризуя то время, пишет: «Во всех обслуживающих строителей и армию учреждениях тоже работали советские люди. Неудивительно, что целые микрорайоны столицы – 13-й, 14-й и 15-й – были целиком заселены советскими строителями и военными. Масштабы присутствия русских / советских в Улан-Баторе впечатляли сразу: когда я в первый раз шел по его главной улице Энхтайвны гудамж (Проспект Мира), мне порой казалось, что соотечественников на ней больше, чем монголов» (Панарин, 2014).

Тем не менее, музей Г.К. Жукова – это прежде всего монгольский музей, с самого начала наглядно демонстрировавший участие Монголии в событиях всемирно-исторического масштаба, частью которых (в марксистско-ленинской интерпретации) являлась и война на Халхин-Голе. В этом контексте фигура Жукова обретала особый смысл, поскольку позволяла легитимизировать

¹ О событиях 1989–1991 гг. см. Ломакина, 2006: 283.

² См. Панарин, 2014.

свою государственность посредством отсылки к образу маршала Победы и к Ялтинским соглашениям 1945 года³. К сказанному выше следует добавить, что Китайская республика, считавшая Монголию своей автономией, признала ее суверенитет в 1946 г. (КНР – в 1949 г.), а Тайвань (позиционирующий себя в качестве преемника Китайской республики) – лишь в 2002 г.

Фасад и экспозиция

В 2005 г. автор настоящей работы застал музей в виде серой одноэтажной постройки, на крыше которой был установлен транспарант с названием. Данная конфигурация не соответствовала изначальному состоянию здания – по крайней мере того периода, память о котором этот музей должен хранить – то есть дому, в котором проживал маршал с семьей. Монгольский исследователь Л. Ундармаа в 2006 г. описывала сооружение следующим образом: *«Сегодня размеры здания прежние, даже сохранена кирпичная кладка стен, были изменены внешняя и внутренняя облицовка стен здания и внутренняя планировка. Раньше здесь были небольшие жилые комнаты, теперь здесь три просторных зала, где расположился наш музей. Рядом с музеем находится памятник Г.К. Жукову. Архитектор Н. Уртнасан – автор скульптурной композиции; автор бронзового бюста – заслуженный деятель искусств МНР – скульптор С. Доржпалам. Позади бюста опрокинута треугольная стела: наконечник стрелы, вонзившийся в землю, означающий, что враг не пройдет по нашей земле и будет уничтожен. В год открытия музея был заложен фундамент памятника. Открытие его было приурочено к празднованию 40-летия разгрома фашистских полчищ под Москвой в декабре 1941 г. В 1980 г. музей был передан в ведение Министерства Обороны СССР»* (Ундармаа, 2006). После 1991 г., в соответствии с условиями вывода советских войск из азиатского государства, большинство советских военных объектов в Улан-Баторе стали национальной собственностью Монголии, включая музей, который перешел под юрисдикцию министерства обороны.

Спустя пятнадцать лет Российская Федерация возобновила поддержку наиболее значимых мемориальных объектов в Монголии. В 2006 г. при содействии правительства г. Москвы была проведена реконструкция Дома-музея Жукова. После ее завершения фасад музея украсили масштабная икона Георгия Победоносца и портрет маршала в парадной форме. У здания на постаментах были установлены два артиллерийских орудия времен Второй мировой войны (противотанковые пушки 45-миллиметрового калибра). Была обновлена крыша; цвет здания сменился с серого на белый. В 2006 г. музей приобрел свой нынешний внешний вид, который по сей день не менялся (Михалев, 2020). Концепция фасада музея в большей степени соответствует современным российским идеологическим установкам, а не советским. Речь идет о сочетании самых разных советских и православных символов и знаков

³ См. Маршал Г.К. Жуков в исторических оценках, документах и воспоминаниях, 2016.

без отсылки к истории Российской Империи. Как представляется, через такую постсоветскую эклектику выстраивается культурная и политическая преемственность между СССР и современной Россией.

Экспозиция музея представлена в трех залах. Первый зал посвящен событиям 1939 г., второй – Великой Отечественной войне, третий – картине Ю.М. Непринцева «Василий Теркин, или отдых после боя», а также сопутствующим теме фотографиям. Изначально музейная коллекция формировалась и советской, и монгольской сторонами: при участии министерства обороны СССР и политико-административной элиты МНР; ряд экспонатов передал лично Ю. Цеденбал.

Среди многочисленных фотографий, знамен и образцов огнестрельного и холодного оружия первой половины XX в., представленных в музее, стоит остановиться на некоторых наиболее значимых экспонатах. Во-первых, это монгольский орден Красного знамени, врученный Г.К. Жукову в конце 1930-х гг. С точки зрения фалеристики, орден представляет интерес как одна из первых версий этой награды. Кроме того, в музее хранятся подлинники всех четырех звезд героя Советского Союза, которыми был награжден полководец, а также парадный китель маршала.

Экспозицию музея, учитывая, что его юрисдикция дважды менялась, можно охарактеризовать как содержащую два ключевых нарратива: память о боях на Халхин-Голе и память о Великой Отечественной войне. Первый нарратив ориентирован на монгольского посетителя, а второй – на советского / российского. Также музей является уникальным свидетельством неоднозначного отношения политической элиты СССР к личности Г.К. Жукова, особенно в послевоенное время⁴. Популярность этого полководца в СССР на протяжении длительного времени вызывала опасения у ряда высокопоставленных членов КПСС. Возможно, именно поэтому первый музей был открыт в соседней Монголии, а не в самом Советском Союзе.

Экспозиция музея является не только иллюстрацией провозглашенной в свое время «нерушимой братской дружбы советского и монгольского народов», но и отображением более частной идеологии о советско-монгольском боевом братстве. Здесь подразумевается политика памяти, направленная на поддержание устойчивого политического партнерства. Более того, ритуальная часть коммемораций вокруг мемориального комплекса, посвященного Г.К. Жукову, со временем все более привязывается к окончанию Второй мировой войны и к международному признанию суверенитета Монголии. Память же о противостоянии с Японией географически сместилась на Халхин-Гол. Там создан еще один мемориальный комплекс, в центре которого находится четырехметровый бронзовый памятник Г.К. Жукову. Памятник был установлен в 2019 г. к 80-летию победы на Халхин-Голе. Возведение монумента

⁴ См. Маршал Г.К. Жуков в исторических оценках, документах и воспоминаниях, 2016.

осуществлялось в рамках программы «Российско-Монгольская инициатива» по договоренности губернатора Иркутской области С. Левченко и президента Монголии Х. Баттулги⁵.

Коммеморация на высшем уровне

В 2000 г. В. Путин совершил поездку в Улан-Батор⁶. Это был первый в истории визит Президента Российской Федерации в Монголию. До этого страну посещал Генеральный секретарь ЦК КПСС Л.И. Брежнев еще в 1974 г. Во время своего визита, который стал новой вехой в посткоммунистический период, В. Путин принял участие в серии мемориальных церемоний, в частности, возложил венок к памятнику советским воинам на горе Зайсан. Однако официальных мероприятий у музея Г.К. Жукова в 2000 г. не проводилось. Роль сыграл его статус, который начал меняться гораздо позже. Но именно подписание в 2000 г. «Улан-Баторской декларации» стало фундаментом для целого ряда проектов, в том числе касающихся политики памяти. Ответный визит президента Монголии состоялся шесть лет спустя: Н. Энхбаяр приехал в Москву⁷. Во время встречи главы обоих государств подписали «Московскую декларацию». И Улан-Баторская, и Московская декларации содержат разделы, посвященные сотрудничеству в сфере культуры⁸. Принятие этих соглашений способствовало проведению планомерной работы по сохранению мест воинской славы России в Монголии.

В числе первых коммеморативных актов у музея Жукова с участием представителей истеблишмента можно назвать возложение цветов к мемориалу мэром Москвы Ю.М. Лужковым 23 июня 2006 г. В ходе поездки Ю. Лужков посетил музей, встретился с ветеранами Второй мировой войны и провел переговоры с директором музея.

Итогом этого визита стало выделение правительством Москвы средств на реставрацию мемориального комплекса и переоформление экспозиции. Незаурядность ситуации, когда субъект Российской Федерации участвует в судьбе подведомственного министерству обороны Монголии музея, была урегулирована посредством принятия «Плана мероприятий представительства Правительства Москвы и Московского Центра Международного сотрудничества – Информационно-делового Центра «Москва – Улаанбаатар» в Монголии на 2007 год и в ознаменование 50-летия установления дружественных отношений между столицами России и Монголии». В результате 9 мая 2007 г. по-прежнему при поддержке правительства Москвы уже

⁵ В Монголии на Халхин-Голе установили памятник маршалу Жукову. *РБК*, 08 августа 2019. Available at: <http://surl.li/qbesp> (дата обращения: 09.01.2023).

⁶ Официальный визит в Монголию. *Президент России*, 13–14 ноября 2000. Available at: <http://kremlin.ru/events/president/trips/45655> (дата обращения: 09.01.2023).

⁷ В Кремле состоялись российско-монгольские переговоры на высшем уровне. *Президент России*, 08 декабря 2006. Available at: <http://kremlin.ru/events/president/news/36801> (дата обращения: 09.01.2023).

⁸ См. Лиштованный, 2007: 36.

в обновленном музее Г.К. Жукова была проведена встреча с ветеранами Великой Отечественной войны, приглашенными из русской общины в Улан-Баторе. От имени правительства Москвы ветеранам были вручены денежные пособия, а самому музею подарена библиотека военно-патриотической литературы. В завершение участники мероприятия возложили цветы к памятнику Жукова.

В августе 2009 г. в Монголию прибыл Д.А. Медведев⁹. В ходе второго дня визита президенты двух государств посетили музей Жукова и возложили цветы к монументу. Памятная церемония была приурочена к 70-й годовщине победы на Халхин-Голе. Это было первое в новейшей истории России мероприятие с прямым участием глав государств у мемориального комплекса в Улан-Баторе.

Следующий визит в Монголию нанес президент РФ В.В. Путин в 2014 г., когда отмечалось 75-летие победы на Халхин-Голе¹⁰. 3 сентября состоялось возложение венка к памятнику маршалу Г.К. Жукову у музея в Улан-Баторе. В ходе торжественной церемонии военный оркестр исполнил гимны России и Монголии, после чего сыграл несколько песен, посвященных событиям тех лет. Участники монгольского хора, обеспечивавшего музыкальное сопровождение мероприятия, были одеты в советскую форму 1930-х гг.

Последний к моменту написания настоящей работы визит Президента В.В. Путина в Монголию состоялся пять лет спустя, во время празднования 80-й годовщины победы на Халхин-Голе¹¹. Президенты В.В. Путин и Х. Баттулга вновь возложили венок к мемориалу маршала. Кроме того, главы государств-союзников в неофициальной обстановке пообщались с четырьмя участниками боев 1939 г., одному из которых исполнился 101 год. Мероприятие проводилось на территории музея, причем публично подчеркивалась непосредственная близость к улице, носящей имя Жукова.

В XXI в. масштабный комплекс, посвященный Г.К. Жукову, стал ключевым местом памяти, вокруг которого сформировался мемориальный консенсус между Россией и Монголией относительно периода строительства социализма. Под мемориальным консенсусом подразумевается определенное формальное или неформальное соглашение между государствами или внутри общества по поводу принятия или непринятия символов прошлого, а также интерпретации исторических событий. Такое соглашение обеспечивает бесконфликтность в вопросах отношения к местам памяти и определяет наиболее приемлемые способы использования тех или иных мемориалов или памятных дат, связанных с общей историей.

⁹ Состоялся двухдневный государственный визит Дмитрия Медведева в Монголию. *Президент России*, 26 августа 2009. Available at: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/45435> (дата обращения: 09.01.2023).

¹⁰ Рабочий визит в Монголию. *Президент России*, 03 сентября 2014. Available at: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/46547> (дата обращения: 09.01.2023).

¹¹ Официальный визит в Монголию. *Президент России*, 03 сентября 2019. Available at: <http://www.kremlin.ru/events/president/trips/61494> (дата обращения: 09.01.2023).

Учитывая, что коммеморация у комплекса маршалу Жукову, расположенного в центре Улан-Батора, ведется на уровне глав государств России и Монголии, можно предположить, что на современном этапе двусторонних отношений сложилась новая мемориальная культура. Она представляет собой совокупность постулатов и ценностей, формирующих представление о прошлом, и выстраивается вокруг понятия «боевое содружество» (Боевое содружество, 1983), которое относится не только к политике памяти, но и ко вполне конкретному опыту межгосударственных отношений в военной сфере в XXI в. Это содружество опирается на определенный тип памяти – память о победе. Таким образом, в постсоветской знаково-символической системе политических представлений о прошлом фигура маршала победы становится основополагающей. Вследствие посещения музея и памятника первыми лицами России во время их визитов в Монголию мемориальный комплекс становится политически значимым местом памяти, за которым закрепляются такие атрибуты, как материальность, символичность и функциональность (Политика аффекта, 2019).

Заключение

Музей Г.К. Жукова в Улан-Баторе – уникальный пример места памяти, связанного с конкретной личностью. Оно остается политически востребованным на протяжении почти половины столетия, и его роль в системе двусторонних отношений, особенно в части визитов президентов РФ, велика. Для современного российского государства мемориальный комплекс и связанные с ним коммеморативные акты являются олицетворением преемственности с политикой СССР в Монголии. Основой текущих двусторонних отношений служит военно-политический союз стран в XX в. Как следствие, музей Жукова имплицитно является «музеем русского оружия», о чем свидетельствуют многочисленные образцы, размещенные в экспозиционных залах.

Глорификация Г.К. Жукова в Монголии уходит корнями в середину прошлого столетия. Она напрямую связана с обретением международного признания и с советскими военно-политическими гарантиями суверенитета. В такой ситуации личность маршала победы и кавалера множества иностранных орденов выступала ярким примером, наглядно иллюстрировавшим непериферийное место Монголии в мировой политике XX в.

Визиты первых лиц России и Монголии к мемориальному комплексу имеют вполне фиксируемую частоту и динамику. В XXI в. прослеживается прямая взаимосвязь между коммеморативными практиками политиков и восстановлением военного сотрудничества России и Монголии, в частности, с началом регулярных учений «Дархан» и «Селенга». В этой связи музей, находящийся в прямом подчинении министерства обороны Монголии, выступает как один из элементов системы военно-дипломатических отношений.

В заключение стоит подчеркнуть, что музей Жукова является одним из двух знаковых мест (второе – мемориал на горе Зайсан) монгольской столицы, к которым пролегает маршрут участников акции «Бессмертный полк». Таким образом, мемориал в Улан-Баторе становится частью масштабного пространства памяти, включающего в себя столицы государств-союзников, одержавших победу во Второй мировой войне. В данной ситуации имя Г.К. Жукова, наряду с «Большой тройкой» (И.В. Сталин, Ф.Д. Рузвельт и У. Черчилль), стало на протяжении последних пятидесяти лет символом Ялтинско-Потсдамской системы отношений.

Список литературы

1. Bulag U.E. (1998) The cult of Ulanhu in Inner Mongolia: History, memory, and the making of national heroes. *Central Asia Survey* 17(1): 11–33. DOI: 10.1080/02634939808401021.
2. Kaplonski C. (2004) *Truth, history and politics in Mongolia. Memory of Heroes*. London and New York: Routledge Curzon.
3. Андерсон Б. (2018) *Воображаемые сообщества: размышления об истоках и распространении национализма*. М.: Кучково поле, 416 с.
4. *Боевое содружество: о советско-монгольском боевом содружестве* (1983) М.: Воениздат, 334 с.
5. Воротников М.Ф. (1989) *Г.К. Жуков на Халхин-Голе*. Омск: Книжное издательство, 224 с.
6. Лиштованный Е.И. (2007) *От великой империи к демократии: очерки политической истории Монголии*. Иркутск: Издательство ИГУ, 198 с.
7. Ломакина И.И. (2006) *Монгольская столица, старая и новая (и участие России в ее судьбе)*. М.: Издательство научных товариществ КМК, 293 с.
8. Мазур Л.Н. (2019) Мемориальные музеи политических деятелей в пространстве исторической памяти современной России. *Диалог со временем* (66): 100–119.
9. *Маршал Г.К. Жуков в исторических оценках, документах и воспоминаниях* (2016). Под ред. А.В. Сперанского. Екатеринбург: Издательский Дом «СОКРАТ», 440 с.
10. Михалев А.В. (2020) Символы советского присутствия в постсоциалистической Монголии. *Политическая наука* (2): 126–142. DOI: 10.31249/poln/2020.02.06.
11. Панарин С.А. (2014) Курица не птица? Воспоминания о социалистической Монголии. *Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований* (6): 66–76.
12. Пешков И.О., Шмыт З. (2022) Глава 5. Монголия. *Память о Второй мировой войне за пределами Европы*. Под ред. А.И. Миллера и А.В. Соловьева. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге. С. 97–113.
13. Политика аффекта: музей как пространство публичной истории (2019). М.: Новое литературное обозрение, 400 с.
14. Ундармаа Л. (2006) Музей Г. К. Жукова на монгольской земле. *Вестник центра «Москва–Улаанбаатар» (приложение к газете «Монголия сегодня»)* (7–8): 8.

THE POLITICS OF MEMORY IN THE CONTEXT OF INTERNATIONAL RELATIONS (ON THE EXAMPLE OF THE G.K. ZHUKOV MUSEUM IN MONGOLIA)

Dr **Alexey V. MIKHALEV** – Leading Research Fellow, Center for Political Transformation Studies, Banzarov Buryat State University.

ORCID: 0000-0001-7069-2338. E-mail: mihalew80@mail.ru
 24a Smolin str., Ulan-Ude, Russia, 670000.

Received November 4, 2023

Accepted January 18, 2024

Acknowledgments: This research was supported by the grant of Russian Science Foundation № 22-28-01087, <https://rscf.ru/project/22-28-01087/>.

Abstract: The article sheds light on memory politics in Mongolia. It focuses on the memorial complex dedicated to G.K. Zhukov, which includes a museum, a monument and a street. The research design is tailored to identify the ways of using history for political purposes. The study draws on three groups of empirical sources, that are the author's personal observations, the publications in Mongolian and Russian media as well as public statements made by the heads of states. The paper analyses how the political status of the memorial has evolved since the 20th century, by emphasizing different cultural and political meanings attached to the exposition and the facade of the museum. The article also considers commemoration practices associated with the memorial complex. The study concludes that the inclusion of the museum in the sphere of public commemoration at the head-of-state level is linked to the restoration of military and political cooperation between Russia and Mongolia in 2008.

Keywords: memory politics, museum, Mongolia, commemoration, symbol, Legacy, memorials

References:

1. Bulag U.E. (1998) The cult of Ulanhu in Inner Mongolia: History, memory, and the making of national heroes. *Central Asia Survey* 17(1): 11–33. DOI: 10.1080/02634939808401021.
2. Kaplonski C. (2004) *Truth, history and politics in Mongolia. Memory of Heroes*. London and New York: Routledge Curzon.
3. Anderson B. (2018) *Voobrazhaemye soobshchestva: razmyshleniia ob istokakh i rasprostraneni natsionalizma* [Imagined communities: reflections on the origin and spread of nationalism]. Moscow: Kuchkovo pole, 416 p. (In Russian).
4. *Boevoe sodruzhestvo: o sovetsko-mongol'skom boevom sodruzhestve* [Combat commonwealth: on the Soviet-Mongolian combat commonwealth] (1983). Moscow: Voenizdat, 334 p. (In Russian).
5. Lishtovannyi E.I. (2007) *Ot velikoi imperii k demokratii: ocherki politicheskoi istorii Mongolii* [From Great Empire to Democracy: Essays on the Political History of Mongolia]. Irkutsk: Izdatel'stvo IGU, 198 p. (In Russian).

6. Lomakina I.I. (2006) *Mongol'skaia stolitsa, staraia i novaia (i uchastie Rossii v ee sud'be)* [The Mongolian capital, old and new (and participation of Russia in its lot)]. Moscow: KMK Scientific Press, 293 p. (In Russian).
7. *Marshal G.K. Zhukov v istoricheskikh otsenkakh, dokumentakh i vospominaniakh* [Marshal G.K. Zhukov in historical assessments, documents and memoirs] (2016) Ed. A.V. Speransky. Yekaterinburg: Izdatel'skii Dom «SOKRAT», 440 p. (In Russian).
8. Mazur L. (2019) Memorial'nye muzei politicheskikh deiatelei v prostranstve istoricheskoi pamiati sovremennoi Rossii [Memorial museums of political figures in the space of the historical memory of modern Russia]. *Dialog so vremenem* [Dialogue with time] (66): 100–119. (In Russian).
9. Mikhalev A. V. (2020) Simvoly sovetskogo prisutstviia v postsotsialisticheskoi Mongolii [Symbols of Soviet presence in post-socialist Mongolia]. *Politicheskaiia nauka* [Political Science] (2): 126–142. DOI: 10.31249/poln/2020.02.06. (In Russian).
10. Panarin S.A. (2014) Simvoly sovetskogo prisutstviia v postsotsialisticheskoi Mongolii [Chicken is a bird? Memories of socialist Mongolia]. *Labirint. Zhurnal sotsial'no-gumanitarnykh issledovaniĭ* [Labyrinth. Journal of Social and Humanitarian Studies] (6): 66–76. (In Russian).
11. Peshkov I., Szmyt Z. (2022) Glava 5. Mongoliia [Chapter 5. Mongolia]. In: *Pamiat' o Vtoroi mirovoi voine za predelami Evropy* [Remembrance of World War II outside Europe]. Ed. A.I. Miller, A.V. Soloviev. St. Petersburg: Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge, pp. 97–113. (In Russian).
12. *Politika affekta: muzei kak prostranstvo publichnoi istorii* [The Politics of Affect: The Museum as a Space of Public History] (2019). Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 400 p. (In Russian).
13. Undarmaa L. (2006) Muzei G.K. Zhukova na mongol'skoi zemle [Zhukov Museum on Mongolian soil]. *Vestnik tsentra «Moskva–Ulaanbaatar» (prilozhenie k gazete «Mongoliia segodnia»)* [Bulletin of the Moscow–Ulaanbaatar Centre (supplement to the newspaper Mongolia Today)] (7–8): 8. (In Russian).
14. Vorotnikov M.F. (1989) *G.K. Zhukov na Khalkhin-Gole* (Georgy Zhukov on Khalkhyn Gol). Omsk: Knizhnoe izdatel'stvo, 224 p. (In Russian).

МУЗЕИ И МЕМОРИАЛЬНЫЕ ОБЪЕКТЫ В РОССИЙСКО-КИТАЙСКОМ ТРАНСГРАНИЧЬЕ: ПЕРСПЕКТИВЫ СОЗДАНИЯ «КОМПРОМИССНОЙ» ВЕРСИИ ОБЩЕЙ ИСТОРИИ

Иван ЗУЕНКО
МГИМО МИД России

Аннотация: Статья посвящена теме сохранения и позиционирования исторической памяти в российском и китайском приграничье посредством организации музейных экспозиций и создания мемориальных объектов (памятники, просветительские проекты) в контексте вопроса о возможности создания «компромиссной» версии истории российско-китайских отношений, которая бы устраивала и Россию, и Китай. В настоящий момент, несмотря на высочайший уровень межгосударственного сотрудничества, который главами обоих государств справедливо оценивается как «наилучший за всю историю», непроработанными остаются вопросы прошлого российско-китайских отношений, которые, как правило, оцениваются сторонами по-разному. Различное понимание этих вопросов воплощено в музеях и мемориальных объектах, содержание которых может быть интерпретировано как проявление алармизма и русо/синофобии. Между тем их нарратив направлен не столько «вовне», сколько «вовнутрь» и отражает интенсивный поиск «правильной версии» исторической памяти, который ведется в обеих странах на фоне роста национально-патриотических настроений. В результате для внешнего наблюдателя возникает «борьба нарративов» в исторической памяти. При этом на данный момент настойчивые попытки убедить другую сторону в собственной трактовке спорных вопросов истории посредством увеличения числа экспозиций и мемориальных объектов представляются неконструктивными и потенциально несущими больше вреда, чем пользы для развития двухсторонних отношений. Без серьезной проработки прошлого отношений двух стран со стороны академического сообщества, как по отдельности, так и сообща, невозможно перейти от наблюдающейся сейчас «борьбы нарративов» к созданию «компромиссной» и при этом объективной версии истории.

Иван Юрьевич Зуенко – кандидат исторических наук, доцент кафедры востоковедения, старший научный сотрудник Центра Китая, Восточной Азии и ШОС, Институт международных исследований, МГИМО МИД России.

ORCID: 0000-0002-9853-9703. E-mail: i.zuenko@inno.mgimo.ru
119454, Москва, Проспект Вернадского, д. 76.

Поступила в редакцию: 11.05.2023

Принята к публикации: 17.01.2024

Конфликт интересов: Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Благодарность. Статья подготовлена в рамках исследовательского проекта по гранту Российского научного фонда № 23-18-00109 «Нарративы «исторических обид» в официальном дискурсе и государственной политике стран Северо-Восточной Азии».

Ключевые слова: Китай, российско-китайские отношения, историческая память, исторические обиды, музеи, мемориальные объекты, «красный туризм», Айгунский договор, КВЖД, 88-я особая стрелковая бригада

Введение

Анализ китайских информационных материалов и действий официальных представителей показывает, что в последние годы в КНР наметилась тенденция к переосмыслению и созданию новой версии истории, которая бы отражала повышение места Китая на мировой арене. Частью данного процесса является переосмысление истории отношений с Россией, прежде всего в контексте преуменьшения, замалчивания роли нашей страны в социально-экономическом развитии Маньчжурии на рубеже XIX–XX веков, поддержке китайского коммунистического движения, освобождении Китая от японских оккупантов, индустриализации КНР в годы первых пятилеток (Денисов, Зуенко, 2022).

Несмотря на то, что на данный момент официально Россия и Китай не имеют друг к другу территориальных претензий, а двусторонние отношения и Москвой, и Пекином справедливо оцениваются как «наилучшие за всю историю», далеко идущим последствием указанной тенденции потенциально может стать формирование в Китае общественного мнения, направленного на пересмотр двухсторонних соглашений, включая Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве от 16 июля 2001 года, раскрутка «исторических обид» и переход от дружеского восприятия России к враждебному. В этой связи вопрос мониторинга и анализа тенденций в развитии исторической памяти в КНР актуален как с теоретической, так и с практической точки зрения. Еще более актуальным представляется вопрос создания «компромиссной» версии истории российско-китайских отношений, которая устраивала бы обе страны. Однако здесь мы находимся в самом начале пути, поскольку едва ли не все ключевые вопросы совместного прошлого (от Албазинской кампании до боев за остров Даманский) оцениваются по обе стороны границы по-разному.

Ценный материал для анализа исторической памяти предоставляют музейные экспозиции и различные мемориальные объекты (памятники, просветительские и туристические проекты), расположенные как в российском, так и китайском приграничье. От музеев в центральной части двух стран такие объекты отличаются двумя моментами. Во-первых, они расположены непосредственно в тех районах, где протекала история российско-китайских отношений (таким образом, будучи, по сути, краеведческими музеями, они не могут не затрагивать «сложных моментов» истории). Во-вторых, они доступны для широких масс туристов из сопредельного государства, формируя для них образ соседней страны и историю отношений с ней. Сочетание этих

двух факторов создает противоречие. С одной стороны, организаторы мемориальных экспозиций нацелены на привлечение туристов из сопредельной страны, хотят «понравиться» им. С другой стороны, они не могут отказаться от трактовок собственной истории, что может быть воспринято как предательство национальных интересов. Феномен этого противоречия известен по материалам, касающимся как России, так и Китая.

Необходимо отметить, что проблематика приграничных музеев и связанных с ними вопросов уже неоднократно попадала в фокус внимания различных исследователей, среди которых следует отметить И.О. Пешкова, Е.А. Поправко, Е.А. Джанджугазову, А.А. Амосову, А.Д. Еремину. Косвенно данная тема также изучалась в работах К. Хемфри, Ф. Бийе, З. Урбански, В.И. Дятлова, Я.С. Гузей. В работах указанных авторов доминируют подходы социальной антропологии, нацеленные в большей степени на теоретическую интерпретацию выявляемых феноменов без попыток рассматривать их в практической плоскости – с точки зрения влияния на российско-китайские межгосударственные отношения.

Между тем именно этот аспект представляется наиболее важным и интересным. Таким образом, цель, стоящая перед автором данной статьи, заключается в том, чтобы оценить содержание мемориальных экспозиций в российско-китайском трансграничье (с опорой, прежде всего, на китайские объекты, по поводу которых в российской литературе распространены противоречивые сведения) и на основании этого проанализировать перспективы использования трансграничного туризма для формирования «компромиссной», устраивающей обе стороны версии истории российско-китайских отношений (здесь разбирается в основном российский материал, поскольку в настоящий момент активно развивается именно китайский въездной туризм в Россию).

Соответственно, статья поделена на две части. В первой автор разбирает несколько кейсов из числа китайских приграничных музеев, а во второй анализирует содержание и результаты нескольких мемориальных практик (действий, направленных на формирование и сохранение памяти об истории), ориентированных на иностранных туристов, на российской стороне.

Следует отметить, что данная работа ни в коем случае не претендует на полноту охвата всей проблематики, связанной с сохранением и позиционированием исторической памяти в российско-китайских отношениях посредством музеев и мемориальных объектов. Скорее она является приглашением к научной дискуссии и формой постановки узкого исследовательского вопроса в рамках более широкого научного проекта по изучению исторических нарративов в Северо-Восточной Азии. Дальнейшее развитие темы связывается с потенциальным получением новых материалов по мере восстановления полноценных трансграничных обменов, которые дополнят (а возможно, и скорректируют) предварительные оценки.

Китайские приграничные музеи об истории российско-китайских отношений

Мемориальные экспозиции, касающиеся российско-китайских отношений, существуют повсеместно в исторических¹ (по сути, краеведческих) музеях вдоль государственной границы двух стран. По понятным причинам, больше всего их в приграничной провинции Хэйлунцзян: подобной экспозицией располагает Хэйлунцзянский провинциальный исторический музей, расположенный в историческом центре Харбина на ул. Хунцзюньцзе. Ему вторят музеи городов окружного уровня.

Наиболее известен Айгунский исторический музей (爱珲历史陈列馆), расположенный в городе Хэйхэ. Музей находится на месте расположения прежней ставки Хэйлунцзянского генерал-губернатора, где в 1858 г. был подписан Айгунский договор. Он основан в 1975 г. – в период кризиса в советско-китайских отношениях. Музей посвящен как истории подписания Айгунского договора, так и истории российско-китайских отношений в целом, причём экспозиция фокусируется на сложных моментах взаимоотношений двух стран и содержит достаточно нелицеприятные для российского посетителя оценки. По ряду признаков можно сделать вывод, что внимание властей к музею в последние годы повышалось.

Так, музей многократно перестраивался и модернизировался – крупная реновация была произведена в 2010 г., а уже в 2018 г. музей снова был перестроен и улучшен. Тогда же был подтвержден статус «базы просветительской работы в области патриотического воспитания молодежи». Годом ранее музей вошел в список объектов для «красного туризма»². В 2020 г. получил почетное звание «базы для образовательно-воспитательной работы среди солдат и полицейских». В 2020 г. в журнале «Партийная жизнь Хэйлунцзяна» (黑龙江党的生活) была опубликована статья местных партийных активистов Чу Даня и Ван Юймина с говорящим названием *«Кто отстает, тот будет бит. Только сильное государство сможет отстоять престиж. Паломничество в Айгунский исторический музей»*³.

¹ Прим. автора: в России региональные музеи традиционно обозначаются термином «краеведческий», тогда как в Китае такой термин отсутствует, а музеи называются историческими («лиши боугуань» 历史博物馆). Примечательно, что и в России в отдельных случаях можно наблюдать тот же феномен позиционирования региональных музеев не в качестве краеведческих, а в качестве исторических. См. Музей истории Дальнего Востока им. В.К. Арсеньева во Владивостоке (вместо прежнего «Приморский краевой краеведческий музей им. В.К. Арсеньева»).

² «Красный туризм» («хунсэ люю» 红色旅游) – распространённая в Китае практика посещения достопримечательностей, связанных с коммунистическим движением. В последние десятилетия охватывает не только места революционной и боевой славы, но и шире – любые достопримечательности, связанные с политической историей Китая.

³ 初丹,王宇萌 [Чу Дань, Ван Юймин]. 落后就要挨打 强国才有尊严—爱珲历史陈列馆巡礼 [Кто отстает, тот будет бит. Только сильное государство сможет отстоять престиж. Паломничество в Айгунский исторический музей]. *Хэйлунцзян дандэ шэнхэ*. Available at: <https://www.cnki.com.cn/Article/CJFDTOTAL-DSHH202008054.htm> (дата обращения: 15.07.2023)

Сведения об экспозиции и режиме посещения музея для россиян противоречивы. В российских материалах широко распространен тезис, что россиянам вход воспрещен. Собеседники автора из числа китаистов Благовещенска также подтвердили эту информацию, хотя признались, что лично они в музей попасть не пытались. Известно, что часть музейных стендов сопровождается информацией на русском языке, возле касс есть табличка на русском языке с надписями о часах работы. Кроме того, есть фотографии и тексты стендов, полученные российскими посетителями, побывавшими на территории музея. Это свидетельствует, что прямого запрета на посещение иностранцами все же не существует, хотя негласных запретов исключать нельзя. Большинство туристов не посещает музей, потому что он находится в отдалении (около 30 км) от центра Хэйхэ.

Анализ разрозненных сведений о содержании экспозиции позволяет сделать вывод, что ничего выходящего за пределы официальной позиции по территориальному размежеванию она не содержит. Договоры 1858–1881 гг. называются «неравноправными», а действия «царской России» – «*колониальной экспансией*». Это не является чем-то из ряда вон выходящим, поскольку данные оценки широко распространены в китайском дискурсе. В то же время история всей Маньчжурии (Северо-Восточного Китая) показана претенциозно и с многочисленными искажениями. Так, в залах, посвященных древней истории, говорится о том, что Маньчжурия была населена синантропами (*Homo Erectus Pekinensis*), которые частью антропологов связываются с предками китайцев⁴. При этом игнорируется тот факт, что останков синантропов в регионе не найдено. О развитии среднего Приамурья до 1858 г. говорится как о поступательном процессе, который был прерван «аннексией» со стороны России, что весьма сомнительно с точки зрения исторических фактов.

Возможно, наиболее «крамольным» элементом Айгунского музея является отражение истории «Благовещенской трагедии» 1900 г. Известно, что экспозиция является достаточно содержательной, с несколькими художественными картинами. Впечатление усиливается мультимедийными средствами (тревожная музыка, звуки выстрелов)⁵. При этом умалчиваются важные сопутствующие обстоятельства: не говорится ни об обстреле Благовещенска с китайской территории, ни о том, что китайское население «маньчжурского клина»

⁴ Прим. автора: другие антропологи считают синантропов тупиковой ветвью антропогенеза.

⁵ Отрывок из травелога французской журналистки (П. Шишманова (2011) *Берег бывших русских. Вокруг света* (3): 68–76): «На обратном пути в Хэйхэ мы делаем остановку возле развалин старинного города Айгунь... На месте бывшей крепости построено ультрасовременное здание – исторический музей. Водитель говорит, что для русских вход сюда закрыт, но французенку должны пустить. С правой стороны вестибюля вход: за тяжелой гардиной красного бархата слышны крики, выстрелы, трагический голос диктора. Служитель впускает меня в темный зал, в глубине которого светится громадное панорамное полотно – Благовещенск 1900 г., в разгар Боксерского восстания. На переднем плане – макет: игрушечные казаки изгоняют китайцев с русского берега Амура; горящие дома, валяющиеся трупы, тонущие в реке женщины и дети. Не надо знать китайский, и без комментатора понятно, что происходит».

заблаговременно предупреждалось о необходимости переселения за Амур, ни о том, что спустя несколько месяцев китайское население вновь вернулось в Благовещенск⁶.

Учитывая болезненность темы «Благовещенской трагедии» для российско-китайских отношений, вероятно, нежелание допускать в музей россиян связано именно с наличием в музее этой экспозиции. При этом в действиях китайских властей усматривается противоречие: с одной стороны, они хотят развивать партнерские отношения с Россией и боятся, что негативные эмоции могут их омрачить; с другой стороны, они стремятся способствовать росту патриотических настроений, для чего активно используется образ Китая как жертвы.

Данное противоречие характерно и для других музеев китайского приграничья. Например, в Музее КВЖД в городе Суйфэньхэ акцент с российского периода, когда дорога была спроектирована и построена, переносится на современные периоды модернизации и эксплуатации КВЖД. Как считает исследователь-музеист Е.А. Поправко, такая позиция кураторов китайского музея «подчеркивает, что, если бы не колониальная политика европейских держав (в том числе России), Китай и сам мог двинуться по пути прогресса и делал бы это весьма успешно. Российский период дороги подается как ведущий в никуда и закончившийся ничем» (Поправко, 2019).

Согласно выводам Е.А. Поправко, «образ России в китайских музеях статичен во времени, мало зависит от политических изменений в самой КНР или от поворотов двусторонних отношений. Россия (СССР) в экспозициях китайских музеев выглядит опасным и коварным соседом, использующим любое ослабление Китая для экспансии на его территорию, не чурающимся ни насилия, ни грязных средств» (Поправко, 2019). В целом, с этим выводом можно согласиться, однако следует отметить, что этот статичный образ был заложен не сейчас, а еще при Мао Цзэдуэ.

Кроме Айгунского музея, откровенно русофобские экспозиции в Китае отсутствуют. Правда, есть вероятность, что они появятся в ближайшее время. Так, в 2020 г. в региональном научном журнале «Хэйхэ сюэкань» была опубликована статья о создании туристического маршрута вдоль ямских станций в приграничных уездах, примыкающих к реке Амур. В статье прямо указано, что *«основной темой маршрута должен стать патриотизм»*. Лозунгом маршрута избран слоган *«Защищать границу, развивать границу, строить границу»* (Ван Тао, 2020).

Одновременно появился проект создания развлекательного парка и музея «Албазинской кампании» на острове Гучэндао на Амуре в поселке Синьань города Мохэ провинции Хэйлунцзян (центр развития туризма, известный как «Самая северная точка Китая»). Проект предполагает реконструкцию

⁶ Впрочем, в Амурском областном краеведческом музее им. Г.С. Новикова-Даурского (г. Благовещенск) вообще отсутствуют упоминания о гонениях на китайских жителей в 1900 г. При этом о предшествующем этому факте обстрела Благовещенска рассказывается.

военного лагеря маньчжурских войск, собравшихся на острове перед походом на Албазин⁷ – в настоящий момент здесь уже находится памятная стела, которая используется в том числе в качестве места торжественных церемоний с участием китайских пограничников⁸.

План работы правительства города Мохэ на 2022 г. предполагал первый этап строительных работ по созданию обоих туристических объектов: и развлекательного парка на острове Гучэндао (в документах он проходит как «Албазин – Гучэндао»), и «ямской станции» в рамках туристического маршрута по всему приграничью⁹. Информации о текущем состоянии реализации проекта на момент написания статьи получить не удалось.

Таким образом, анализ китайских кейсов показывает, что исторические музеи в приграничье остаются «товаром для внутреннего потребления». В дилемме между привлечением иностранных туристов и просветительно-воспитательными функциями для собственного населения выбор повсеместно делается в пользу второго. При этом в случае с Китаем мы пока не видим признаков того, чтобы китайские власти создавали особую, «правильную» версию истории двусторонних отношений специально для российских посетителей. И, более того, российские посетители негласно ограждаются от знакомства с китайскими трактовками. Да и возможно ли «переубеждение» посетителей из соседнего государства в принципе? Об этом – далее.

Воздействие на общественное мнение посредством музейных экспозиций в приграничье

Определённую пищу для размышлений на тему об эффективности такого «переубеждения» даёт нам анализ мемориальных практик на российской стороне, где до начала пандемии коронавируса в 2020 г. колоссальными темпами рос въездной туристический поток из Китая¹⁰. Сложившаяся ситуация, казалось бы, представляет отличную возможность для доведения до китайской стороны российских трактовок истории российско-китайских отношений. Определённые надежды можно было связывать с проведением различных мероприятий в память о совместной борьбе СССР и Китая против Японии, а также с организацией маршрутов для китайских туристов в рамках т.н. красного туризма¹¹.

⁷ Любопытно, что с российской стороны параллельно ведется реконструкция Албазинского острога – правда, расположен он не в селе Албазино, а в парке «Патриот» близ Благовещенска.

⁸ 漠河雅克萨战争遗址 [Мемориальный объект, посвященный Албазинской кампании в городе Мохэ]. Available at: <https://xw.qq.com/cmsid/20200519A02VZV00> (дата обращения: 25.07.2023)

⁹ 漠河市2021年政府工作报告 [Отчет о работе правительства Мохэ за 2021 год]. Available at: http://www.dxa.gov.cn/zwgk/zfgzbg/content_106582 (дата обращения: 17.07.2023)

¹⁰ По состоянию на начало 2024 г. туристический поток начал восстанавливаться. См. Зуенко И.Ю. В Россию потянулись китайские туристы нового типа // Профиль, 07.03.2024. Available at: <https://profile.ru/lifestyle/travels/v-rossiju-potyannulis-kitajskie-turisty-novogo-tipa-1460953/> (дата обращения: 17.07.2024)

¹¹ См., например: Ростуризм договорился с коммунистами о развитии «красного туризма» // РБК, 05.10.2017. Available at: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/59d650589a794723cd2785f8> (дата обращения: 17.07.2024)

На данный момент можно констатировать провал подобного воздействия, так как российские трактовки истории двусторонних отношений не воспринимаются китайской стороной, а в ряде случаев наблюдаются и прямые попытки вмешиваться в организацию мероприятий для продвижения собственной повестки. Данную тенденцию можно проследить на примере мемориальных мероприятий, организованных в Приморском крае в 2018–2021 гг.

В 2018 и 2019 гг. во Владивостоке было организовано участие потомков военнослужащих 88-й отдельной стрелковой бригады Дальневосточной армии¹² в акции «Бессмертный полк» на День Победы. В мае 2019 г. также прошла выставка фотографий 88-й бригады. В августе 2020 г. была организована мемориальная выставка «Освобождение. Память общей судьбы». К 3 сентября 2020 г. во Владивостоке и Харбине был опубликован сборник исторических статей российских и китайских авторов «75 лет Великой Победе. Борьба советского и китайского народа против японского милитаризма» (Ли Яньлин, Тавровский, 2020). Летом 2021 г. была организована мемориальная выставка «Мирный Тихий».

На протяжении четырех лет четко отмечалось снижение энтузиазма со стороны китайских представителей в отношении данных мероприятий. Участие Владивостокского генконсульства КНР в этих мероприятиях оказалось сугубо номинальным и было ограничено посещением генконсула Янь Вэньбиня церемоний открытия. Прекращению контактов способствовало также закрытие границы между странами ввиду пандемии коронавируса в 2020 г. Мероприятия 2021–2022 гг. прошли уже фактически без участия китайской стороны.

Что гораздо более интересно, зафиксированы попытки китайцев продвигать свою повестку на указанных мероприятиях. Так, по рассказам владивостокских коллег-китаистов, в 2019 г. при организации выставки фотографий 88-й бригады китайцы самостоятельно подготовили подписи к экспонатам как на китайском, так и на русском языках. Информация не только содержала массу грамматических и орфографических ошибок, но и отражала исключительно китайские подходы к истории. Было указано, что 88-я бригада – это русское название Объединенной антияпонской армии Северо-Востока, которая была независима от советского руководства и контролировалась КПК. В отношении участия СССР в освобождении Японии отмечалось, что *«в завершающей фазе войны части советской Красной армии были передислоцированы на северо-восток Китая, чтобы вместе с китайской армией и народом сражаться с японцами, и это помогло китайскому народу одержать оконча-*

¹² 88-я отдельная стрелковая бригада Дальневосточной армии была образована на основе китайских и корейских партизан, бежавших на территорию СССР в годы Антияпонской войны сопротивления. Была дислоцирована в с. Вятское Хабаровского края.

тельную победу над врагом»¹³. В результате буквально накануне выставки было достигнуто компромиссное решение, что подписи на китайском языке останутся те же, а на русском языке будут отредактированы в соответствии с российской позицией.

Аналогичные трактовки китайская сторона планировала использовать и в информационном оформлении Мемориального комплекса бойцам 88-й бригады в селе Вятское. В 2016 г. китайские подрядчики подготовили подписи, которые различались в двух языках. Надпись на русском гласила: *«Монумент героев 88-й Отдельной стрелковой бригады Краснознаменной Дальневосточной армии СССР»*. Надпись на китайском: *«Монумент героям Учебной бригады антияпонской объединенной армии Северо-Восточного Китая»*¹⁴. В результате открытие комплекса было заморожено.

Идея продвигать российское видение совместной истории посредством «красного туризма» вообще выглядит сомнительной. Организация въездного турпотока, как показывает практика, быстро оказывается в руках китайского турбизнеса¹⁵. При этом китайцы стараются полностью контролировать все стороны тура. Даже если удастся отстоять российскую трактовку событий в китайязычной части экспозиции, «необходимые комментарии» будут даны китайским гидом или руководителем группы, из-за чего приложенные усилия не дадут результата.

Что получится, если передать инициативу в руки зарубежных партнеров, хорошо видно на примере туров для корейских туристов по памятным местам в Приморском крае. В Приморье корейские туристы в обязательном порядке посещают Музей истории российских корейцев в Уссурийске и памятник корейским переселенцам во Владивостоке. Оба объекта созданы по инициативе южнокорейских общественных организаций и за их счет. По факту они нацелены на рост националистических настроений среди корейских посетителей и никак не связаны с повесткой российско-корейского сотрудничества. Так, уссурийский музей фокусирует внимание на насильственной депортации приморских корейцев в Среднюю Азию в 1937 г. А памятник во Владивостоке – на развитии корейской государственности. Причем в информационных материалах на русском языке делается упор на том, что памятник посвящен корейскому населению в целом (официально он называется «Мемориальный комплекс корейцев России»), а на корейском языке – на том, что именно

¹³ Практически идентичная трактовка была использована послом КНР в России Чжан Ханьхуэем в статье 2020 года для «Российской газеты». Available at: <https://rg.ru/2020/09/01/rg-publikuet-statii-poslov-rf-i-kr-popytkah-perepisat-istoriiu-vojny.html> (дата обращения: 10.07.2023)

¹⁴ Когда в товарищах согласья нет. Available at: <https://khabarovsk.mda/society/14877-habarovskiy-kray-kogda-v-tovarishchah-soglasia-net.html> (дата обращения: 29.07.2023)

¹⁵ См., например, Зуенко И.Ю. (2019) Китайских туристов в России все больше, но озолотиться с их помощью не получается. *Профиль*. Available at: <https://profile.ru/lifestyle/travels/kitajskix-turistov-v-rossii-vse-bolshe-ozolotitsya-s-ix-pomoshhyu-ne-poluchaetsya-147029/> (дата обращения: 19.07.2023)

во Владивостоке, в районе Сиханчхон («Новая корейская слобода»), было создано «*первое правительство современного корейского государства "Корейская Национальная Ассамблея"*»¹⁶.

По-разному трактуется и символика памятника. Если в русской трактовке (приведена на информационном стенде) три гранитных столба разной высоты символизируют семью: отца, мать и ребенка, то в корейской трактовке (со слов корейских гидов) три столба – это расколотая корейская нация: Южная Корея, Северная Корея и диаспора, разбросанная по всему миру¹⁷. Неудивительно, что корейские туристы используют памятник для выражения своих националистических чувств – для этого они прикрепляют к ограде памятника ленточки в цветах южнокорейского флага с надписями вроде «*Родина будет единой*», «*Не забудем и не простим годы колониального гнета*» и так далее.

Не вызывает сомнений, что с объектами «красного туризма» на территории России, к оформлению которых будет допущена китайская сторона, произойдет то же самое. Однако в данном случае фокус националистических чувств может быть направлен не на третью сторону (в случае с корейцами – на Японию), а на саму Россию.

Следует также помнить, что в китайском понимании «красный туризм» – это не столько коммунистический, сколько «патриотический» туризм. Доказательство этому – включение в маршрут «красного туризма» Айгунского музея, экспозиция которого не связана с историей коммунистического движения.

Материалы российских исследователей-музеистов подтверждают, что интерес китайских туристов, побывавших в «коммунистических музеях» в Казани и Ульяновске, к содержательной части экспозиции крайне ограничен. Из советских деятелей китайцы в своей основной массе знают только Сталина и Ленина, но даже музеи, где есть посвященные им экспозиции (например, Музей Казанского университета) воспринимают сквозь призму интерактива. Например, горячий интерес вызывает аудитория, где можно сфотографироваться за «партой Ленина», но непопулярны залы, в которых собраны уникальные документы, связанные с Лениным и его семьей. В результате, как подчеркивают исследователи из Казанского университета, «содержание экскурсии адаптируется с учетом пожеланий китайской стороны» (Тимофеева, 2018). В случае с тонкими моментами общей истории подобное потакание «пожеланиям китайской стороны» может лишь повредить российским интересам.

¹⁶ Текст надписи на монументе в целом идентичен на двух языках: «В память о корейских поселениях в Приморье. На этом месте была Корейская слободка – колыбель священной борьбы корейцев за свою Свободу и Независимость. После узурпации Японией государственного суверенитета Кореи в 1910 г. корейские патриоты собрались сюда и поклялись бороться не на жизнь, а на смерть за восстановление суверенитета Родины. Они учредили многие патриотические организации и создали в 1919 г. эмигрантское правительство (Корейская Национальная Ассамблея)»

¹⁷ Российские диссиденты также толкуют памятник по-своему. По версии Сахаровского центра, это памятник репрессированным корейцам. Available at: <https://www.sakharov-center.ru/asfcd/pam/?t=pam&id=824> (дата обращения: 11.07.2023)

Другое наблюдение: туристам наиболее интересны места, связанные с китайским присутствием в России. Нарботки в этом направлении уже есть: в Санкт-Петербурге разработали маршруты «Китайские товарищи в красном Петрограде» и «Красный командир Пау-Ти-сан» (Джанджугазова, 2017). Идею поиска «китайского следа» в революционных событиях Забайкалья активно развивает Забайкальский краеведческий музей им. А.К. Кузнецова (Джанджугазова, 2017), во Владивостоке периодически вспоминают, что в местном «чайна-тауне» под названием Миллионка в 1900-х гг. скрывался от властей будущий милитарист Маньчжурии Чжан Цзолинь, и это, якобы, отличная идея для привлечения китайских туристов.

Таким образом, пока использование мемориальных практик и инструментов «красного туризма» для доведения до китайских туристов российских трактовок исторических событий не является эффективным. Более того, представляется, что в реализации подобных проектов необходима крайняя осторожность. Ни в коем случае не следует доверять китайской стороне перевод информационных материалов или подрядные работы, связанные с созданием туристической инфраструктуры, поскольку это может привести к навязыванию китайских трактовок общей истории. В случае с приграничными городами риски распространения таких трактовок увеличиваются ввиду того, что затрагивают особенно сложные моменты истории российско-китайских отношений, включая заключение неравноправных договоров и военные конфликты, поэтому есть опасность, что экспозиции могут быть истолкованы туристами в националистическом и, возможно, даже в русофобском ключе.

Заключение

Российско-китайское трансграничье – контактная зона, взаимодействие субъектов в которой характеризуется сложным и противоречивым сочетанием алармизма и стремления к сотрудничеству. Музеи и мемориальные объекты по обе стороны границы – одна из тех плоскостей, в которой это противоречие видно особенно четко.

По разные стороны границы фактически культивируются две разные версии одной и той же истории российско-китайских отношений. При этом общественный запрос на удовлетворение национально-патриотических настроений приводит к тому, что негативные моменты в действиях своего государства умалчиваются, тогда как в действиях другой стороны, напротив, подчеркиваются с целью доказать свой статус «жертвы».

Это хорошо заметно в том, как рассказывается история «Благовещенской трагедии» в музеях Хэйхэ и Благовещенска. В одном случае полностью умалчивается факт обстрела российского города с китайской стороны, предшествующий депортации китайцев с левого берега Амура; в другом случае говорится об обстреле, но игнорируются последующие насильственные действия в отношении китайцев. И это всего лишь один пример. В обоих случаях нарратив направлен не столько «вовне», сколько «вовнутрь» и отражает интенсивный поиск «правильной версии» исторической памяти, который

ведется в обеих странах. Между тем и в этом случае, и на примере других музейных экспозиций и мемориальных объектов мы видим, что их содержание можно интерпретировать как проявление русо/синофобии даже несмотря на то, что изначально оно им не является. В результате для внешнего наблюдателя возникает «борьба нарративов» в исторической памяти, появляется стремление убедить соседа в своей версии истории.

На данный момент эта «борьба нарративов» не носит острого характера, поскольку протекает на фоне позитивного политического фона для развития российско-китайских отношений. Обе страны проявляют добрую волю сглаживать, замалчивать «неудобные» моменты общего прошлого с целью не дать им негативно влиять на восприятие друг друга. Это, впрочем, не означает, что спорные вопросы («исторические обиды») из повестки исторической памяти двух народов исчезают. Они превращаются в своего рода «скелеты в шкафу», которые способны омрачить отношения России и Китая в будущем.

Все это обуславливает необходимость глубокой проработки исторического опыта отношений двух стран силами исследователей, дипломатов, политиков, общественных деятелей с целью избавления от этих «скелетов в шкафу» и формирования «компромиссной» и при этом объективной версии общей истории. (Первыми шагами в этом направлении можно считать упомянутые выше сборник «75 лет Великой Победы», двойную публикацию статей послов России и Китая А.И. Денисова и Чжан Ханьхуэя в «Российской газете» 9 мая 2020 г.). В то же время настойчивые попытки убедить другую сторону в собственной трактовке спорных вопросов истории посредством увеличения числа экспозиций и мемориальных объектов, противоречащих трактовкам соседа, представляются неконструктивными и потенциально несущими больше вреда, чем пользы для развития двусторонних отношений.

Это, конечно, не означает того, что собственное понимание исторической памяти должно приноситься в жертву компромиссам с зарубежным государством, пусть даже с партнером. Начинать как раз следует с изучения и популяризации знаний об историческом прошлом своей страны. Только разобравшись со своей историей, имея на руках четкие, аргументированные, подтвержденные источниками основания для выводов, можно рассчитывать на то, что они будут услышаны и приняты в расчет как российским, так и китайским обществом.

Список литературы

1. Амосова А.А., Еремеева А.Д. (2017) Исторические музеи Китая: возникновение и ключевые тенденции развития в XX–XXI веках. *Вопросы музеологии* (1): 81–95. DOI: 10.21638/10.21638/spbu27.2017.108.
2. Амосова А.А., Еремеева А.Д. (2018) Российско-китайское сотрудничество: музейная деятельность и туризм. *Вопросы музеологии* (1): 64–72. DOI: 10.21638/11701/spbu27.2018.106.
3. Бийе Ф. (2014) Современность в пространственном измерении: открытые рынки, герметичность и вертикальность в двух приграничных городах России и Китая. *Экономическая социология* (2): 76–97.

4. Денисов И.Е., Зуенко И.Ю. (2022) Новые подходы Пекина к историографии КНР и КПК: «исправление имён» в эпоху Си Цзиньпина. *Ориенталистика* (5): 734–750. DOI: 10.31696/2618-7043-2022-5-4-734-750.
5. Джанджугазова Е.А. (2017) Красный туризм в фокусе проблем развития российско-китайского экономического сотрудничества. *Сервис в России и за рубежом* (6): 6–14. DOI: 10.22412/1995-042X-11-6-1.
6. Дятлов В.И., Гузей Я.С., Сорокина Т.Н. (2020) *Китайский погром. Благовещенская «утопия» в оценках современников и потомков*. Санкт-Петербург: Нестор-История.
7. Ли Яньлин, Ю.В. Тавровский (ред.) (2020) 75 лет Великой Победы. *Борьба советского и китайского народов против японского милитаризма: сб. ст., посвященный 75-й годовщине окончания Второй мировой войны и освобождения сев.-вост. Китая от японских милитаристов*. Харбин – Владивосток, Издательство ВГУЭС.
8. Пешков И.О. (2014) Следы российской Маньчжурии в приграничных городах России и Китая. *Eurasia: statum et legem* (1): 44–58.
9. Пешков И.О. (2020) Страх и ненависть в городе дружбы и согласия. Город-посредник Маньчжоули и его влияние на российское восприятие китайской миграции. *Журнал исследования социальной политики* (4): 609–624. DOI: 10.17323/727-0634-2020-18-4-609-624.
10. Поправко Е.А. (2019) Образ России (СССР) в экспозициях китайских музеев. *Журнал фронтирных исследований* 4(2): 346–362. DOI: 10.24411/2500-0225-2019-10040.
11. Тимофеева Л.С., Тимофеева Е.Р., Яруллина С.Р. (2018) Музеи Казани на рынке «красного туризма». *Сервис в России и за рубежом* (1): 91–103. DOI: 10.24411/1995-042X-2018-10108.
12. Фокин В.И., Эльц Е.Э. (2019) Музеи в культурной дипломатии России и Китая. *Вестник РУДН. Серия «История России»* (4): 865–882. DOI: 10.22363/2312-8674-2019-18-4-865-882.
13. Шишманова П. (2011) Берег бывших русских. *Вокруг света* (3): 68–76.
14. Humphrey C. (2012) Concepts of «Russia» and their Relation to the Border with China. In: F. Billé, G. Delaplace, C. Humphrey (eds.), *Frontier Encounters: Knowledge and Practice at the Russian, Chinese and Mongolian Border*. Cambridge: Open Book Publishers, pp. 55–70.
15. Peshkov I. (2012) Politicisation of quasi-indigenouness on the Russo-Chinese frontier. In: F. Billé, G. Delaplace, C. Humphrey (eds.), *Frontier Encounters: Knowledge and Practice at the Russian, Chinese and Mongolian Border*. Cambridge: Open Book Publishers, pp. 165–182.
16. Urbansky S. (2020) *Beyond the Steppe Frontier: A History of the Sino-Russian Border*. Princeton: Princeton University Press.
17. 王涛 [Ван Тао] (2020) 以爱国主义为主题 建设清驿路驿站古今历史文化旅游长廊——从保卫边疆开发边疆建设边疆的内容角度. [Взяв патриотизм за основу, построить туристический коридор, посвященный истории ямских станций времён династии Цин: анализ с точки зрения лозунга «защищать границу, развивать границу, строить границу». *黑河学刊* [Академический журнал Хэйхэ], (5): 1–6.

MUSEUMS AND MEMORIALS IN RUSSIA-CHINA CROSS-BORDER REGIONS: PROSPECTS OF CREATING A "COMPROMISE" VERSION OF SHARED HISTORY

Dr **Ivan Yu. ZUENKO** – Associate Professor, Department of Oriental Studies, Senior Research Fellow, Center for China, East Asian and SCO Studies, Institute for International Studies, MGIMO University.

ORCID: 0000-0002-9853-9703. E-mail: i.zuenko@inno.mgimo.ru

76 Prospect Vernadskogo, Moscow, Russia, 119454.

Received May 11, 2023

Accepted January 17, 2024

Acknowledgements. The research is carried out with the financial support of the Russian Science Foundation, project No. 23-18-00109.

Abstract: The article delves into the preservation and portrayal of historical memory in Russia-China cross-border regions by means of museums and memorials in the context of creating a 'compromise' version of the history of Russian-Chinese relations that would satisfy both countries. Despite the current high level of bilateral relations, unresolved issues from the past of Russian-Chinese relations persist, often interpreted differently by each side. The issues typically revolve around differing interpretations by the two countries, spanning from historical events like the Albazin Campaign in the 17th century and Treaties of Aigun and Peking (1858, 1860) to Manchuria Campaign of the Soviet Army in 1945 and Damansky Conflict in 1969. Different understanding of such issues is manifested in the exhibits of museums and memorials all along the border. While the content may appear to carry Sinophobic or Russophobic undertones, its primary purpose is to promote internal patriotism rather than denigrate the neighboring country. However, the divergent narratives presented in museums in Russia and China lead to 'competition of narratives' in historical memory. In this 'competition' the attempts to persuade the neighboring country of the 'correct interpretation' of history lead to misunderstandings and even conflicts. More reasonable approach to addressing the challenges arising from differing interpretations of shared history is to create its compromise version. However achieving this goal necessitates a significant investment of time and effort from scholars, diplomats and policymakers in both countries.

Keywords: China, Russo-Chinese relations, historical memory, historical grudges, museums, memorials, red tourism, Treaty of Aigun, Chinese Eastern railroad, 88th Separate Rifle Brigade

References:

1. Amosova A.A., Ereemeeva A.D. (2017) Istoricheskiye muzei Kitaya: vozniknoveniye i klyuchevyye tendentsii razvitiya v KHKH-KHKHI vekakh [Historical museums of China: emergence and key development trends in the 20th–21st centuries]. *Voprosy muzeologii* [Issues in Museology] (1): 81–95. DOI: 10.21638/10.21638/spbu27.2017.108. (In Russian).

2. Amosova A.A., Ereemeeva A.D. (2018) Rossiysko-kitayskoye sotrudnichestvo: muzeynaya deyatel'nost' i turizm [Russian-Chinese cooperation: museum activities and tourism]. *Voprosy muzeologii* [Issues in Museology] (1): 64–72. DOI: 10.21638/11701/spbu27.2018.106. (In Russian).
3. Billet F. (2014) Sovremennost' v prostranstvennom izmerenii: otkrytyye rynki, germetichnost' i vertika "nos" v dvukh prigranichnykh gorodakh Rossii i Kitaya [Modernity in the spatial dimension: open markets, hermeticity and verticality in two border cities of Russia and China]. *Ekonomicheskaya sotsiologiya* [Economic Sociology] (2): 76–97. (In Russian).
4. Denisov I.E., Zuenko I.Yu. (2022) Novyye podkhody Pekina k istoriografii KNR i KPK: «ispravleniye imen» v epokhu Si Tszin'pina [Beijing's new approaches to the historiography of the PRC and the CCP: "correcting names" in the era of Xi Jinping]. *Orientalistika* [Oriental Studies] (5): 734–750. DOI: 10.31696/2618-7043-2022-5-4-734-750. (In Russian).
5. Dyatlov V.I., Guzey Ya.S., Sorokina T.N. (2020) *Kitayskiy pogrom. Blagoveshchenskaya «utopiya» v otsenkakh sovremennikov i potomkov* [Chinese pogrom. The Annunciation "utopia" in the assessments of contemporaries and descendants]. St. Petersburg: Nestor-History. (In Russian).
6. Dzhandzhugazova E.A. (2017) Krasnyy turizm v fokuse problem razvitiya rossiysko-kitayskogo ekonomicheskogo sotrudnichestva [Red tourism in the focus of problems in the development of Russian-Chinese economic cooperation]. *Servis v Rossii i za rubezhom* [Service in Russia and abroad] (6): 6–14. DOI: 10.22412/1995-042X-11-6-1. (In Russian).
7. Fokin V.I., Elts E.E. (2019) Muzei v kul'turnoy diplomatii Rossii i Kitaya [Museums in the cultural diplomacy of Russia and China]. *Vestnik RUDN. Seriya «Istoriya Rossii»* [Bulletin of RUDN University. Series «History of Russia»] (4): 865–882. DOI: 10.22363/2312-8674-2019-18-4-865-882. (In Russian).
8. Humphrey C. (2012) Concepts of «Russia» and their Relation to the Border with China. In: F. Billé, G. Delaplace, C. Humphrey (eds.), *Frontier Encounters: Knowledge and Practice at the Russian, Chinese and Mongolian Border*. Cambridge: Open Book Publishers, pp. 55–70.
9. Li Yanlin, Yu.V. Tavrovsky (ed.) (2020) *75 let Velikoy Pobedy. Bor'ba sovetskogo i kitayskogo narodov protiv yaponskogo militarizma: sb. st., posvyashchennyy 75-y godovshchine okonchaniya Vtoroy mirovoy voyny i osvobodzheniya sev.-vost. Kitaya ot yaponskikh militaristov* [75 years of the Great Victory. The struggle of the Soviet and Chinese peoples against Japanese militarism: collection. Art., dedicated to the 75th anniversary of the end of World War II and the liberation of the north-east. China from the Japanese militarists]. Harbin-- Vladivostok, VGUES Publishing House. (In Russian).
10. Peshkov I. (2012) Politicisation of quasi-indigenouness on the Russo-Chinese frontier. In: F. Billé, G. Delaplace, C. Humphrey (eds.), *Frontier Encounters: Knowledge and Practice at the Russian, Chinese and Mongolian Border*. Cambridge: Open Book Publishers, pp. 165–182.
11. Peshkov I.O. (2014) Sledy rossiyskoy Man'chzhurii v prigranichnykh gorodakh Rossii i Kitaya [Traces of Russian Manchuria in the border cities of Russia and China]. *Eurasia: status et legem* (1): 44–58. (In Russian).
12. Peshkov I.O. (2020) Strakh i nenavist' v gorode druzhby i soglasiya. Gorod-posrednik Man'chzhoul'i i yego vliyaniye na rossiyskoye vospriyatiye kitayskoy migratsii [Fear and hatred in the city of friendship and harmony. The intermediary city of Manzhouli and its influence on Russian perception of Chinese migration]. *Zhurnal issledovaniya sotsial'noy politiki* [Journal of Social Policy Research] (4): 609–624. DOI: 10.17323/727-0634-2020-18-4-609-624. (In Russian).
13. Popravko E.A. (2019) Obraz Rossii (SSSR) v ekspozitsiyakh kitayskikh muzeyev [The image of Russia (the USSR) in the exhibitions of Chinese museums]. *Zhurnal frontirnykh issledovaniy* [Journal of Frontier Research] 4(2): 346–362. DOI: 10.24411/2500-0225-2019-10040. (In Russian).

14. Shishmanova P. (2011) Bereg byvshikh russkikh [The shore of former Russians]. *Vokrug sveta* [Around the World] (3): 68–76. (In Russian).
15. Timofeeva L.S., Timofeeva E.R., Yarullina S.R. (2018) Muzei Kazani na rynke «krasnogo turizma» [Museums of Kazan in the «red tourism» market]. *Servis v Rossii i za rubezhom* [Service in Russia and abroad] (1): 91–103. DOI: 10.24411/1995-042X-2018-10108. (In Russian).
16. Urbansky S. (2020) *Beyond the Steppe Frontier: A History of the Sino-Russian Border*. Princeton: Princeton University Press.
17. 王涛 [Wang Tao] (2020) 以爱国主义为主题 建设清驿路驿站古今历史文化旅游长廊——从保卫边疆开发边疆建设边疆的内容角度. [On the basis of patriotism, build the ancient and modern historical and cultural tourism corridor of Qingyi Road Station - from the perspective of "defending the border, developing the border and building the border"]. *黑河学刊* [Academic Journal of Heihe], (5): 1–6. (In Chinese).

КОРЕЙСКИЙ ВЗГЛЯД НА ПОТЕНЦИАЛЬНЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ОБИДЫ В ОТНОШЕНИЯХ С РОССИЕЙ ДО 1910 г.

Илья Дьячков, Данил ШКАТОВ
МГИМО МИД России

Аннотация: Применительно к Восточной Азии выражение «история – это политика, опрокинутая в прошлое», является не просто афоризмом, а описанием действительности. Апелляция к событиям прошлого занимает большое место как в общественном, так и в создаваемом органами государственной власти дискурсе. Особое место в такой политике исторической памяти занимает понятие «историческая обида», когда одна сторона рисует себя в качестве невинной жертвы, а другая предстает в роли несправедливого обидчика, и этот нарратив используется как повод для дискредитации «обидчика» и мобилизации собственного населения. Российско-корейские отношения не омрачены наличием трудноразрешимых или актуализируемых обид, однако существует несколько сюжетов, содержащих повод для потенциальной обиды. В этой статье будет сделана попытка проанализировать потенциально «проблемные» сюжеты российско-корейских отношений вплоть до начала XX века. В качестве таковых выделены «албазинские войны» XVII века, споры об «острове Ноктундо» и события, связанные с влиянием Российской империи на внутрикорейские дела в конце XIX – начале XX в. Проанализирована позиция как южнокорейской, так и северокорейской стороны.

Ключевые слова: историческая обида, историческая политика, российско-корейские отношения, «албазинские войны», остров Ноктундо

Илья Владимирович Дьячков – доцент ВАК, кандидат исторических наук, доцент кафедры востоковедения, научный сотрудник Центра японских, корейских и монгольских исследований, МГИМО МИД России.

ORCID: 0000-0001-7058-0811. E-mail: i.dyachkov@my.mgimo.ru
119454, Москва, Проспект Вернадского, д. 76.

Данил Евгеньевич Шкатов – аспирант кафедры востоковедения, научный сотрудник Центра японских, корейских и монгольских исследований, МГИМО МИД России.

ORCID: 0000-0001-6690-0181. E-mail: d.szkatow@gmail.com
119454, Москва, Проспект Вернадского, д. 76.

Поступила в редакцию: 04.10.2023

Принята к публикации: 10.01.2023

Конфликт интересов: Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Благодарность. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 23-18-00109).

Двусторонние отношения соседних стран стоят на истории, и в этой истории могут быть как радостные, так и трагические страницы. Политический климат может меняться, и сложные сюжеты общего прошлого могут становиться поводом для предъявления претензий партнеру, основанием для требования извинений или компенсаций, средством формирования в обществе определенного восприятия окружающих стран. «Счетной единицей» такого «актуализированного» (то есть используемого политически) прошлого становится историческая обида – конкретные события общей истории, которые сегодня интерпретируются в рамках логики «жертва – обидчик» как несправедливость и, соответственно, повод для дискредитации «согрешившего» соседа, оказания на него давления, выдвижения требований компенсации и националистической мобилизации общества.

В Северо-Восточной Азии прошлое весьма активно применяется во внутренней и внешней политике, что особенно хорошо заметно по недавней истории корейско-японских отношений (Дьячков, 2022). При этом список уже «используемых» в политике обид всегда меньше списка тех сюжетов, которые потенциально могут быть актуализированы. Долгая и непростая история общения стран региона, значительная мифологизация ее восприятия всеми сторонами позволяют расширять «арсенал» обид практически бесконечно.

Как правило, более экзотические сюжеты продвигаются не государством, а теми или иными общественно-политическими группами, стремящимися нарастить свой внутриполитический капитал за счет включения эксплуатируемой темы во внешнеполитическую повестку. Государство может либо отстраняться от таких мнений, либо негласно поддерживать таких «общественников», скрываясь за их действиями, либо полноценно включать их идеи в дипломатический дискурс, ориентируясь на свои внутриполитические и международные цели.

Для «эффективной» политической эксплуатации обиды важно, во-первых, демонстрировать конкретную выгоду от обострения проблемы (например, приобретение или защита территории, получение компенсаций). Во-вторых, желательно, чтобы проблема была трудноразрешимой или неисчерпаемой: такие условия позволяют выгодоприобретателям обострения пользоваться им как можно дольше для укрепления своих позиций.

При этом позиционирование исторической обиды как проблемы, задевающей самые сокровенные национальные чувства, крайне затрудняет устойчивое урегулирование. Любая договоренность с «обидчиком» может быть рассмотрена как уступка в сфере, где уступки исключены, что нетрудно использовать в политической борьбе для дискредитации сил, допустивших и допускающих компромисс.

Намеренно культивируемая неопределенность означает, что для исследования роли исторических обид в двусторонних отношениях необходимо рассматривать не только те из них, что актуализированы в политике сегодня, но и вообще все сюжеты прошлого (как исторического,

так мифологизированного), где одна из сторон видит другую в негативном свете. Иными словами, рассмотрению подлежат и те вопросы, по которым уже достигнуто взаимопонимание, и те, по которым межгосударственных споров еще не возникало.

Потенциальные обиды в российско-корейских отношениях

К счастью, российско-корейские отношения на данный момент не осложнены историческим фактором. КНДР сегодня – дружественное государство, политическое взаимопонимание с которым находится на традиционно высоком уровне. Республику Корея нередко называют «наименее недружественной» из недружественных стран. Отношения с ней хотя не достигали исключительных практических результатов в более благоприятные периоды, но и тогда, и сейчас отличаются именно отсутствием сколько-нибудь значимых *двусторонних* проблем (Современная Корея..., 2021), а негативный фон определяется внешним давлением.

Однако так, увы, было не всегда. В отношениях есть ряд сюжетов, которые воспринимаются в Корее негативно и могут быть потенциально актуализированы для использования в политике как исторические обиды. Более того, уже были этапы в двусторонних отношениях, когда Север и Юг предъявляли России претензии, ссылаясь на события прошлого.

Если охватить всю историю многовекового соседства с Кореей, можно выделить следующие *потенциально* проблемные сюжеты:

- «албазинские войны»;
- «остров Ноктундо»;
- участие Российской империи в конкуренции за влияние в Корее в конце XIX – начале XX вв.;
- депортация корейцев в СССР в 1937 г.;
- освобождение и разделение Кореи;
- Корейская война 1950–1953 гг.;
- визит миссии А. Микояна и Пэн Дэхуая в Пхеньян в 1956 г.;
- давление СССР на внешнюю политику КНДР;
- уничтожение южнокорейского «Боинга-747», нарушившего советскую границу в 1983 г.;
- отказ Советского Союза и затем новой России от безусловной поддержки КНДР и затем военного союза.

Охватить их все в рамках одной статьи было бы крайне затруднительно, да и непросто судить, можно ли считать некоторые события совсем недавнего прошлого поводом для исторических обид. В рамках данного исследования будут рассматриваться только те потенциальные проблемы, корни которых лежат в истории до 1910 года, когда Корея стала японской колонией. Вокруг этих тем сложился круг литературы, а также устоялась практика обращения к ним в связи с текущим моментом.

«Албазинские войны»

Русско-цинский пограничный конфликт 1649–1989 гг. (так называемые албазинские войны) – событие, малознакомое большинству наших соотечественников. Тем не менее, это – первая встреча русских с корейцами, которая, к сожалению, произошла на поле боя (Симбирцева, 2003). Продвигаясь в Приамурье, русские казаки сталкивались с Цинской империей маньчжуров. На тот момент Цин лишь недавно установила контроль над Китаем. Корейцы воспринимали их как варваров-узурпаторов и накануне, в 1620–30-х гг., отражали маньчжурские вторжения. По иронии судьбы отряды стрелков, которые тогдашний правитель Кореи ван Хёчжон готовил для борьбы с Цин, были мобилизованы для защиты Китая, и в 1654 и 1658 гг. участвовали наряду с другими цинскими силами в стычках с казаками (Тихонов, 2011).

Эти не слишком значительные столкновения, в которых с обеих сторон участвовало несколько сотен человек, в корейской историографии стали известны как «Насон чонболь» (나선정벌, 羅禪征伐), то есть «усмирение России».

Непосредственный участник событий 1658 г. корейский генерал Син Ню описал встречу с русскими в своем дневнике. Он признает, что казаки достойно сражались против китайцев, а их поражение списывает на судьбу. Кроме того, Син Ню удивляется, что русские пришли издалека и провели несколько лет в странствиях, прежде чем дойти до Амура. Также ему понравились кремневые ружья русских, и он досадует на цинского командира, что тот не позволяет забрать образцы в Корею (Симбирцева, 2003). Иными словами, современник в оценках по-служилому сух и сдержан, а если на кого и обижен, то на маньчжуров, которые сами победить не могли, а плодами победы делиться не желают.

В 1984 г. в сборнике, посвященном столетию российско-корейских отношений, южнокорейский исследователь Пак Тхэгын, организовавший публикацию дневников Син Ню, дал весьма тенденциозную оценку тех событий. В довольно громких формулировках он заявляет, что действия корейских войск имели мировое значение, поскольку позволили наконец остановить неконтролируемую экспансию России в Восточной Азии (Пак Тхэгын, 1984). Надо заметить, что его статья написана задолго до установления советско-южнокорейских отношений, в годы холодной войны и вскоре после того, как в 1983 г. был сбит нарушивший советскую границу южнокорейский самолет. Кроме того, человеку, издавшему мемуары Син Ню, наверняка хотелось «прорекламмировать» свой проект, преувеличивая историческое значение тех событий.

Слова Пак Тхэгына не остались незамеченными в России, и именитые отечественные исследователи цитировали яркие и, признаться, довольно забавные пассажи из его статьи еще 15, 20 и 25 лет после публикации (Симбирцева, 2001). Б.Д. Пак исчерпывающим образом перечисляет спорные моменты позиции корейского ученого. Во-первых, корейские войска не «сознательно» останавливали русских, а были насильно мобилизованы не слишком дружественной империей Цин. Во-вторых, российское продвижение в Азию отнюдь

не остановилось в середине XVII в. В-третьих, главное – ни корейцы с маньчжурами, ни казаки в то время не имели совершенно никаких представлений о своем противнике, поэтому первые не могли сдерживать «русскую экспансию», а вторые – пытаться вторгнуться в Корею. Характерно, что корейцы в российских сводках той поры вообще не упоминаются (Пак, 2004).

Хотя справедливы замечания, что корейская трактовка «албазинских войн» подкрепляет общий негативный миф о «русской угрозе»¹, скорее, сегодня этот эпизод подается как славная страница национальной военной истории, когда первоклассные корейские части спасли Цин от очередного поражения от казаков в приграничье². Оставив в стороне вопрос о том, насколько такие оценки обоснованы, заметим, что акцент делается на корейском военном мастерстве, и для корейской аудитории здесь важнее скорее свой положительный образ, чем негативный образ русских.

Главное – этот сюжет не воспринимается в Корею как повод для *обиды*, чему помогает само содержание устоявшегося нарратива. Корея выступает не как жертва, а как спаситель (причем не себя, а Китая), да и о политической эксплуатации «албазинских войн» говорить не приходится. Более того, современные южнокорейские исследователи, например, Пак Чибэ, согласны с оценками Б.Д. Пака, понимая, что эти приграничные стычки были скорее исторической случайностью – об этом говорит и масштаб сил, и периферийность конфликта для всех участников. Более того, Пак Чибэ указывает, что целью русских была мирная торговля, а не захваты (Пак Чибэ, 2018).

К слову, в северокорейском изложении истории XVII в. этот сюжет, как правило, не упоминается (История Кореи, 1996).

Добавим, что термин «усмирение России» при всей своей тенденциозности означает, что корейцы признают принадлежность российского Приамурья. Это важно как противовес националистическим представлениям о всем российском Дальнем Востоке как корейской «земле предков» (Чхан Чхи Хёк, 1994).

«Остров Ноктундо»

Претензии определенных кругов на Приморье тесно связаны с вопросом о так называемом острове Ноктундо. Под ним понимается исторически якобы бывшая островом территория в устье реки Туманная (кор. Туманган, кит. Тумыньцзян), по которой проходит российско-корейская граница. Историческое русское название – остров Олений, а сегодня на его предполагаемом месте находится урочище Красное село.

¹ Асмолов К.В. (2022) Россия и Корея: мифы друг о друге. *Российское Общество «Знание»*. Available at: <https://znanierussia.ru/library/video/rossiya-i-koreya-mify-drug-o-druge-1725> (дата обращения: 25.06.2023).

² 나선정벌 (羅禪征伐) [Покорение России] (n.d.) *한국민족문화대백과사전* [Большая энциклопедия корейской национальной культуры]. Available at: <https://encykorea.aks.ac.kr/Article/E0011383> (дата обращения: 25.06.2023).

Традиционно под «Ноктундо» в Корее понимается ныне соединенная с Приморьем земля на левом берегу Туманной, северо-восточной границей которой является вытянутое озеро Первая протока. Площадь «острова» по такому «традиционному» определению составляет 32 кв. км (Иванов, 2007) (иногда можно встретить и меньшие оценки, например, 23 кв. км³). В последнее время, однако, в южнокорейских научных публикациях встречаются тревожащие «расширительные» трактовки, авторы которых объявляют границей «Ноктундо» реку Карасик, что значительно увеличивает его площадь – почти до 400 кв. км (Сон Сынхо, 2016) (см. рис. 1 и 2).

Рисунок 1. «Остров Ноктундо» в традиционном корейском понимании⁴
Figure 1. "Noktundo Island" in the traditional Korean sense

Рис. 2. Российская часть «острова Ноктундо» в южнокорейских публикациях последних лет⁵
Figure 2. The Russian part of "Noktundo Island" in South Korean publications in recent years

Не очень понятно, как согласовать такие «открытия» с гидрографической и топонимической реальностью: между Карасиком и Туманной есть очевидный водораздел, такой «остров» не прекратил быть островом в конце XIX в., а никогда им не был. Кроме того, западный край такого «Ноктундо» принадлежит Китаю.

³ 이왕구. 北-옛소련 협약타 러 영토 인정된 '녹둔도' 정부도 신중 [Ли Вангу. Правительство также проявляет осторожность по поводу Ноктундо, признанного российской территорией из-за договоренности Севера и бывшего СССР] (2018) *한국일보* [Хангук ильбо]. Available at: <https://m1.hankookilbo.com/News/Read/201807051451033617> (дата обращения: 28.07.2023).

⁴ Источник: Яндекс.Карты.

⁵ Источник: Яндекс.Карты.

Ноктундо несколько раз упоминается в корейских летописях с XV по XVII вв., в основном в контексте укрепления северо-восточных границ Чосона⁶ для защиты от чжурчжэней. После территория пропадает из исторических документов и, судя по дальнейшим событиям, из поля зрения корейских властей (Иванов, 2007).

Говоря о средневековой истории, южнокорейские авторы традиционно связывают Ноктундо с именем героя Имчжинской войны 1592–1598 гг. флотоводца Ли Сунсина. Одним из первых его деяний, оставшихся в исторических документах, было сражение с чжурчжэнями, которое, как считается, произошло на территории Ноктундо. При этом в материалах о Ли Сунсине указано, что Ноктундо находится в 24 км от устья Тумангана, а не в его устье⁷.

Связь данной территории с прославленным Ли Сунсином, одной из самых значимых фигур корейской истории, оказывается для националистически настроенных корейских авторов подарком судьбы и поводом объявить Ноктундо священной землей. Не случайно уже процитированная статья из газеты «Хангук ильбо» на сайте общественной организации «Центр Токто» была перепечатана с более ярким заголовком «Ноктундо: верните остров военачальника Ли Сунсина»⁸.

При этом карты с «большим Ноктундо» можно сегодня встретить даже в материалах южнокорейских госорганов. В 2021 г. южнокорейское Агентство культурного наследия перепечатало на своем сайте репортаж государственной телерадиокомпании «Кей-Би-Эс» о мемориальных стелах на Севере и Юге в честь Ли Сунсина. Для иллюстрации приложена карта, где выделен «остров Ноктундо», причем в «большом» варианте, хотя стела, о которой идет речь, расположена не на нем, «по месту службы Ли Сунсина», а в Северной Корее близ города Расон⁹. Эта локализация хорошо соотносится с утверждением, что будущий флотоводец был направлен на пост в 24 км от устья Тумангана.

С именем Ли Сунсина был связан перспективный российско-корейский трехсторонний проект совместных раскопок на Юге, на Севере и «на Ноктундо» (Пэк Чжоно, 2019), продвигавшийся мэрией Сеула в 2019 г. Тем не менее, из-за начавшейся пандемии коронавируса от идеи пришлось отказаться¹⁰.

⁶ Прим. автора: название корейского государства с 1392 по 1897 гг.

⁷ Ли Сунсин (2013) *Военный дневник (Нанчжун ильги)*. М.: Наука – Восточная литература.

⁸ *녹둔도, "이순신 장군의 섬을 돌려달라"* [Ноктундо: «Верните остров военачальника Ли Сунсина»] (n.d.) *Dokdocenter*. Available at: http://www.dokdocenter.org/dokdo_news/index.cgi?action=detail&number=14358&thead=22r01 (дата обращения: 28.07.2023).

⁹ *녹둔도에서 여수까지 이순신의 승전을 기리는 두 개의 비석. 문화재청 소식지* [Две стелы, восхваляющие победы Ли Сунсина от Ноктундо до Ёсу. Бюллетень Агентства культурного наследия] (2021) *문화재청 [Управление культурного наследия]*. Available at: https://www.cha.go.kr/cop/bbs/selectBoardArticle.do;jsessionid=lyaa6ZnENUCmhPyhvvGFM2YY9eflciGLtHihQKTmNW1CQGUZNPstxta2p2pr5CsYUY.cha-was02_servlet_engine1?nttl=79829&bbid=BBMSMSTR_1008&pageUnit=0&searchtitle=&searchcont=&searchkey=&searchwriter=&searchWrd=&ctgryLrcls=&ctgryMdcls=&ctgrySmcls=&ntcStartDt=&ntcEndDt=&mn=NS_01_09_01 (дата обращения: 28.07.2023).

¹⁰ Там же.

При этом нет оснований отрицать присутствие корейцев в районах ныне российского Приморья в Средневековье. Так, на границе России и Китая (как раз близ истока реки Карасик и тоже около 24 км от устья Туманной) было обнаружено городище, которое предположительно является остатками чосонских укреплений XV в. (Артемьева, Макиевский, 2018).

В 1860 г. Российская империя и Цинский Китай заключили Пекинский договор, по которому была определена восточная граница между государствами. В ходе демаркации российская сторона неожиданно обнаружила, что местные китайские власти не довели границу до моря, оставив небольшой кусок в нижнем течении реки Туманная, ссылаясь на то, что там живут корейцы, и Китай не может распоряжаться их землями. Впрочем, высшее цинское руководство, заключая трактат о границе, не советовалось со своим вассалом. Как бы то ни было, у России на Дальнем Востоке появился еще один сосед – Корея, и граница с ней прошла по реке Туманной (Пак, 2004).

Российские власти пытались вступить в контакт с корейскими, в том числе чтобы урегулировать приграничные вопросы, но успеха не достигли. Страна была закрытой, и общение с иностранцами запрещалось (как проникновение в страну чужаков, так и уход корейцев за рубеж). Ситуацию дополнительно усложняла специфика работы тогдашней корейской провинциальной и центральной бюрократии, не спешившей решать новую проблему (Иванов, 2012).

При этом, несмотря на противодействие властей Чосона, корейцы из бедных приграничных провинций активно переселялись на российский Дальний Восток (Пак, 2004).

Спустя 20 лет, к 1880-м гг., когда корейские власти «спохватились», что «остров Ноктундо» ими не контролируется, в приграничные районы и за Туманган стали направляться агенты для оценки ситуации. При этом обнаружилось, что «остров» перестал быть таковым: речные наносы закупорили левый рукав Туманной, соединив его с остальной российской частью. Временной лаг, формат наблюдения и сам факт неожиданного открытия говорит многое о степени суверенитета Чосона над своим приграничьем (Иванов, 2012).

К началу 1880-х гг. относятся первые претензии корейцев на эту территорию, пока высказываемые во внутренних дискуссиях в Корее и в общении с китайскими, а не российскими дипломатами (Иванов, 2012).

Примерно в эту пору, по-видимому, создается карта «Агук ёчжидо» («Комплексная карта России»). Этот интересный документ включал схематические изображения и краткие описания не всей России, а лишь нескольких районов Приморья.

Примечательно, что «Комплексная карта России» открывается разделом про Ноктундо: иными словами, он представлен как часть России. Впрочем, картографы указали, что живущие на российских землях корейцы держатся корейских традиций и политически лояльны чосонскому престолу. То же вану сообщали и другие корейские «инспекторы» Приморья. Однако сравнение

со свидетельствами современников из третьих стран показывает, что ситуация «на земле» была иной, а «проверяющие» сообщали правителю то, что тот хотел бы слышать (Врадий, 2010).

Не прибавляет ясности и карта «Тэдон ёчжидо» («Комплексная карта Великого Востока»¹¹), составленная в ту же пору, в 1881 г. На ней Ноктундо – крошечный островок (значительно меньше даже нынешней «маленькой» интерпретации), действительно расположенный в самом устье Туманной¹². По размерам и расположению он больше всего похож на современные речные острова Кангудо или Кхынсом, принадлежащие КНДР.

С потерей суверенитета и японской колонизацией 1910 г. Корея потеряла возможность обсуждать с Россией приграничное урегулирование. В начале 1910-х гг. Москва и Токио пытались провести демаркацию границы на реке Туманная, однако работа прекратилась с началом Первой мировой войны (Пестушко, 2000).

С 1948 г. соседом СССР оказалась КНДР, и дружественный характер отношений между Москвой и Пхеньяном исключал публичное обострение приграничных споров (хотя в 1960-е гг. сходная близость не предотвратила острый северокорейско-китайский пограничный конфликт). Тем не менее, стороны обсуждали вопрос о границе, которому были посвящены договоры 1957 и 1985 гг. (Ларин, 1998), а также протокол о демаркации 1990 г. Линия государственной границы прошла по естественной преграде – основному руслу реки Туманная, причем в случае изменения русла граница без договоренностей сторон не меняется¹³. Это исключает любые спорные трактовки о принадлежности левобережных территорий.

Разумеется, Сеул не признает никакие международные договоренности, заключенные Пхеньяном, равно как и саму КНДР. Хотя южнокорейский МИД сегодня отвечает на вопросы о Ноктундо уклончиво, говоря, что это вопрос, требующий тщательного всестороннего рассмотрения¹⁴, так было не всегда.

В 1990 г. требование о «возвращении» территории было предъявлено советскому представителю в Сеуле официально, а затем южнокорейские общественники обращались с петициями подобного рода к М.С. Горбачеву и Б.Н. Ельцину. В 2000-х гг. последовал целый вал статей в южнокорейской центральной прессе, где ясно звучал устоявшийся и знакомый нарратив, что Россия в свое время незаконно захватила «остров», пользуясь слабостью Кореи. Поводом выступили работы по укреплению подмытого российского

¹¹ Прим. автора: то есть карта Кореи.

¹² 대동여지도[Тэдон ёчжидо] (2023) 국립고궁박물관 [Государственный дворцовый музей]. Available at: <https://www.gogung.go.kr/gogung/main/contents.do?menuNo=800220> (дата обращения: 28.07.2023).

¹³ Договор между Союзом Советских Социалистических Республик и Корейской Народно-Демократической Республикой о прохождении линии советско-корейской государственной границы (1985) Электронный фонд нормативно-технической и нормативно-правовой информации. Available at: <https://docs.cntd.ru/document/1902286> (дата обращения: 28.07.2023).

¹⁴ Ли Вангу. Указ. соч.

берега Туманной (Иванов, 2007) (кстати, положения о таких работах содержатся в российско-северокорейском договоре о границе 2012 г.¹⁵). Нелзя не заметить, что этот всплеск деятельности «активистов-общественников» хронологически совпадает с порой, когда администрация президента Но Мухёна «прогревает» спор с Японией об острове Токто (Дьячков, 2020).

После 2000-х гг. материалы подобного характера выходят реже, и эмоциональный накал несколько снизился. Впрочем, в главных южнокорейских газетах раз-два в год выходят статьи о «Ноктундо», где он описывается как «наша земля, которую мы потеряли»¹⁶. Не редкость, что современные южнокорейские авторы используют слово «Ноктундо» как термин для прилежащей к Корее российской территории после XIX в. (Российско-корейские отношения..., 2022).

При этом тема эта отнюдь не забыта – и не может быть забыта, поскольку в рамках «политики памяти» включается южнокорейским правительством в учебники и иные материалы для детей.

Самым одиозным из недавних примеров является статья 2016 г. в детском приложении к правой газете «Чосон ильбо», подготовленная совместно с отделом пропаганды правопорядка Министерства юстиции Республики Корея¹⁷. Из этой заметки, построенной как диалог внучки и дедушки, дети должны узнать, что якобы Цинский Китай передал России Ноктундо за оказание некоей помощи, а Россия не вернула остров Корее, несмотря на просьбы, из-за слабости последней (Внучка: «Забирать чужие земли! Как нехорошо!»). Кроме того, как еще одно прегрешение против «корейского Ноктундо» указывается, что советские власти депортировали именно оттуда корейцев в 1938 г.

Заметку завершает следующая мораль: «Ребята, какие чувства вы испытывали, послушав беседу дедушки и Ынчжу?»¹⁸ В прошлом у нашей страны был слабый суверенитет, и с ней могли случаться такие прискорбные вещи, что другие страны отнимали ее земли, но сейчас, говорят, все иначе. Через конституцию закреплены три важных признака государственности – суверенитет, народ, территория. Это значит, что не может кто угодно лихо вторгнуться на нашу территорию, то есть нашу землю».

¹⁵ Договор между Правительством Российской Федерации и Правительством Корейской Народно-Демократической Республики о режиме российско-корейской государственной границы (2012) *Электронный фонд нормативно-технической и нормативно-правовой информации*. Available at: <https://docs.cntd.ru/document/902360385#64U0IK> (дата обращения: 28.07.2023).

¹⁶ См., напр.: 잃어버린 우리 땅 녹둔도 [Наша земля, которую мы потеряли, – Ноктундо] (2013) *월간조선* [Ежемесячник «Чосон»]. Available at: <http://monthly.chosun.com/client/news/view.asp?nNewsNumb=201303100058> (дата обращения: 28.07.2023).

¹⁷ 교과서 속 법이야기. 잃어버린 땅 '녹둔도' [Правовые сюжеты в учебниках. Потерянная земля – Ноктундо] (2016) *어린이조선일보* «„Чосон ильбо“ для детей». Available at: http://kid.chosun.com/site/data/html_dir/2016/03/14/2016031402263.html (дата обращения: 28.07.2023).

¹⁸ Прим. автора: имя внучки.

Авторы увязывают заметку с тем, что проходят пятиклассники: темой «Ноктундо» из курса родного языка, и с темой «Наша бесценная территория» из курса по обществознанию. Действительно, в учебнике для 5 класса «Ноктундо» – одна из тем для чтения, и содержание текстов совпадает с заметкой вплоть до пассажа о депортации, но излагается в бóльших подробностях¹⁹.

Сюжет с Ноктундо – «спящая проблема» в отношениях России с Сеулом и типичная историческая обида. В южнокорейском нарративе Корея выступает именно как жертва, чьей временной слабостью воспользовалась Россия либо самостоятельно, либо в сговоре с Цинским Китаем. За мыслью о временной слабости, видимо, естественным образом должен возникать вывод, что после ее преодоления это недоразумение прошлого должно быть исправлено в пользу Сеула.

Хотя Республика Корея не настроена сейчас «заострять» этот вопрос, распространено мнение, что претензии на «Ноктундо» должны быть предъявлены после объединения Кореи под флагом Юга (Иванов, 2007). Нельзя не заметить, что правительство тщательно поддерживает и воспроизводит «нужную» память о Ноктундо путем индоктринации детей через учебники. Периодические публикации в прессе не всегда можно однозначно увязать с волей властей, но они работают на тот же результат.

Примечательно, что с точки зрения российско-южнокорейских отношений проблема не имеет обоюдоприемлемого решения. Москва с конца XIX в. пыталась урегулировать пограничный вопрос – сначала с избегавшими контактов чосонскими властями, затем с Японией. Решение в итоге было достигнуто в рамках договоренностей с КНДР, чей суверенитет над северо-восточными землями Кореи для Москвы неоспорим.

Для России было бы абсурдно даже обсуждать конфигурацию общей границы с Республикой Корея, с которой у нас сухопутной границы нет, распоряжаясь при этом территорией КНДР без ее ведома. Сеул же по понятным причинам не может признать КНДР и ее решения.

В ситуации, когда поиск решения с южнокорейцами невозможен, а с точки зрения России проблема уже решена (причем с *корейскими* же властями), воспроизводство нарратива о Ноктундо служит только поддержанию исторической обиды «про запас». Судя по участию сеульского правительства в подготовке соответствующих материалов, это происходит не только за счет деятельности частных лиц и организаций.

С другой стороны, на официальном уровне Сеул не заявляет о «проблеме Ноктундо» ничего, хотя в его репертуаре есть и более экзотические претензии в адрес Китая на подводную скалу в Восточно-Китайском море (т.н. остров Иодо). Действительно, обострение ситуации не может принести Южной Корее

¹⁹ 이재승 외 [И Чжэсын и др.] (2015) *초등 국어 5-1 [Родной язык для начальной школы, 5-1]*. 서울 : 교육부 [Сеул: Министерство образования].

какой-либо ощутимой выгоды (трудно себе представить, что «остров» удастся занять, как Иодо), а дополнительное осложнение отношений с Россией из-за Ноктундо нецелесообразно (тем более что оно и так может произойти по иным, более существенным причинам).

При этом нельзя исключать, что обострение вопроса о «Ноктундо» станет не причиной, а следствием общего охлаждения двусторонних связей. Другой возможный негативный сценарий – эксплуатация проблемы для перенаправления «исторического гнева» на Россию, чтобы снизить недовольство населения поспешным и конъюнктурным «замирением» президента Юн Согёля с Японией по обидам прошлого.

Участие Российской империи в конкуренции за влияние в Корее в конце XIX – начале XX в.

Начиная с 1870-х годов Корея, до этого закрытая страна, начала открываться внешнему миру. Это происходило не добровольно: первый международный договор Корея подписала в 1876 г. после вооруженного давления со стороны Японской империи. Документ был неравноправным, и впоследствии схожие договоры, предоставлявшие иностранцам односторонние привилегии, были подписаны с другими крупными державами: с США, Великобританией и Германией (1882 г.), с Италией (1884 г.) и с Францией (1885 г.).

Официальной датой установления отношений между Российской империей и Кореей считается 1884 г., когда был подписан российско-корейский договор. Он ставил стороны в неравное положение: российские подданные в Корее были неподсудны местным властям, Россия имела преимущества в торговых отношениях и т.д. Однако, как отмечает Б.Б. Пак, договор лишь копировал уже заключенные соглашения Кореи с западными державами, а из-за слабого инфраструктурного развития российского Дальнего Востока в то время предоставляемые привилегии не имели для России большого экономического значения (Пак, 2022). В то же время для Кореи этот договор обладал и позитивным значением, что отмечают и корейские историки. На тот момент Корея все еще продолжала существовать в рамках вассально-данических отношений с Цинским Китаем. Заключение иностранных договоров напрямую, без посредничества Китая повышало международную субъектность страны в глазах корейского ванского²⁰ двора (Чхве Доккю, 2022).

В 1880–90-е гг. политика России на Корейском полуострове имела своей целью утвердить независимое и нейтральное международное положение Кореи, которая превращалась в арену соперничества Китая, Японии и других держав. До китайско-японской войны 1894–95 гг. основной своей задачей российская дипломатия видела вывод Кореи из-под влияния Китая. После победы Японии стали очевидны ее притязания на контроль над Корейским

²⁰ Прим. автора: Ван – титул правителя в синоцентричной культурной системе, в рамках восточноазиатской иерархии может быть сравним с европейским титулом князя.

полуостровом, а в Корее власть взяло в руки прояпонское правительство во главе с Ким Хончжипом. Российская дипломатия была вынуждена реагировать на изменившуюся реальность.

Наиболее активное участие России во внутренних делах Кореи пришлось на 1895–97 гг. На этот период пришелся инцидент, известный как «Бегство вана Кочжона в русскую миссию» (кор. 아관파천, 俄館播遷, *агван пхачхон*). В октябре 1895 г. японская миссия в Сеуле организовала нападение на дворец вана и убийство королевы Мин Мёнсон, главы антияпонской фракции. Это вызвало рост антияпонских настроений в обществе и заставило как корейскую общественность, так и самого вана Кочжона искать защиты у Российской империи. В феврале 1896 г. Кочжон, фактически запертый в своем дворце, принял решение укрыться на территории миссии Российской империи в Сеуле. Такое развитие событий привело к падению прояпонского правительства и установлению нового, пророссийски настроенного кабинета министров, что усилило влияние России на внутренние дела корейского государства.

На какое-то время на полуострове установилась система, которую южнокорейский исследователь Чхве Доккю назвал «системой двустороннего управления Корейским полуостровом» (Чхве Доккю, 2019). В результате ряда двусторонних договоренностей России и Японии стороны обязывались учитывать интересы друг друга и заранее уведомлять противоположную сторону о своих планах в Корее. Вместе с этим 1896–97 гг. были периодом тесного сотрудничества Российской империи и Кореи: в стране работали российский финансовый советник, военные советники. Однако после того, как в 1897 г. был арендован Порт-Артур, внимание Петербурга переключилось с Кореи на Манчжурию, и постепенно Россия стала утрачивать влияние на полуострове. В 1905 г. по итогам Русско-японской войны Корея полностью оказалась в орбите японского влияния.

События того периода в современной Республике Корея иногда до сих пор трактуются в рамках мифа о «русской угрозе». Например, одна из главных газет Республики Корея, правоконсервативная «Чунан Ильбо» назвала заметку о якобы произошедшем в 2019 г. нарушении российским самолетом воздушного пространства Южной Кореи «Инстинкт России нацеливаться на Корейский полуостров»²¹. В этой же статье автор, освещая историю российских устремлений на Корейском полуострове, описывает их как продолжение амбиций еще Петра I по овладению выходом к морю и доступом к незамерзающим портам. По его мнению, Россия в конце XIX в. вынашивала планы по покорению Кореи и Маньчжурии в целях получения доступа к океанским незамерзающим портам, и это желание побудило ее начать Русско-японскую войну.

²¹ Чунан Ильбо (2019) 한반도 노리는 러시아의 본능... «독도 침공은 훈련 아닌 작전» [Инстинкт России — нацеливаться на Корейский полуостров]. *The JoongAng*. Available at: <https://www.joongang.co.kr/article/23537651#home> (дата обращения: 01.09.2023).

В южнокорейской историографии нет единого мнения относительно роли России в событиях конца XIX – начала XX в. на Корейском полуострове. В эпоху холодной войны доминировал подход, в рамках которого политика Российской империи рассматривалась исключительно как экспансионистская. Примером может служить упоминавшийся выше сборник «100 лет корейско-российских отношений» 1984 года (100 лет корейско-российских отношений, 1984), где несколько статей посвящены данному периоду. Не вдаваясь в подробности, можно отметить общие для всех авторов тезисы: с самого начала российско-корейских контактов Российская империя вынашивала агрессивные планы по включению Корейского полуострова в орбиту своего влияния; российско-корейский договор 1884 г. стал началом «мягкого покорения» Кореи Россией; агрессивная политика Российской империи на Корейском полуострове стала одной из главных причин начала Русско-японской войны и др.

Подобные установки переключались и в некоторые более современные исторические работы. Среди них выделяется монография Сон Чжонхвана с говорящим названием «История российской агрессии в Корее» (книга издавалась в 1990 г. и была переиздана с дополнениями в 2004 г.) (Сон Чжонхван, 1990). Более подробный обзор южнокорейской историографии данного периода дан в докторской диссертации Б.Б. Пак «Российская дипломатия и Корея (1876–1898)» (Пак, 1998).

Однако, как справедливо указывает Б.Б. Пак, с момента налаживания советско- и российско-южнокорейских отношений появилось также и большое число исследований, менее предвзято оценивающих российскую политику в отношении Кореи на рубеже XIX–XX вв. Новое поколение ученых строило свои работы не только на корейских документах и утверждениях японских историков, но и наконец-то обратилось к архивным документам российской стороны. В таких работах отсутствует тезис о «русской угрозе», показывается, что российская дипломатия не ставила целью захват или подчинение Кореи. Эти оценки в последние десятилетия стали более распространены и нашли отражение в фундаментальных исторических работах (Чхве Доккю, 2019).

Хорошим маркером того, насколько тот или иной сюжет истории двусторонних отношений может восприниматься и использоваться как обида, служат учебники средней и старшей школы. Если посмотреть на то, как анализируемый исторический период освещается в школьных учебниках Республики Корея, можно сделать следующие выводы.

Во-первых, в отличие от Японии, политике России в отношении Кореи не посвящено отдельного раздела в учебнике. Российская империя упоминается лишь как одна из ряда великих держав, которые добивались открытия Кореи для иностранной торговли и продвигали свои интересы. Утверждения о желании Российской империи «захватить» или «подчинить» Корею отсутствуют. Во-вторых, инцидент с бегством вана Кочжона из своего дворца в российскую миссию в Сеуле подается в нейтральном свете. Мотивация Кочжона

описывается как желание обеспечить собственную безопасность и выйти из-под влияния Японии; Россия не позиционируется как сторона, преследующая корыстные интересы²².

В целом на современном этапе события конца XIX – начала XX в., связанные с политикой России на Корейском полуострове, воспринимаются не однозначно негативно, а скорее нейтрально. Здесь важен контраст: именно в тот период происходило постепенное наращивание усилий Японией по поглощению Кореи, что завершилось аннексией страны в 1910 г. Японская колонизация до сих пор является одной из главных исторических травм корейского общества, и обиды, связанные с внешним вмешательством, в первую очередь направлены на Японию.

В КНДР в силу особенностей общественно-политического строя взгляд на события прошлого унифицирован и подчиняется руководящей идеологии – чучхе. Согласно этой идеологии, суверенитет и самостоятельность нации являются высшими ценностями, поэтому любые сюжеты, связанные с вмешательством или влиянием извне, оцениваются строго негативно.

Политика России на Корейском полуострове в указанный период освещается одинаково как в академической (Полная история Кореи, 1987), так и в учебной²³ или научно-популярной литературе²⁴ КНДР. В отличие от описания внутрикорейских процессов, в первую очередь народных восстаний и изменений в экономической структуре, даже в фундаментальной академической работе «Полная история Кореи» взаимодействию Чосона и великих держав в конце XIX в. уделено всего лишь несколько страниц (Полная история Кореи, 1987).

Политика царской России на Корейском полуострове характеризуется исключительно как «захватническая». Например, на стр. 37 «Полной истории Кореи» есть такая фраза: «...однако стремительная экспансия японских империалистических сил в Корею и Китае стимулировала захватнические замыслы империалистических великих держав, в первую очередь царской России» (Полная история Кореи, 1987). Аналогичная оценка представлена и в школьном учебнике для 3-го класса старшей школы (соответствует 11-му классу российской системы). Например, последствия Симоносекского договора 1895 г. описываются так: «...в особенности захват Ляодунского полуострова раздражал царскую Россию, которая в то время наращивала усилия по захвату Кореи и Цинского Китая».

В негативном ключе подается и эпизод, связанный с бегством вана Кочжона в российскую миссию. Этот эпизод описывается как плод интриг российского консула в Корею, К.И. Вебера, который, подговорив членов

²² *고등학교 한국사 교과서, 2015년 개정 교육과정* [Учебник по истории Кореи для старшей школы. Пересмотренная образовательная программа 2015 года] (2020) 서울, 천재교육, [Сеул: изд-во Чхондже Кёюк].

²³ *력사, 고급중학교 3* [История. Учебник для 3-го класса старшей школы]. (2015) 평양, 교육도서출판사, [Пхеньян: Изд-во учебной литературы].

²⁴ *조선의 력사. 리조편 3* [История Кореи. Династия Ли, часть 3]. (1999) 평양 [Пхеньян].

пророссийской фракции, вынудил Кочжона переехать в здание российского представительства. Это позволило К. Веберу создать пророссийское правительство в Корее и добиться для Российской империи разнообразных экономических концессий, а также взять под контроль военную и финансовую сферы. Факт пребывания Кочжона на территории посольства другой страны подается как «еще один позорный пример, ярко освещающий низкопоклонничество вана перед внешними силами» (Полная история Кореи, 1987). Что характерно, ни в академической «Полной истории Кореи», ни в школьном учебнике не проводится связь между убийством королевы Мин, опасениями вана за свою безопасность, стремлением выйти из-под японского контроля и его решением совершить побег в российское посольство.

Можно ли считать, что данный сюжет в Северной Корее считают поводом для исторической обиды? Едва ли. Во-первых, при описании событий рассматриваемого периода всегда используется сочетание «царская Россия», чтобы «отграничить» ее от СССР и Российской Федерации. Для сравнения, в отношении США, которые в КНДР рассматриваются как главный политический соперник, и в отношении современности, и в отношении событий как семидесяти-, так и стопятидесятилетней давности употребляется сочетание «американские империалисты» (미제, мичже). Российский сюжет не становится поводом для выпадов в северокорейских СМИ, как это регулярно происходит с напоминаниями Японии или США об их прошлых преступлениях на корейской земле. Исторический нарратив может гипотетически быть использован для конструирования обиды, если изменится международная обстановка, но перспективы такого развития событий на современном этапе практически равны нулю.

Заключение

Изучение исторических обид – «активных» или потенциальных – требует от исследователя большой осторожности. Здесь, как и в ядерной физике, даже наблюдение за проблемой способно повлиять на ее развитие. В худшем случае любое высказывание может восприниматься как попытка обострить вопрос.

В сегодняшних сложных международных условиях возникает достаточно поводов для конфликта, чтобы не обращаться к прошлому. Увы, практика использования исторических обид показывает, что это наиболее часто происходит как раз «в дополнение» к политическому обострению. К.В. Асмолов и Л.В. Захарова отмечают, что «в российско-южнокорейских отношениях нет неразрешимых проблем, особенно если не раздувать неприятные мифы» (Асмолов, Захарова, 2023). Это весьма справедливая оценка, которую можно распространить и на наши отношения с КНДР.

Из сюжетов наших отношений до XX в., которые могут быть потенциально реконструированы как обида, наиболее тревожащим является вопрос об «острове Ноктундо» в южнокорейской интерпретации. Окраска «албазинских войн» и история конца XIX в. после холодной войны в восприятии

южнокорейцев стала значительно менее яркой, а для северокорейцев эти темы не были исключительно значимыми изначально. Трудность урегулирования «проблемы Ноктундо» с Сеулом в современных политических реалиях (с Пхеньяном, напомним, вопрос взаимоприемлемо закрыт), простота объяснения и демонстрации «потери» для невзыскательных масс, а также поддержание соответствующего настроения в южнокорейских материалах для детей создают почву для потенциального политического конфликта.

Однако если где-то конфликт потенциально возможен, это не значит, что он неизбежен или необходим. Важно знать и изучать сложные темы как раз для того, чтобы сблизить восприятие и избежать ненужного спора. В этом смысле весьма полезны такие проекты, как «Российско-корейские отношения в формате параллельной истории» (Российско-корейские отношения..., 2022), которые позволяют исследователям двух стран независимо и одновременно изложить свои точки зрения на сложные события прошлого. Хочется надеяться, что диалог между Россией и Кореей по подобным темам будет и дальше развиваться на основе взаимного уважения, а главную роль в нем будут играть именно ученые.

Список литературы

1. Артемьева Н.Г., Макиевский С.В. (2018) Первые исследования городища периода Чосон на территории Приморья. *Россия и АТР* 2: 195–212.
2. Асмолов К.В., Захарова Л.В. (2023) Решительность и аккуратность. Отношения России и государств Корейского полуострова в новую эпоху. *Россия в глобальной политике* 4 (21): 203–224. DOI: 10.31278/1810-6439-2023-21-4-203-224.
3. Врадий С.Ю. (2010) Корейская карта российского Приморья «Агук ёчжидо» 俄國輿地圖 – уникальный источник XIX в. о раннем периоде истории русско-корейских отношений. *Известия Восточного института* 16: 103–143.
4. Денисов В.И. (2009) Россия – Корея: дипломатическим отношениям 125 лет. *Вестник МГИМО-Университета* 5: 21–31. DOI: 10.24833/2071-8160-2009-5-8-21-31.
5. Дьячков И.В. (2021) Взаимные исторические претензии КНДР и Японии. *Японские исследования* 2: 78–91. DOI: 10.24412/2500-2872-2021-2-78-91.
6. Дьячков И.В. (2020) Остров Токто в южнокорейско-японских отношениях: история, память, политика. *Электронный научно-образовательный журнал «История»* 12 (11). Часть I. DOI: 10.18254/S207987840010272-8.
7. Дьячков И.В. (2022) Южнокорейская «политика памяти» в отношении Японии: цели, задачи, инструменты. *Современные проблемы Корейского полуострова* 2022. М.: ИКСА РАН, с. 175–185.
8. Иванов А.Ю. (2007) Проблема острова Ноктундо в средствах массовой информации Южной Кореи. *Корея: взгляд из России*. М.: ИДВ РАН.
9. Иванов А.Ю. (2012) Проблема урегулирования приграничных вопросов между Россией и Кореей (1860–1885 гг.). *История и культура Приамурья* 1 (11): 21–26.
10. Ларин В.Л. (1998) *Китай и Дальний Восток России*. Владивосток: Дальнаука.
11. Пак Б.Б. (2022) Отношения России и Кореи до японской аннексии в 1910 г. *Российско-корейские отношения в формате параллельной истории*. Под ред. А.В. Торкунова, Ким Хакчуна. М.: Аспект Пресс, с. 23–24.
12. Пак Б.Б. (1998) *Российская дипломатия и Корея (1876–1898)*. М. – Ирк. – СПб.
13. Пак Б.Д. (2004) *Россия и Корея*. М.: ИВ РАН.

14. Пестушко Ю.С. (2000) Демаркация русско-корейской границы как один из аспектов разрешения русско-японских противоречий накануне Первой мировой войны. *Известия Восточного института. Специальный выпуск*: 122–136.
15. Симбирцева Т.М. (2003) Дневник генерала Син Нью 1658 г. Первое письменное свидетельство о встрече русских и корейцев. *Проблемы истории, филологии, культуры* 13: 336–343.
16. Симбирцева Т.М. (2001) Участие корейских отрядов в Албазинских войнах 1654 и 1658: Источники и историография. *Традиционная культура Востока Азии: сб. статей* 3. Благовещенск: Издательство АмГУ, с. 179–188.
17. Тихонов В.М. (2011) *История Кореи: в 2 т. Т. 1. С древнейших времён до 1904 г.* М.: Восточная книга.
18. Торкунов А.В., Ким Хачкун (ред.) (2022) *Российско-корейские отношения в формате параллельной истории*. М.: Аспект Пресс.
19. Торкунов А.В., Толорая Г.Д., Дьячков И.В. (2021) *Современная Корея: метаморфозы турбулентных лет (2008–2020 гг.)*. М.: Просвещение.
20. Чхан Чхи Хёк (1994) Российско-южнокорейские связи на рубеже XX и XXI веков. *Вопросы истории* 4.
21. Чхве Доккю (2022) История корейско-русских отношений в Новое время (1860–1910 гг.). *Российско-корейские отношения в формате параллельной истории* под ред. А.В. Торкунова, Ким Хакчуна. М.: Аспект Пресс, с. 67–71.
22. 박지배 [Пак Чибэ] (2018) 17세기 중반 러시아의 동북아진출과 ‘나선정벌’의 의미 [Продвижение России в Северо-Восточную Азию в сер. XVII в. и значение «усмирения России»]. *歷史學報 [Вестник исторической науки]* 240: 637–672 (665–668).
23. 박태근 [Пак Тхэгын] (1984) 러시아의 동방경략과 수교 이전의 한러교섭 [Российские захваты на Востоке и корейско-российские контакты до установления дипломатических отношений]. *한러관계 100년사. 서울: 한국사연구협의회 [100 лет корейско-российских отношений]*. Сеул: Общество исследований корейской истории, р. 8–9.
24. 백종오 [Пэк Чжоно] (2019) 남·북·러의 나선·녹둔도 이순신유적 발굴조사 [Первичные исследования по южнокорейско-северокорейско-российским раскопкам древностей, связанных с Ли Сунсином, в Расоне и Ноктундо]. *내일을 여는 역사 [История, открывающая завтра]* 75: 187–202.
25. 손승호 [Сон Сынхо] (2016) 두만강 하구에 자리한 녹둔도의 위치와 범위 [Расположение и размер острова Ноктундо в устье реки Туманган]. *대한지리학회지 [Журнал Корейского географического общества]* 5(51): 651–665.
26. 송정환 [Сон Чжонхван] (1990) *러시아의 조선침략사 [История российской агрессии в Кореи]*. 서울: 범우사 [Сеул: Изд-во Помуса].
27. 송정환 [Сон Чжонхван] (2004) *러시아의 조선침략사 [История российской агрессии в Кореи]*. 서울: 범우사 [Сеул: Изд-во Помуса].
28. 전영률, 김창호, 강석희 [Чон Ённюль, Ким Чханхо, Кан Сокхи и др.]. (1987) *조선통사 (하) [Полная история Кореи. Т. 3]*. 평양, 사회과학출판사 [Пхеньян: Изд-во общественно-научной литературы].
29. *조선 력사 (원시 – 근대) [История Кореи (первобытная эпоха – новое время)]* (1996) 평양: 김일성종합대학출판사 [Пхеньян: Изд-во Ун-та им. Ким Ирсена].
30. 최덕규 [Чхве Доккю] (2019) 러시아의 대한 정책 (1879–1904) [Политика России в отношении Кореи (1879–1904)]. *한국의 대외관계와 외교사. 근대편 [История дипломатии и международных отношений Кореи. Новая история]*. 서울, 동북아역사재단 [Сеул: Фонд истории Северо-Восточной Азии], р. 507–568.
31. 최덕규 [Чхве Доккю] (2019) 러시아의 대한 정책 (1879–1904) [Политика России в отношении Кореи (1879–1904)]. *한국의 대외관계와 외교사. 근대편. [История дипломатии и международных отношений Кореи. Новая история]*. 서울, 동북아역사재단 한국외교사편찬위원회 [Сеул: Фонд истории Северо-Восточной Азии], р. 525–536.
32. *한러관계 100년사 [100 лет корейско-российских отношений]* (1984) 서울: 한국사연구협의회 [Сеул: Общество исследований корейской истории].

33. *한려관계사 1권, 2권 [История корейско-российских отношений: в 2 т.]* (2022) Согвипх: Корейский фонд международных обменов.

Comparative Politics. Volume 14. No. 3. July–September / 2023
DOI 10.46272/2221-3279-2023-3-14-39-59

KOREAN PERSPECTIVE ON POTENTIAL HISTORICAL GRIEVANCES IN RELATIONS WITH RUSSIA BEFORE 1910

Dr Ilya V. DYACHKOV – Associate Professor, Department of Oriental Studies; Research Fellow, Center for Japanese, Korean and Mongolian Studies, MGIMO University.

ORCID: 0000-0001-7058-0811. E-mail: i.dyachkov@my.mgimo.ru
76 Prospect Vernadskogo, Moscow, Russia, 119454.

Danil Ye. SHKATOV – PhD Student, Department of Oriental Studies; Researcher, Center for Japanese, Korean and Mongolian Studies, MGIMO University.

ORCID: 0000-0001-6690-0181. E-mail: d.szkatow@gmail.com
76 Prospect Vernadskogo, Moscow, Russia, 119454.

Acknowledgement. This work was supported by Russian Science Foundation (Grant No. 23-18-00109).

Received October 4, 2023 Accepted January 10, 2024

Abstract: In the case of East Asia, the expression "history is past politics" is not just a phrase, but also an accurate description of reality. References to historical events are common both in public and state-regulated discourses. Central to the historical memory politics is the concept of "historical grievances," with one side painting itself as an innocent victim and the other as a vile assailant to discredit them and mobilize own population. Russo-Korean relations are free from hard to resolve or agenda-dominating grievances, but certain historical events contain seeds of potential grievances. This paper aims to analyze potentially "problematic" aspects of Russo-Korean relations up to the early twentieth century, i.e. "Albazin wars" of the late 1600s, "Noktundo Island" dispute and events surrounding Russian Empire's influence on Korean domestic affairs in the late 19th – early 20th century. The analysis covers both South Korean and North Korean views.

Keywords: historical grievance, historical politics, Russian-Korean relations, "Albazin Wars," Noktundo Island

References:

1. Artemyeva N.G., Makievsky S.V. (2018) Pervyye issledovaniya gorodishcha perioda Choson na territorii Primor'ya [First studies of a settlement of the Joseon period on the territory of Primorye]. *Rossiia i ATR* [Russia and the Asia-Pacific Region] 2: 195–212. (In Russian).

2. Asmolov K.V., Zakharova L.V. (2023) Reshitel'nost' i akkuratnost'. Otnosheniya Rossii i gosudarstv Koreyskogo poluostrova v novuyu epokhu [Decisiveness and accuracy. Relations between Russia and the states of the Korean Peninsula in a new era]. *Rossiia v global'noy politike* [Russia in Global Affairs] 4 (21): 203–224. DOI: 10.31278/1810-6439-2023-21-4-203-224. (In Russian).
3. Chan Chi Hyuk (1994) Rossiysko-yuzhnokoreyskiye svyazi na rubezhe XX i XXI vekov [Russian–South Korean relations at the turn of the 20th and 21st centuries]. *Voprosy istorii* [History questions] 4. (In Russian).
4. Choi Dokkyu (2022) Istoriya koreysko-russkikh otnosheniy v Novoye vremya (1860–1910 gg.) [History of Korean–Russian relations in modern times (1860–1910)]. In A.V. Torkunov, Kim Khakchun (eds) *Rossiysko-koreyskiye otnosheniya v formate parallel'noy istorii* [Russian–Korean relations in the format of parallel history]. M.: Aspect Press, p. 67–71. (In Russian).
5. Denisov V.I. (2009) Rossiya – Koreya: diplomaticheskim otnosheniyam 125 let [Russia – Korea: diplomatic relations are 125 years old]. *Vestnik MGIMO–Universiteta* [Bulletin of MGIMO University] 5: 21–31. DOI: 10.24833/2071-8160-2009-5-8-21-31. (In Russian).
6. Dyachkov I.V. (2021) Vzaimnyye istoricheskiye pretenzii KNDR i Yaponii [Mutual historical claims of the DPRK and Japan]. *Yaponskiye issledovaniya* [Japanese Studies] 2: 78–91. DOI: 10.24412/2500-2872-2021-2-78-91. (In Russian).
7. Dyachkov I.V. (2020) Ostrov Tokto v yuzhnokoreysko-yaponskikh otnosheniyakh: istoriya, pamyat', politika. [Dokdo Island in South Korean–Japanese relations: history, memory, politics]. *Elektronnyy nauchno-obrazovatel'nyy zhurnal «Istoriya»* [Electronic scientific and educational journal "History"] 12 (11). Part I. DOI: 10.18254/S207987840010272-8. (In Russian).
8. Dyachkov I.V. (2022) Yuzhnokoreyskaya «politika pamyati» v otnoshenii Yaponii: tseli, zadachi, instrument [South Korean "memory policy" towards Japan: goals, objectives, tools]. *Sovremennyye problemy Koreyskogo poluostrova* [Modern problems of the Korean Peninsula 2022]. M.: ICSA RAS, p. 175–185. (In Russian).
9. Ivanov A.Yu. (2007) Problema ostrova Noktundo v sredstvakh massovoy informatsii Yuzhnoy Korei [Noktundo Island Issue in South Korean Media]. *Koreya: vzglyad iz Rossii* [Korea: a view from Russia]. M.: IFES RAS. (In Russian).
10. Ivanov A.Yu. (2012) Problema uregulirovaniya prigranichnykh voprosov mezhdru Rossiiyey i Koreyey (1860–1885 gg.) [The problem of resolving border issues between Russia and Korea (1860–1885)]. *Istoriya i kul'tura Priamur'ya* [History and culture of the Amur region] 1 (11): 21–26. (In Russian).
11. Larin V.L. (1998) *Kitay i Dal'niy Vostok Rossii* [China and the Russian Far East]. Vladivostok: Dalnauka. (In Russian).
12. Pak B.B. (2022) Otnosheniya Rossii i Korei do yaponskoy anneksii v 1910 g. [Relations between Russia and Korea before the Japanese annexation in 1910] In A.V. Torkunov, Kim Khakchun (eds) *Rossiysko-koreyskiye otnosheniya v formate parallel'noy istorii* [Russian–Korean relations in the format of parallel history]. M.: Aspect Press, p. 23–24. (In Russian).
13. Pak B.B. (1998) *Rossiyskaya diplomatiya i Koreya (1876–1898)* [Russian diplomacy and Korea (1876–1898)]. M.–Irk.–SPb. (In Russian).
14. Pak B.D. (2004) *Rossiia i Koreya* [Russia and Korea]. M.: IV RAS. (In Russian).
15. Pestushko Yu.S. (2000) Demarkatsiya russko-koreyskoy granitsy kak odin iz aspektov razresheniya russko-yaponskikh protivorechiy nakanune Pervoy mirovoy voyny [Demarcation of the Russian–Korean border as one of the aspects of the resolution of Russian–Japanese contradictions on the eve of the First World War]. *Izvestiya Vostochnogo instituta. Spetsial'nyy vypusk*. [News of the Eastern Institute. Special issue]: 122–136. (In Russian).
16. Simbirtseva T.M. (2003) Dnevnik generala Sin Nyu 1658 g. Pervoye pis'mennoye svidetel'stvo o vstreche russkikh i koreytssev [Diary of General Sin Nu 1658. The first written evidence of the meeting of Russians and Koreans]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Problems of history, philology, culture] 13: 336–343. (In Russian).

17. Simbirtseva T.M. (2001) Uchastiye koreyskikh otryadov v Albazinskikh voynakh 1654 i 1658: Istochniki i istoriografiya [Participation of Korean troops in the Albazin Wars of 1654 and 1658: Sources and historiography]. *Traditsionnaya kul'tura Vostoka Azii: sb. statey 3* [Traditional culture of East Asia: collection of articles 3]. (In Russian).
18. Tikhonov V.M. (2011) *Istoriya Korei: v 2 t. T. 1. S drevneyshikh vremen do 1904 g.* [History of Korea: in 2 volumes. T. 1. From ancient times to 1904]. M.: Oriental Book. (In Russian).
19. Torkunov A.V., Kim Khachkun (eds.) (2022) *Rossiysko-koreyskiye otnosheniya v formate parallel'noy istorii* [Russian-Korean relations in the format of parallel history]. M.: Aspect Press. (In Russian).
20. Torkunov A.V., Toloraya G.D., Dyachkov I.V. (2021) *Sovremennaya Koreya: metamorfozy turbulentnykh let (2008–2020 gg.)* [Modern Korea: Metamorphoses of Turbulent Years (2008–2020)]. M.: Enlightenment. (In Russian).
21. Vradiy S.Yu. (2010) Koreyskaya karta rossiyskogo Primor'ya «Aguk yochzhido» é guó yú de tú – unikal'nyy istochnik XIX v. o rannem periode istorii russko-koreyskikh otnosheniy [Korean map of Russian Primorye “Aguk yojido” 俄國輿地圖 – a unique source of the 19th century about the early period of the history of Russian-Korean relations]. *Izvestiya Vostochnogo instituta* [News of the Eastern Institute] 16: 103–143. (In Russian).
22. 박지배 [Пак Чибэ] (2018) 17세기 중반 러시아의 동북아진출과 '나선정벌'의 의미 [Продвижение России в Северо-Восточную Азию в сер. XVII в. и значение «усмирения России»]. *歷史學報 [Вестник исторической науки]* 240: 637–672 (665–668).
23. 박태근 [Пак Тхэгын] (1984) 러시아의 동방경략과 수교 이전의 한러교섭 [Российские захваты на Востоке и корейско-российские контакты до установления дипломатических отношений]. *한러관계 100년사. 서울: 한국사연구협의회 [100 лет корейско-российских отношений]*. Сеул: Общество исследований корейской истории, p. 8–9.
24. 백종오 [Пэк Чжоно] (2019) 남·북·러의 나선-녹둔도 이순신유적 발굴조사 [Первичные исследования по южнокорейско-северокорейско-российским раскопкам древностей, связанных с Ли Сунсином, в Расоне и Ноктундо]. *내일을 여는 역사 [История, открывающая завтра]* 75: 187–202.
25. 손승호 [Сон Сынхо] (2016) 두만강 하구에 자리한 녹둔도의 위치와 범위 [Расположение и размер острова Ноктундо в устье реки Туманган]. *대한지리학회지 [Журнал Корейского географического общества]* 5(51): 651–665.
26. 송정환 [Сон Чжонхван] (1990) *러시아의 조선침략사 [История российской агрессии в Корею]*. 서울: 범우사 [Сеул: Изд-во Помуса].
27. 송정환 [Сон Чжонхван] (2004) *러시아의 조선침략사 [История российской агрессии в Корею]*. 서울: 범우사 [Сеул: Изд-во Помуса].
28. 전영률, 김창호, 강석희 [Чон Ённьюль, Ким Чханхо, Кан Сокхи и др.] (1987) *조선통사 (하) [Полная история Кореи. Т. 3]*. 평양, 사회과학출판사 [Пхеньян: Изд-во общественно-научной литературы].
29. *조선 력사 (원시 – 근대) [История Кореи (первобытная эпоха – новое время)]* (1996) 평양: 김일성종합대학출판사 [Пхеньян: Изд-во Ун-та им. Ким Ирсена].
30. 최덕규 [Чхве Доккю] (2019) 러시아의 대한 정책 (1879–1904) [Политика России в отношении Кореи (1879–1904)]. *한국의 대외관계와 외교사. 근대편 [История дипломатии и международных отношений Кореи. Новая история]*. 서울, 동북아역사재단 [Сеул: Фонд истории Северо-Восточной Азии], p. 507–568.
31. 최덕규 [Чхве Доккю] (2019) 러시아의 대한 정책 (1879–1904) [Политика России в отношении Кореи (1879–1904)]. *한국의 대외관계와 외교사. 근대편. [История дипломатии и международных отношений Кореи. Новая история]*. 서울, 동북아역사재단 한국외교사편찬위원회 [Сеул: Фонд истории Северо-Восточной Азии], p. 525–536.
32. *한러관계 100년사 [100 лет корейско-российских отношений]* (1984) 서울: 한국사연구협의회 [Сеул: Общество исследований корейской истории], 376 p.
33. *한러관계사 1권, 2권 [История корейско-российских отношений: в 2 т.]* (2022) Согвипхо: Корейский фонд международных обменов.

РОЛЬ ПОЛИТИКИ ПАМЯТИ В КОНСТРУИРОВАНИИ НОВЫХ ИДЕНТИЧНОСТЕЙ В СТРАНАХ БОЛЬШОГО КАСПИЯ (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН И РЕСПУБЛИКИ ТУРКМЕНИСТАН)

Анна РОМАНОВА

Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева

Мария ФЕДОРОВА

ГАУГН; Институт философии РАН

Аннотация: В статье представлен сравнительный анализ сложных многовекторных процессов формирования новых идентичностей в бывших советских республиках Каспийского региона. Исследовательский интерес обусловлен необходимостью теоретического осмысления новых внешнеполитических интересов России и ее актуальной роли в международном политическом пространстве. На протяжении веков Каспийский регион был значим для России. В современных условиях вопросы развития Каспийского региона воспринимаются как комплексная проблема. Каспийское море становится тем пространством, в котором конфигурация и союзы различных политических сил могут быть многовариантны и не всегда предсказуемы. Поэтому своевременной представляется задача выявления специфики формирования идентичности в странах Большого Каспия и той роли, которую играет в этих процессах политика памяти. Для анализа выбраны два государства центральноазиатского региона – Республика Казахстан и Республика Туркменистан. Исследование проводилось с использованием данных проведенных авторским коллективом социологических опросов как количественного, так и качественного характера. В роли основных респондентов выступили молодые люди – граждане обоих государств. Результаты исследования показали, что в Туркменистане

Анна Петровна Романова – доктор философских наук, профессор, директор НИЦ проблем Юга России и Прикаспия, Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева.

ORCID: 0000-0001-8537-4893. E-mail: aromanova_mail@mail.ru

414056, Астрахань, ул. Татищева 20 А

Мария Михайловна Федорова – доктор политических наук, декан факультета политологии ГАУГН, руководитель сектора истории политической философии Института философии РАН.

ORCID: 0000-0002-1181-5219. E-mail: mf57@yandex.ru

119049, Москва, Мароновский пер. 26

Поступила в редакцию: 22.11.2023

Принята к публикации: 30.03.2024

Конфликт интересов: Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Благодарность. Исследование проведено при финансовой поддержке РНФ, проект № 22-18-00301 «Процесс конструирования новых идентичностей в Каспийском макрорегионе в контексте социальной безопасности».

и Казахстане применяются схожие модели реализации политики памяти, которые включают в себя фундаментализацию собственного прошлого за счет его «удревления», пересмотр и переоценку совместного с Россией исторического пути и формирование образа будущего. Эти процессы направлены на обоснование и упрочение политической самостоятельности, демонстрацию новых возможностей и перспектив. Вместе с тем, результаты политики памяти неоднозначны, а ее эффективность в изучаемых государствах не одинакова: соответствие ожидаемых и реальных результатов более выражено в Казахстане.

Ключевые слова: политика памяти, коллективная идентичность, Казахстан, Туркменистан

Введение

З. Бауман определял идентичность как проблему – она возникает в качестве таковой и может существовать только в виде восприятия субъектом самого себя в отношении к другому и к миру в целом (Bauman, 1993: 34). Этот способ мирочувствования изменился уже в конце XX столетия. В осмыслении общественно-политических процессов человеком рубежа XX–XXI вв. в значительной степени стираются характерные для предшествующей эпохи модерна универсальность и прогрессизм, а вместе с ними и стремление к предвидению и антиципациям¹. Зато мы открываем локальное, мы переходим от Истории к историям, от идеи глобального общественного проекта к мультипроектам и т.п. Сегодня во множественном числе можно говорить не только об истории, но и об исторической памяти: единой исторической памяти нет как на временной, так и на пространственной оси координат; в каждом регионе в разные исторические периоды формируется своя историческая память, которая корректируется под воздействием совокупности социально-политических обстоятельств. Соответственно различаются формы, конфигурации, функции политики памяти, как и механизмы ее формирования.

О политике памяти, исторической и культурной памяти написано немало количество работ как в России, так и за рубежом. Политика памяти является ключевым инструментом конструирования национальных идентичностей, особенно в тех государствах, где имели место изменения политической структуры и политического курса. В условиях такого рода трансформаций начинается процесс корректировки политики памяти, ее контента и вектора. Существует целая серия трудов, посвященных особенностям политики памяти в Центральноазиатских республиках в целом. (Д.С. Плотников, А.В. Грозин, Д. Мальцев, Д.Э. Летняков, Г.И. Осадчая, И.А. Селезнёв, Е.Ю. Киреев, А.Э. Ларионов, В.А. Франц, Е.Г. Грибовод, Д.М. Ковба, Я.Ю. Моисеенко, А. Галиев и др.). Немало работ как российских, так и казахстанских авторов посвящено исследованию процессов конструирования политики памяти в Казахстане

¹ О темпоральностях эпохи Модерна, прогрессизме и проективизме см. подробнее.: Федорова, 2021a; 2021b.

(А.Д. Дерендяева, Н.М. Тернов, А.А. Галиев, А.Ж. Мырзахметова, Е.Б. Касенов, А.Т. Желдыбаева, М.К. Тулекова, Х.А. Сутеева, А.М. Тулекова и др.). В Туркменинии эта тема исследуется не так интенсивно (Д.С. Аннаоразов, Д.Б. Аннаев, Б.К. Кочаманова, Т.А. Бабаева, М. Соегов). Российские авторы включают туркменские исследования памяти в центральноазиатский контекст.

Мемориальный феномен сегодня – и насущное нравственное требование, и цель, и действенный политический ресурс в ситуации глубоких социально-политических разрывов и трансформаций. Обращение к памяти и выработка определенной интерпретации прошлого считается достаточно эффективной стратегией формирования элементов идентичности, сопутствующих становлению государственности при обретении независимости. Эта политика представляет собой искусство совершенно особого рода, требующее обширных знаний и умений в сфере истории, культуры, архивного и музейного дела. Однако порой проводимая политика памяти напоминает манипуляцию историей. Не случайно среди обществоведов появился термин «злоупотребление памятью», под которым подразумевается противопоставление «истории» как науки, направленной на поиск объективных и достоверных знаний о прошлом, и «памяти», изменчивой и субъективной реальности, способной чаще вводить в заблуждение, нежели устанавливать истину; последняя подвержена идеологическим манипуляциям в политических целях. Патологии коллективной памяти могут проявляться как избыточная память (современные практики патримонизации национального прошлого, чрезмерной меморизации и т.п.) и как память недостаточная. Но нельзя забывать и о том, что «работа памяти» (П. Рикер) – наиболее эффективная стратегия формирования национальной идентичности, позволяющая не просто корректировать образ прошлого и поддерживать длительность национального и культурного единства во времени, но также манипулировать историческим сознанием общества. Эти действия не всегда носят негативный характер, поскольку выступают значимым фактором урегулирования этнических конфликтов и средством выхода из состояния гражданской войны, но порой представляют собой манипуляцию и используются в угоду корыстным интересам.

Множественность исторической памяти как основа новых идентичностей

В современном мире вопрос конструирования идентичности оказывается актуальным как для давно сложившихся политий, так и для национальных государств, находящихся на ранних этапах своего формирования. В Аналитическом докладе ИМЭМО РАН «Регулирование этнополитической конфликтности и поддержание гражданского согласия в условиях культурного разнообразия: модели, подходы, практики» утверждается, что «"борьба за идентичность" стала ключевым направлением политической мобилизации в современном мире» (Регулирование этнополитической конфликтности, 2017: 7). Для молодых государств эта борьба приобретает особую значимость в те периоды, когда революционный энтузиазм, сопутствующий обретению независимости, оказывается исчерпанным. Тогда приходит осознание потери

прежних ценностных маркеров и ориентиров и складывается впечатление, что историческая длительность прервана. Это ощущение «временной брешы» было описано еще в начале XX столетия П. Валери, утверждавшим, что революционный опыт дает человеку чувство принадлежности одновременно двум эпохам: «С одной стороны, прошлое, которое не ушло и не забыто, но прошлое, из которого мы почти ничего не можем извлечь, чтобы ориентироваться в настоящем и представить себе будущее. С другой – абсолютно безликое будущее»². Так возникает стремление восстановить утраченную национальную идентичность, глубоко укорененную в цельном и объединяющем повествовании о прошлом. В этих условиях переформатирование идентичности – в первую очередь, национальной, но также культурной, исторической, и т.п. – предстает естественным процессом восстановления разрушенного социально-политического порядка и поиска новых мировоззренческих ориентиров.

Так или иначе, перед многими, особенно молодыми государствами, стоит проблема внутреннего единства, в поисках решения которой в отсутствии разработанных проектов будущего социально-политического развития они обращаются к исторической памяти как одному из возможных способов формирования идентичности и достижения внутренней целостности. Таким образом, память и идентичность взаимно влияют друг на друга. В данной статье речь пойдет именно о политике памяти, направленной на формирование новой идентичности, а не об исторической политике, направленной на легитимацию власти.

Процесс «работы памяти» при формировании идентичности, т.е. то, что принято называть «политикой памяти», варьируется от страны к стране и характеризуется нелинейностью и многофакторностью. Вместе с тем, исследователи выделяют ряд общих черт, которые одинаково присутствуют в государствах, различающихся по своим социально-политическим, экономическим и культурным характеристикам. В настоящей работе предпринимается попытка показать, каким образом схожие механизмы, функционирующие на уровне коллективной памяти, преломляются в общественном сознании отдельных государств, способствуя (или препятствуя) самовосприятию индивидов в качестве граждан своей страны и оказывая влияние на их отношение к согражданам или внешнему окружению. Для анализа были выбраны две страны центральноазиатского региона – Казахстан и Туркменистан. Оба государства связывают свою историю с тюркскими народами и опытом строительства социализма.

На протяжении столетий Каспийский регион был значим для России. Это утверждение в равной степени справедливо как для имперского периода при Петре I и Екатерине II, так и для советской эпохи, когда Каспийское море

² Аналогичное состояние странного исторического безвременья, «с интервалом времени, полностью определенным тем, чего уже нет, и тем, что еще не наступило». Подробнее см: Арендт, 2014: 18; Valéry, 1957–1960: 1063.

было почти внутренним, поскольку основная часть территории (за исключением той, что была закреплена за Ираном) принадлежала СССР. После 1991 г. ряд представителей политической элиты стал больше ориентироваться на Запад, а Туркменистан и Казахстан, считавшиеся по умолчанию братскими и союзническими государствами, выпали из орбиты приоритетных международных связей России. Даже с обретением независимости в 1992 г. первым их поздравил турецкий истеблишмент. Однако добровольный отказ от большей части акватории Каспийского моря в пользу соседних государств с течением времени стал осознаваться как комплексная проблема, включающая в себя как непосредственно переговорный процесс по разделу дна Каспийского моря, так и появление альтернативных, в обход России, транспортных коридоров. В последние годы в связи с изменением внешнеполитического курса России наблюдается трансформация российского восприятия Каспийского региона. Каспийское море становится тем пространством, где в любой момент могут актуализироваться различные проблемы, связанные прежде всего с этническими идентичностями как внутри стран, так и в регионе в целом. Поэтому весьма актуальной представляется задача выявления специфики политики идентичности в странах Большого Каспия, а также наиболее отчетливо проявляющиеся в мировосприятии молодого поколения особенности формирования социальной памяти.

Методика проведения исследования

Для выявления упомянутых особенностей были проведены социологические исследования: в Казахстане (январь 2023) – онлайн-анкетирование, выборка 700 человек (четыре области); 11 серий фокусированных интервью как в самом Казахстане, так и в Астраханской области (ноябрь–декабрь 2022), где сосредоточена крупная казахская ирредента и обучаются студенты – граждане Казахстана; 11 экспертных интервью преимущественно на территории Казахстана (два интервью были проведены с приглашенными из Казахстана гостями). Непосредственно на территории Туркменистана в силу закрытости туркменского общества проведение исследования было невозможным. Пилотные социологические исследования были проведены среди граждан Туркменистана (май–сентябрь 2023), обучающихся в России (онлайн-анкетирование – выборка 350 человек, шесть серий фокусированных интервью в Астрахани, Майкопе и Краснодаре).

Политика памяти: интенции и реалии

Одной из задач формирования национально-культурной идентичности того или иного народа – особенно в период модернизационных преобразований – является смягчение травмирующего опыта тяжелых политических потрясений, разрывов тканей исторической длительности через демонстрацию

континуальности национальной истории³. Здесь возникает сложность, связанная с общим мировосприятием и восприятием истории человеком XXI столетия. Дело в том, что структурная длительность той или иной социальной системы могла быть осмыслена через линейные темпоральности XIX столетия, ориентированные на кумулятивный прогресс Просвещения, но в современных условиях они все больше вытесняются и маргинализируются. В сегодняшнем восприятии темпоральный барьер между настоящим и прошлым, весьма герметичный в прежнюю эпоху, все чаще размывается, что создает условия для возникновения сложных и многослойных социокультурных конструкций, в которых причудливым образом сочетается архаика с новейшими модернизационными решениями (Федорова, 2023). В силу этого, по мнению культурологов, одним из основополагающих элементов политики памяти является принцип генетизма, «коренящийся в мифологическом мышлении и утверждающий, что происхождение определяет сущность». Именно «принцип генетизма» обуславливает значительный интерес к «началам истории» того или иного народа, его «истокам и корням» как факторам, определяющим его характер и положение в современном мире. «Уход в глубь истории, – отмечает А.Г. Васильев, – способен расширять границы “наших” предков, “нашей” идентичности практически до бесконечности. Поэтому то, насколько глубоко и в каком направлении произойдет этот уход, является социокультурной конвенцией, определяющей то событие, эпоху, этнокультурную и религиозную традицию, с которой данной общности следует себя идентифицировать» (Васильев, 2015: 45–460).

В молодых постсоветских государствах применение принципа генетизма на практике означало – помимо поиска «истоков» и «корней» в глубокой древности – еще и определение своего отношения к прошлому относительно недавнему, т.е. к опыту существования в качестве союзных республик. Соответственно, в реализуемой ими политике памяти можно выделить несколько векторов: расширение границ собственной истории на основании мифов и сказаний; встроенная в антиколониальный дискурс интерпретация российско-советского прошлого как «травмы» вопреки реальной истории; конструирование траектории трансформации независимого настоящего в светлое будущее и формирование новых мифов и традиций.

Как показывают проведенные нами исследования (Романова, Морозова 2023), и в Казахстане, и в Туркменистане происходит целенаправленное переосмысление культурной и исторической памяти, сформированной в советский период, и инкорпорирование произошедших социально-политических изменений в связи с распадом СССР в конструируемую историческую длительность. Но поскольку социально-политическая и экономическая

³ Характерным примером такого рода политики, например, в Казахстане, была государственная программа по освоению национальной истории с символическим названием «Народ в потоке истории».

ситуация в Туркменистане и Казахстане существенно различаются, то отличны и результаты осуществления политики памяти, и, в первую очередь, *модель конструируемой идентичности*.

Расширение границ истории народа, ее «удревление» происходит путем включения в нациестроительство всех древних культур и цивилизаций, существовавших когда-либо на данной территории (Грозин, 2022a; 2022b), и включение их в генеалогическое древо титульной нации. Для обоснования в качестве исторических источников могут использоваться в том числе народные предания и легенды (Мальцев, 2017). Влияние этих идей на молодежь в настоящий момент неоднозначно. Несмотря на то, что в школьных учебниках Туркменистана и Казахстана особое внимание уделяется древней истории и ее мифологическим фигурам, рассматривающимся в качестве основателей (Романова, Морозова 2023), опрошенные в рамках настоящего исследования респонденты гораздо лучше знают современный период, нежели историю своих предков. При ответе на вопрос, какой из периодов истории – досоветский, советский или постсоветский – наиболее интересен для них, лишь немногие указали на досоветский период как наиболее значимый. Как показало сравнение результатов экспертных интервью и фокус-групп, информацией о древнем периоде Казахстана лучше владеют взрослые респонденты.

Среди знаковых для страны событий древности респонденты из Казахстана, прежде всего в экспертных интервью, упоминают *«образование Казахского ханства»* и Джунгарский период. В отношении первого было озвучено следующее высказывание: *«Период создания государственности идёт уже к началу Керей-хана и Жанибек-хана, когда они отделились от узбекского ханства и Узбек хана»* (информант № 9, Республика Казахстан)⁴. Про второй было отмечено: *«Он сложный период, был вот этот момент и, конечно, тогда отстояли территорию столетие, это война же все-таки с джунгарами была у нас очень мощная»* (информант № 9, Республика Казахстан). Причем именно джунгары, по мнению экспертов, стали одним из исторически значимых Врагов, вокруг которого был создан один из контекстов национальной травмы, наиболее безопасный для отношений с соседней Россией (Плотников, 2018). Тем не менее, количественные исследования и фокус-группы показали, что упомянутые сюжеты не входят в десятку самых важных исторических событий для большинства опрошенных (см. Таблицу 1).

⁴ Здесь и далее в цитатах интервьюируемых сохранены аутентичные стиль и язык.

Таблица 1. Какими историческими событиями, по Вашему мнению, гордится казахстанский народ? (Открытый вопрос)⁵

Table 1. What historical events, in your opinion, are the people of Kazakhstan proud of? (Open question)

Вариант ответа		%	Без учета затруднившихся ответить
1.	16 декабря 1991 года – день независимости республики Казахстан	11,7%	28,6%
2.	Декабрьские события в Алма-Ате (1986)	2,6%	6,4%
3.	Победа в ВОВ (1945)	2,0%	5,0%
4.	Январские события 2022 года	1,8%	4,3%
5.	12 ноября 1993 года – указ «О введении национальной валюты Республики Казахстан	2%	2,9%
6.	1941–1945 гг. – вклад казахского народа в ВОВ	1,2%	2,9%
7.	Время нахождения в составе СССР	1,2%	2,9%
8.	Присоединение Казахстана к СССР	1,2%	2,9%
9.	30 августа 1995 года – день конституции республики Казахстан	0,9%	2,1%
10.	Смена президента республики Казахстан 12 июня 2019 (К.К. Токаев сменил Н.А. Назарбаева)	0,9%	2,1%
11.	Октябрьская революция (1917)	0,6%	1,4%
Остальное		15,8%	38,6%
Затруднились ответить		59,1%	–

При ответе на вопросы о древней истории страны респонденты из Туркменистана в основном немногословны. При перечислении ведущими фокус-групп древних народов, связанных с территорией современной Туркмении и близлежащими территориями (парфяне, огузы и т.д.), участники фокусированных интервью соглашались: да, были такие.

Таблица 2. Какими историческими событиями, по Вашему мнению, гордится туркменский народ? (Открытый вопрос)⁶

Table 2. What historical events, in your opinion, are the Turkmen people proud of? (Open question)

Вариант ответа		%	Без учета затруднившихся ответить (%)
1.	День независимости Туркменистана 27 октября 1991 года	13,6 %	29,4%
2.	Древняя история	5,0 %	10,7%
3.	Современными событиями	5,0 %	10,7%
4.	Великая отечественная война 1941–1945	3,9 %	8,5 %
5.	Время правления Огуз-Хана	3,9 %	8,5 %
6.	Геоктепинское сражение 1880 г. (военный поход Российской армии по завоеванию территорий туркменских текинцев)	3,7 %	7,9 %
7.	Средневековая история	2,6 %	5,6 %
8.	События Гёроглы (туркменский героический эпос)	1,8 %	4,0 %
9.	День Государственного флага Туркменистана – 18 мая	1,0 %	2,3 %

⁵ Источник: составлено авторами.

⁶ Источник: составлено авторами.

10.	Битва при Данданакане 23 мая 1040 г. (крупное сражение, ознаменовавшее начало масштабных сельджукских завоеваний в Азии)	0,8 %	1,7%
	остальное	3,9%	9,1%
	Затруднились ответить	53,8 %	-

Среди обозначенных значимых исторических событий доминируют расплывчатые формулировки (см. п. 2, 3, 7 в Таблице 2).

Таким образом, принцип генетизма в обоих государствах применяется на уровне политики памяти, т.е. последовательного официального введения в курс национальной истории контекста древних цивилизаций (Хлыщева, 2022; Хлыщева, Тихонова, 2023), однако на уровне восприятия этой информации молодежью желаемые результаты пока достигнуты не были.

Общие черты можно выделить и в восприятии исторических персоналий как культурных символов Туркменистана и Казахстана соответственно. Так, в Республике Казахстан среди дореволюционных деятелей наиболее чтимой фигурой является Абай Кунанбаев (1845–1904), про которого было сказано следующее: *«Великий казахский просветитель, философ, гуманист, поэт, музыкант, такая личность, которая составила бы гордость любой нации. Нам повезло, что у нас, именно у нашего народа был такой человек. И наследие его, и вообще история его жизни, это вот актуально до сих пор. Без всякого какого-то такого насильственного принуждения, без официозов внедрения в какие-то образовательные учебно-воспитательные программы, без всего этого. Просто вот любой казахстанец и тем более любой казах имя Абай, мне кажется, ну чуть ли не с молоком матери – уважение, преклонение, любовь»* (информант № 8, Республика Казахстан). Онлайн-анкетирование показало, что Абай несколько превосходит по частоте упоминаний первого президента Республики Казахстан Н. Назарбаева (4 и 5 место, или 4,2% и 4,0%). Среди персоналий досоветского периода можно выделить также целую плеяду ханов (Кенисары-хан, Абулхаир-хан, Керей-хан, Батыр-хан, Жанибек-хан), однако их называют менее одного процента опрошенных.

Среди символов Туркменистана абсолютным брендом является поэт М. Фраги (1724–1782), известный всем опрошенным. Несмотря на то, что в знании фактологии своей древней истории опрошенные молодые люди демонстрируют очевидные пробелы, исторические и культурные символы (преимущественно мифологические и легендарные фигуры) перечисляются ими достаточно активно. Во-первых, это Огуз-хан⁷, который *«был чуть ли не первым Туркменом, но как минимум, основоположником всего этого туркменского»* (информант № 2, Республика Туркменистан). Примечательно следующее высказывание: *«Исторических личностей я не знаю, Огуз-хан на гербе, отец основатель туркмен, век не помню, есть в учебниках истории»* (информант

⁷ Родоначальник туркменских народов Огузского происхождения.

№ 2, Республика Туркменистан). Во-вторых, Горкут-ата (Коркут-ата, Коркут)⁸, который «был туркменским мудрецом». В-третьих, Героглы⁹, который «был богатырем туркменским» (информант № 1, Республика Туркменистан). Есть и единично упоминаемые исторические личности: Султан Санджар¹⁰, поэт Зелили¹¹.

Таким образом, в обеих странах молодежь знает символические персоналии лучше событий своей древней истории, однако в Туркмении, где формирование национальной идентичности началось позже, чем в Казахстане, преобладают мифологические фигуры над историческими.

Травма как исторический разрыв или точка бифуркации

Процесс целенаправленного формирования идентичности, включающий в себя в том числе политику памяти, не ограничивается лишь обращением к историческим истокам народа, но предполагает установление преемственности между древнейшими началами полумифологического происхождения и реалиями современной жизни. Любая человеческая общность проходит через периоды трансформаций и катаклизмов, и чем древнее и богаче история народа, тем больше в ней революционных трансформаций, военных сражений и других судьбоносных моментов, приводящих к разрывам преемственности. Для поддержания и осознания собственной идентичности требуется переосмысление травмирующих общественное сознание событий посредством восстановления временной континуальности, иными словами, «перформатирования» национальной истории с тем, чтобы настоящее предстало продолжением единой линии развития. «Нарушение обычного порядка вещей может быть нормализовано и ритмизировано, – отмечает А.Г. Васильев, – прерванный континуитет может быть восстановлен, если травмирующие массовое сознание события будут вписаны в новую концепцию исторического прошлого». В пределах созданного «мнемонического континуума» прошлое структурируется в соответствии с некими моделями, в рамках которых исторические события наделяются новым смыслом и связываются между собой определенным образом¹². В данном случае речь идет уже не о поисках мифологического «начала», а об установлении важных для данной общности событий, приобретающих конкретное значение, об открытии специальных мест памяти, реликвий, памятников.

⁸ Поэт-песенник X в., создатель кобыза, личность которого отражена в эпосе «*Қорқыт ата кітабы*» («Книга деда Коркута»).

⁹ Герой туркменского героического эпоса, воин, мудрец, поэт, одновременно обладающий мифологическими чертами.

¹⁰ Один из последних правителей сельджукской империи, мавзолей которого до сих пор входит в культурное наследие.

¹¹ Туркменский поэт (1779/1780–1836), автор любовной и философской лирики. выразитель протестных настроений.

¹² По мнению культуролога, именно этот момент приводит к возникновению такого парадоксального феномена, как «непредсказуемое прошлое», означающий, по сути, актуализацию определенных моментов прошлого в настоящем. См: Васильев, 2015: 46.

В Казахстане и Туркменистане формирование новых смыслов происходит, прежде всего, исходя из пересмотра и переоценки исторического пути, пройденного совместно с Россией. Распад советского Союза для них является одновременно и разрывом темпоральности, и точкой бифуркации. По мнению некоторых экспертов (в частности, директора Института регионального развития Казахстана Валихана Тулешова), в процессе формирования новой идентичности этих народов общие ценности будут пробивать себе дорогу через вызревание в каждой из стран региона глубокой приверженности собственной национальной истории и культуре. Этот процесс называют ретрадиционализацией, поскольку он направлен на восстановление духовных традиций народов. Вместе с тем, автор признает, что традиционная идентичность казахов, кыргызов, узбеков, туркмен и таджиков нуждается в модернизации посредством внедрения инноваций в политико-правовой и социально-экономической сферах (Тулешов, 2017: 38).

Еще несколько лет назад исследователями отмечалось, что в Таджикистане и Киргизии вплетение нарративов о советском прошлом в контекст современного развития происходит относительно безболезненно, что отличает эти два государства от Туркменистана и Узбекистана, чью позицию можно охарактеризовать как радикально постколониальную. В Казахстане же доминирует «нейтральное или положительное восприятие сосуществования в общесоюзном государстве» и не наблюдается фокусирования на темах, связанных с деятельностью И. Сталина (Плотников, 2016). Вместе с тем, за последние несколько лет отношение прикаспийских государств – бывших союзных республик к советскому прошлому стало более негативным. Если ранее как «имперский» оценивался только досоветский период, то в настоящий момент данная характеристика применяется и ко времени существования СССР. Проведенное исследование показало, что на современном этапе «постколониальные» нарративы более распространены в Казахстане, нежели (как это было прежде) в Туркменистане. Это находит отражение и в восприятии советской эпохи молодым поколением. Информанты из Казахстана более склонны акцентировать внимание на «травматических» эпизодах в истории якобы «колониального» прошлого страны, игнорируя (или даже не зная) то, какими значительными были инвестиции советского периода в экономику, культуру и образование Казахстана. Достаточно упомянуть, что первый казахский ВУЗ был основан в советское время – в Алма-Ате в 1928 г. был учрежден Казахский государственный университет (сейчас КазНПУ имени Абая).

В то же время критические настроения и постимперский дискурс среди молодежи Казахстана не являются преобладающими. Большинство онлайн-респондентов выражает позитивное отношение к совместному с Россией социалистическому прошлому. Из одиннадцати событий, которыми, по мнению опрошенных, гордится казахстанский народ, пять связаны с советским периодом (см. Таблицу 1).

В Таблице 1 указано, что на третьем месте по частоте упоминаний находится победа в Великой Отечественной войне. Один из участников фокус-групп отметил следующее: *«Потом я думаю, как период все-таки Великой Отечественной войны — это отдельно, это обсуждению не подлежит, потому что героическая защита Москвы и Сталинграда и так далее, и так далее это тоже мощный период был в истории Казахстана»* (ФГ 1, Республика Казахстан). Примечательно, что в контексте обсуждения войны 1941–1945 гг. внимание респондентов одновременно сосредотачивается как на совместной Победе, так и на вкладе, который внес в нее казахский народ.

Равным образом респонденты из Туркменистана называют Великую Отечественную войну наиболее значимым событием и для СССР в целом, и для своей страны в частности. Интересно, что в фокусированных интервью в Туркменистане, в отличие от Казахстана, нет ссылок на недостаточное внимание «к заслугам туркменского народа в ВОВ», его «геноцид», «голодомор» и т.д., как это часто обозначено в интервью и фокус-группах респондентов из РК. Между тем именно такие нарративы доминируют в политике памяти, активно проводимой в Казахстане. Среди других событий советского периода опрошенные особенно выделяют те, которые непосредственно относятся к местной истории: землетрясение в Ашхабаде 1947 г. и проведение газопровода Средняя Азия–Центр в 1967 г.

Прыжок в будущее

Еще одним направлением политики памяти является формирование траектории будущего, сопровождающееся в определенной степени обнулением прошлого. Как самый главный, переломный момент в истории своих государств респонденты из Туркменистана и Казахстана называют дату обретения независимости. Она становится точкой отсчета как прошлого, так и будущего. Под этим подразумевается ре-интерпретация совместного с Россией исторического пути с позиции «травмирующих событий» (которая порой диаметрально противоположна реальной истории, как это иногда происходит в Казахстане), и одновременная разработка проекта дальнейшего развития, основанного на особом внимании к «великой» древности народов.

Большинством респондентов из Казахстана помимо самого дня обретения независимости – 16 декабря 1991 г. (*«освободились от диктата Москвы»*) – упоминается совокупность символических актов, свидетельствующих о государственном суверенитете: принятие Конституции 30 августа 1995 г., указ о введении национальной валюты 12 ноября 1993 г. Они рассматриваются в контексте не только легитимации новой государственности, но и обеспечения свободы передвижения, а также возможностей получения образования за рубежом, прежде всего на Западе. Такое образование воспринимается как своеобразная гарантия лучшего будущего. О достаточно выраженном векторе ориентации на Запад могут свидетельствовать следующие высказывания:

«Независимость мы получили. Много детей за рубежом, до этого было, конечно, но было не так. Вот ... большие преимущества»; «Для этого и развивается наш народ, развивается кругозор детей, развивается кругозор молодёжи сейчас. Сейчас многие руководители тоже с Болашака¹³, они тоже обучались в зарубежных странах, сейчас управляют нашей страной» (информант № 4, Республика Казахстан).

В Туркменистане совокупность событий, символизирующих путь к будущему, включает в себя обретение независимости (1991 г.), вступление в ООН (1992 г.), утверждение нового флага (1992 г.) и концепции нейтралитета (1995 г.), а также (упоминаемое единично) принятие конституции (1992 г.). Возведение нейтралитета в ранг государственной политики является отличительной чертой этого государства в Каспийском макрорегионе.

Во мнениях респондентов из Казахстана и Туркменистана о современном этапе развития бывших союзных республик (после 1991 г.) можно выделить некоторые сходства. Во-первых, опрошенные из Туркменистана тоже расценивают постсоветский период как наиболее важный. Один из участников фокус-групп объяснил это следующим образом: *«Для нас, конечно же, будет время постсоветское, потому что мы родились... уже знаем, то есть мы будем судить по своему детству»* (ФГ 1, Республика Туркменистан). Во-вторых, респонденты из Туркменистана также считают, что после распада СССР у граждан молодого государства появились новые возможности: *«Мне кажется, сейчас возможностей больше, чем в то время...»* (ФГ 3, Республика Туркменистан). Некоторые информанты даже полагают, что провозглашение независимости и нейтралитета способствовало активизации борьбы с наркотрафиком. Так, один из участников фокус групп, назвав советскую эпоху *«временем наркотиков» (!)*, отметил: *«Сейчас вообще уже убрали, все чисто. Боролись с этим больше. Количество потребителей, количество распространителей было больше, чем сейчас»* (ФГ 5, Республика Туркменистан).

Исходя из ответов респондентов, можно прийти к заключению, что обретение независимости и закрепление нейтрального статуса во внешней политике способствовали усилению государствообразующих тенденций и консервации национальных традиций. В этом смысле показательны следующие высказывания: *«Ну, из всех неповторяющихся я написала традиции..., то есть, несмотря на то, что мы были в составе другого государства, мы все равно сохранили свои традиции, обычаи. То есть это для нас значимые, ну, лично для меня очень значимые и перестройка то есть, после перестройки, где начались все стройки именно с туркменскими орнаментами, именно со статуями Ниязова, первого президента вот...»*; *«Да, появился какой-то слой узнаваемости. В то же время у нас был золотой век, это десятилетие, для всех жителей*

¹³ Стипендиальная программа первого президента Н. Назарбаева для подготовки кадров высшего звена в ведущих компаниях и университетах мира.

было бесплатно соль, мука, вода, газ и т.д. Несмотря на то, что ну сейчас, если сейчас сравнить, тогда была зарплата меньше, но все равно людям на все хватило» (ФГ 4, Республика Туркменистан).

Студенты из Туркменистана ассоциируют провозглашение независимости с расширением границ личной свободы, прежде всего подразумевая возможности передвижения и выбора места обучения. *«Да, свобода передвижения. Куда хотите, туда поедете учиться. Тут хотите – живите»*. В ответах респондентов отсутствует явная ориентация на западные вузы и фонды. Многие признаются, что приехали учиться в Россию, следуя примеру родителей, которые о своих студенческих годах вспоминают с ностальгией.

Таким образом, в сознании молодежи обоих государств формируется образ будущего. При реализации политики памяти разрыв темпоральности в восприятии происходит неоднократно – между далеким прошлым, о котором молодежь преимущественно знает только, что оно было, и настоящим; между «имперским» прошлым и «постимперским» настоящим; между обретением независимости как точкой, определяющей пересмотр и прошлого и настоящего, и будущим, про которое молодежь знает только то, что оно будет.

Заключение

Векторы политики памяти являются одним из определяющих факторов конструирования новых идентичностей постсоветских обществ Каспийского региона (Казахстана и Туркмении) и имеют в целом общую направленность – создание новой национальной идентичности, которая стала бы «зонтичной». Под этим термином понимается идентичность / надидентичность, заключающаяся в осознании человеком своей принадлежности к большой социальной общности, объединяющей представителей разных групп, то есть своего рода зонтичная всеобъемлющая идентичность. Примером зонтичной идентичности может выступать гражданская и региональная идентичности представителей поликультурных обществ (Лепшокова, 2021). В исследуемых прикаспийских республиках политика памяти реализуется в соответствии с моделями, схожими с таковыми в других постсоветских государствах. Они включают в себя фундаментализацию собственного прошлого за счет его «удревления», пересмотр и переоценку совместного с Россией исторического пути как «травмирующего» опыта, а также определение перспектив будущего развития. Эти процессы направлены на обоснование и упрочение политической самостоятельности, демонстрацию новых горизонтов и возможностей. Вместе с тем, настоящее исследование показало, что применение этих моделей не всегда приводит к одинаковым результатам. Во-первых, не везде политика памяти находит ожидаемый отклик в молодежной среде, для которой она в основном предназначена. Восприятие представителей старшего поколения, часть жизни которых пришлось на время существования СССР, гораздо меньше поддается трансформации. Попытки «удревления» истории среди молодых

граждан обоих государств оказываются недостаточно эффективными, однако в Казахстане разработчики этой политики добились больших результатов, порой вопреки реальной истории, которая существенно отличается от той, что представлена «исторической памятью». Во-вторых, в контексте переосмысления советского прошлого как «имперской» травмы, ситуация также носит более обостренный характер в молодежной среде Казахстана, нежели Туркменистана, что также является результатом целенаправленной политики памяти, проводимой в Казахстане. Здесь как «травма» порой воспринимается даже Великая Победа (!) – из-за кажущегося умаления роли казахстанцев в ее приближении.

Представляется, что эти различия обусловлены социально-политическими особенностями Казахстана и Туркменистана. Внешнеполитический курс первого, как и в случае с некоторыми другими государствами на постсоветском пространстве, ассоциируется с понятием «многовекторность» (Романова, Морозова, 2023). Публичная власть носит более светский и западно-ориентированный характер. От других бывших союзных республик в Центральной Азии Казахстан отличается сложным этническим и конфессиональным составом с достаточно высоким процентом «нетитульного» населения, что, с одной стороны, побуждает политические элиты искать компромиссные пути конструирования идентичности, а с другой – может провоцировать конфликты среди радикально настроенной части казахов. Основной отличительной характеристикой Туркменистана является нейтралитет во внешней политике, который в период президентства С. Ниязова расценивался преимущественно как инструмент изоляционизма. В последние годы Туркменистан становится более открытым для связей с Россией, в том числе и в области образовательных коммуникаций. Изученные государства являются ближайшими соседями России в Каспийском регионе, и характер процессов формирования новой исторической памяти и идентичности – показатель будущих межкультурных коммуникаций и взаимного диалога.

Список литературы

1. Bauman Z. (1993) *Life in Fragments. Essays in Postmodern Morality*. Blackwell, 300 p.
2. Valéry P. (1957–1960) *Essais quasi politiques*. In *Œuvres*. Vol. 1. By P. Valéry. Paris, Gallimard, pp. 971–1150.
3. Арендт Х. (2014) *Между прошлым и будущим. Восемь упражнений в политической мысли* (пер. с англ. и нем. Д. Аронсона). М.: Изд-во Института Гайдара, 416 с.
4. Васильев А.Г. Культурная память/забвение и национальная идентичность: теоретические основания анализа. *Культурная память в контексте формирования национальной идентичности России в XXI в.: коллективная монография*. Отв. ред. Н.А. Кочеляева. М.: Изд-во Совпадение, 2015. С. 29–57.
5. Грозин А.В. (2022a) Историческая политика как фактор внутривнутриполитического процесса в странах постсоветской Азии. Часть 2. *Постсоветский материк* 3(35): 131–147. DOI: 10.48137/2311-6412_2022_3_131.

6. Грозин А.В. (2022b) Историческая политика как фактор внутривнутриполитического процесса в странах постсоветской Азии. Часть 1. *Постсоветский материк* 2(34): 114–134. DOI: 10.48137/2311-6412_2022_2_114.
7. Лепشوкова З.Х. (2021) Инклюзивные и эксклюзивные идентичности и контакты: роль ценностей и статуса этнической группы. *Национальный психологический журнал* 2(42): 61–75. DOI: 10.11621/npj.2021.0206.
8. Мальцев Д. (2017) Исторические мифы стран Средней Азии. *Россия и мусульманский мир* 2(296): 48–80.
9. Плотников Д.С. (2018) Изменения в политике памяти в государствах – союзниках России на постсоветском пространстве после 2014 года. *Вестник Пермского университета. Политология* (1): 92–107. DOI: 10.17072/2218-1067-2018-1-92-107.
10. Плотников Д.С. (2016) Конструирование исторического прошлого в государствах Центральной Азии в контексте выстраивания взаимоотношений с Россией на современном этапе. *Вестник Пермского университета. Политология* (2): 157–168. DOI: 10.17072/2218-1067-2016-2-157-168.
11. *Регулирование этнополитической конфликтности и поддержание гражданского согласия в условиях культурного разнообразия: модели, подходы, практики. Аналитический доклад.* (2017) Отв. ред. И.С. Семененко. М.: ИМЭМО РАН, 229 с.
12. Романова А.П., Морозова Е.В. (2023) Конструирование новых идентичностей в современном Казахстане: тенденции и ориентиры. *Мировая экономика и международные отношения* 67(7): 99–116. DOI: 10.20542/0131-2227-2023-67-7-85-102.
13. Тулешов В. (2017) К вопросу о формировании и развитии идентичности в Казахстане и Центральной Азии. *Центральная Азия – 25: Мысли о прошлом, проекция будущего. Сборник эссе из Центральной Азии.* С. 36–39.
14. Федорова М.М. (2021a) Историческое сознание эпохи модерна и политическая проективность. *Полилог* 5(2). DOI: 10.18254/S258770110015839-4.
15. Федорова М.М. (2021b) Политические практики прогрессизма. *Электронный научно-образовательный журнал «История»* 12(10(108)). DOI: 10.18254/S207987840017711-1.
16. Федорова М.М. (2023) О парадоксах времени истории. *Философский журнал* 16(2): 127–143. DOI: 10.21146/2072-0726-2023-16-2-127-143.
17. Хлыщева Е.В. (2022) Формирование идентичности в образовательном процессе России и Казахстана: сравнительный анализ. *Полилог* 6(4). DOI: 10.18254/S258770110023490-1.
18. Хлыщева Е.В., Тихонова В.Л. (2023) «Культура отмены» как механизм конструирования национальной идентичности стран каспийского макрорегиона (на примере анализа учебной литературы Казахстана и Туркменистана). *Концепт: философия, религия, культура* 7(2): 104–123. DOI: 10.24833/2541-8831-2023-2-26-104-123.

MEMORY POLICY AND THE CONSTRUCTION OF NEW IDENTITIES IN THE GREATER CASPIAN COUNTRIES: THE CASES OF KAZAKHSTAN AND TURKMENISTAN

Dr **Anna P. ROMANOVA** – Professor, Director of the Research Center for Problems of the South of Russia and the Caspian Region, Astrakhan Tatischev State University.

ORCID: 0000-0001-8537-4893. E-mail: aromanova_mail@mail.ru

20 A Tatishcheva str., Astrakhan, Russia, 414056.

Dr **Mariya M. FEDOROVA** – Dean of the Faculty of Political Science, State Academic University for the Humanities; Head of the Sector of the History of Political Philosophy, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences.

ORCID: 0000-0002-1181-5219. E-mail: mf57@yandex.ru

26 Maronovsky Lane, Moscow, Russia, 119049.

Received November 22, 2023

Accepted March 30, 2024

Acknowledgements: The study was carried out with the financial support of the Russian Science Foundation, project no. 22-18-00301 "The process of constructing new identities in the Caspian macroregion in the context of societal security."

Abstract: The article analyses the formation of new identities in the Caspian post-Soviet republics. The overall importance of the subject under consideration stems from the need to reassess Russia's current foreign policy interests and its renewed role in the international arena. Throughout Russian history the Caspian region has been of a particular interest. The development of the Caspian region is perceived as a complex issue, entailing tough negotiations on the Caspian Sea shelf, emerging alternative transport routes bypassing Russia, etc. The Caspian Sea region is becoming a place where the configuration and alliances of various political forces may be multivariate and unpredictable. Therefore, the relevant task is to identify the peculiar patterns of identity formation in the Caspian countries, emphasizing the role of memory policy. The paper focuses on Turkmenistan and Kazakhstan using sociological survey (both quantitative and qualitative), conducted by the authors, as a basic research method. The respondents were young citizens of both countries. The study shows that Kazakhstan and Turkmenistan use the same patterns to shape new memory policy, namely the fundamentalization of their own past through its ancientization, the revision and revaluation of the past shared with Russia and the anticipation of future opportunities. These processes are aimed at reinforcing political independence and demonstrating new prospects. At the same time, the results of the memory policy are controversial and its efficiency differs in these states: the coherence between expected and actual results is more evident in Kazakhstan.

Keywords: memory politics, collective identity, Kazakhstan, Turkmenistan

References:

1. Bauman Z. (1993) *Life in Fragments. Essays in Posmodern Morality*. Blackwell, 300 p.
2. Valéry P. *Essais quasi politiques*. In: *Œuvres*. Vol. 1. By P. Valéry. Paris, Gallimard, pp. 971–1150.
3. Arendt Kh. (2014) *Mezhdú proshlym i budushchim. Vosem' uprazhnenii v politicheskoi mysli* (per. s angl. i nem. D. Aronsona) [Between past and future. Eight exercises in political thought (translated from English and German by D. Aronson)]. Moscow: Gaidar Institute, 416 p. (In Russian).
4. Vasil'ev A.G. (2015) Kul'turnaia pamiat'/zabvenie i natsional'naia identichnost': teoreticheskie osnovaniia analiza [Cultural memory/forgetting and national identity: theoretical foundations of analysis]. In: *Kul'turnaia pamiat' v kontekste formirovaniia natsional'noi identichnosti Rossii v XXI v.* [Cultural Memory in the Context of Russia's National Identity Formation in the 21st Century] Ed. N.A. Kocheliaeva. Moscow: Sovpadenie, pp. 29–57. (In Russian).
5. Grozin A.V. (2022a) Istoricheskaia politika kak faktor vnutripoliticheskogo protsessa v stranakh postsovetskoi Azii. Chast' 2 [Historical politics as a factor of the internal political process in the countries of post-Soviet Asia. Part 2]. *Postsovetskii materik* [Post-Soviet Continent] (3(35)): 131–147. DOI: 10.48137/2311-6412_2022_3_131. (In Russian).
6. Grozin A.V. (2022b) Istoricheskaia politika kak faktor vnutripoliticheskogo protsessa v stranakh postsovetskoi Azii. Chast' 1 [Historical politics as a factor of the internal political process in the countries of post-Soviet Asia. Part 1]. *Postsovetskii materik* [Post-Soviet Continent] (2(34)): 114–134. DOI: 10.48137/2311-6412_2022_2_114. (In Russian).
7. Lepshokova Z.Kh. (2021) Inkluzivnye i ekskluzivnye identichnosti i kontakty: rol' tsennostei i statusa etnicheskoi gruppy [Inclusive and exclusive identities and contacts: the role of ethnic group values and status of ethnic groups]. *Natsional'nyi psikhologicheskii zhurnal* [National Psychological Journal] (2 (42)): 61–75. DOI: 10.11621/npj.2021.0206. (In Russian).
8. Mal'tsev D. (2017) Istoricheskie mify stran Srednei Azii [Historical myths of Central Asian countries]. *Rossii i musul'manskii mir* [Russia and the Muslim world] (2(296)): 48–80. (In Russian).
9. Plotnikov D.S. (2018) Izmeneniia v politike pamiati v gosudarstvakh – soiuznikakh Rossii na postsovetском prostranstve posle 2014 goda [Changes in "Politics of Memory" of the Post-Soviet Russia's Allies After 2014]. *Vestnik Permskogo universiteta. Politologiya* [Bulletin of Perm University. Political Science] (1): 92–107. DOI: 10.17072/2218-1067-2018-1-92-107. (In Russian).
10. Plotnikov D.S. (2016) Konstruirovaniie istoricheskogo proshlogo v gosudarstvakh Tsentral'noi Azii v kontekste vystraivaniia vzaimootnoshenii s Rossiei na sovremennom etape [Constructing the Past of Central Asia in the Context of Building Relations With Russia at the Present Stage]. *Vestnik Permskogo universiteta. Politologiya* [Bulletin of Perm University. Political Science] (2): 157–168. DOI: 10.17072/2218-1067-2016-2-157-168. (In Russian).
11. *Regulirovaniie etnopoliticheskoi konfliktnosti i podderzhanie grazhdanskogo soglasiia v usloviakh kul'turnogo raznoobrazii: modeli, podkhody, praktiki. Analiticheskii doklad* [Regulating ethno-political conflict and maintaining civil harmony in conditions of cultural diversity: models, approaches, practices. Analytical report] (2017) Ed. I.S. Semenenko. Moscow: IMEMO RAN, 229 p. (In Russian).
12. Romanova A.P., Morozova E.V. (2023) Konstruirovaniie novykh identichnostei v sovremennom Kazakhstane: tendentsii i orientiry [Construction of New Identities in Modern Kazakhstan: Trends and Reference Points]. *Mirovaia ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniia* [MEMO Journal] 67(7): 99–116. DOI: 10.20542/0131-2227-2023-67-7-85-102. (In Russian).

13. Tuleshov V. (2017.) K voprosu o formirovanii i razvitii identichnosti v Kazakhstane i Tsentral'noi Azii [On the issue of the formation and development of identity in Kazakhstan and Central Asia]. In: *Tsentral'naia Aziia - 25: Mysli o proshlom, proektsiia budushchego. Sbornik esse iz Tsentral'noi Azii* [Central Asia - 25: Thoughts on the Past, Projection of the Future. A collection of essays from Central Asia]. Pp. 36–39. (In Russian).
14. Fedorova M.M. (2021a) Istoricheskoe soznanie epokhi moderna i politicheskaiia proektivnost' [Historical consciousness of the Modern era and political projectivity]. *Polilog* [Polylogos] 5(2). DOI: 10.18254/S258770110015839-4.
15. Fedorova M.M. (2021b) Politicheskie praktiki progressizma [Political Practices of Progressivism]. *E'lektronnyj nauchno-obrazovatel'nyj zhurnal «Istoriya»* [Electronic scientific and educational journal «History»] 12(10(108)). DOI: 10.18254/S207987840017711-1
16. Fedorova M.M. (2023) O paradoksakh vremeni istorii [On the paradoxes of the time of history]. *Filosofskii zhurnal* [The Philosophy journal] 16(2): 127–143. DOI: 10.21146/2072-0726-2023-16-2-127-143. (In Russian).
17. Khlyshcheva E.V. (2022) Formirovanie identichnosti v obrazovatel'nom protsesse Rossii i Kazakhstana: sravnitel'nyi analiz [Identity Formation in the Educational Process in Russia and Kazakhstan: Comparative Analysis]. *Polilog* [Polylogos] 6(4). DOI: 10.18254/S258770110023490-1. (In Russian).
18. Khlyshcheva E.V., Tikhonova V.L. (2023) «Kul'tura otmeny» kak mekhanizm konstruirovaniia natsional'noi identichnosti stran kaspiiskogo makroregiona (na primere analiza uchebnoi literatury Kazakhstana i Turkmenistana) [Cancel Culture in Constructing National Identity of the Caspian Macro-region Countries (on the Example of Textbooks in Kazakhstan and Turkmenistan)]. *Kontsept: filosofii, religii, kul'tura* [Concept: Philosophy, Religion, Culture] 7(2): 104–123. DOI: 10.24833/2541-8831-2023-2-26-104-123. (In Russian).

ПРАВО НА ОБРАЗОВАНИЕ В СОВРЕМЕННОЙ КОНСТИТУЦИИ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Алексей АВТОНОМОВ

Московский университет имени А.С. Грибоедова

Владислав ГРИБ

МГИМО МИД России; Московский университет имени А.С. Грибоедова

Аннотация: Работа посвящена исследованию в сравнительном ключе проблем, связанных с закреплением права на образование в современных конституциях, а также выявлению основных тенденций и закономерностей конституционного обеспечения реализации данного права в текущих условиях. Рассматриваются разные подходы к этим вопросам в тех или иных государствах, особенности судебной защиты конституционного права на образование в ряде стран. Также разбирается содержание конституционного права на образование.

Ключевые слова: право на образование, конституция, конституционное обеспечение права на образование, социальные права.

В настоящее время конституционное регулирование права на образование является общепринятым способом юридического обеспечения получения знаний, умений и навыков в тех или иных сферах, а также представлений о должном, о правильном и неправильном, о добре и зле. Нормы, нацеленные на обеспечение права на образование, были заложены в ранние конституции в разных юрисдикциях, где конституционализм впервые получил свое

Алексей Станиславович Автономов – доктор юридических наук, профессор, проректор по научно-исследовательской работе и международным отношениям, заведующий кафедрой международного права и правового регулирования внешнеэкономической деятельности, Московский университет имени А.С. Грибоедова.

111024, г. Москва, шоссе Энтузиастов, д. 21.

Владислав Валерьевич Гриб – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой конституционного права, МГИМО МИД России, ректор Московского университета имени А.С. Грибоедова; академик Российской академии образования, заслуженный юрист Российской Федерации.

E-mail: avtor@lawinfo.ru

111024, г. Москва, шоссе Энтузиастов, д. 21.

Поступила в редакцию: 11.02.2024

Принята к публикации: 10.03.2024

Конфликт интересов: Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

практическое воплощение. Например, положения о получении образовании были включены в первые три Конституции Франции (1791, 1793 и 1795 гг.), в Конституции Пенсильвании 1776 и 1790 гг., Конституцию Северной Каролины 1776 г., Конституции Вермонта 1777 и 1786 гг., Конституцию Массачусетса 1780 г. (действует поныне с более чем 120 внесенными поправками) и др. В дальнейшем конституционное регулирование права на образование развивалось нелинейно: временами в тех или иных странах к власти приходили политические силы, выступающие за умаление или упразднение прав человека, что негативно сказывалось на закреплении и обеспечении, в том числе, и права на образование. Но в целом конституционное закрепление права на образование постепенно за два с половиной столетия получило широкое распространение и содержательно углубилось.

Отметим, что и сегодня есть конституции, не предусматривающие права на образование. В некоторых федеративных государствах это связано с передачей регулирования образования в ведение субъектов федерации, и тогда отсутствие такого регулирования на федеральном уровне компенсируется содержанием конституционных актов субъектов соответствующей федерации. Но в некоторых государствах права человека могут вообще не прописываться в конституциях или фиксироваться весьма лапидарно из-за более чем сдержанного отношения к их реализации, и тогда для права на образование в основном законе также может не оказаться места. И все же в современном мире проще перечислить страны, в конституциях которых не зафиксировано право на образование, чем те, где оно в том или ином виде наличествует.

В данной работе разбирается содержание права на образование в современных конституциях в общем и рассматривается конституционное регулирование этого права на конкретных примерах нескольких государств.

Разнообразие подходов к конституционному регулированию права на образование в современности

Как справедливо указывает С.А. Авакьян, слово «образование» «в соответствии с его этимологией в нескольких значениях используется в конституционном праве», и одно из них – «получение знаний – отсюда конституционное право на образование» (Авакьян, 2015: 458). Собственно, об этом и идет речь в данной работе. В настоящее время в конституциях того подавляющего большинства стран, в которых говорится об образовании, право на него прописывается неодинаково.

Лапидарный стиль. Так, в Конституции Боснии и Герцеговины указанное право зафиксировано, но не раскрыто: в статье 2 (пункт «к» части 3) в списке прав человека значится "*право на образование*"¹ (на сербском языке) и больше ничего. Это – верх краткости, но и такое упоминание в перечне иных столь

¹ Устав Босне и Херцеговине. (1997) *Дејтонски Споразум*. Сарајево: Парламентарно издање. С 62.

же лаконично сформулированных прав позволяет конституционно гарантировать право на образование и конкретизировать его содержание в текущем законодательстве.

Таким же путем лаконизма пошли и разработчики действующей Конституции Франции; в тексте собственно Конституции места для прав и свобод человека не нашлось, однако она (в Преамбуле) открывается следующими словами: *«Французский народ торжественно провозглашает свою приверженность правам человека и принципам национального суверенитета, как они были определены Декларацией 1789 года, подтвержденной и дополненной преамбулой Конституции 1946 года»*². В настоящее время эти два акта дополняет Хартия окружающей среды 2004 года³, статья 8 которой гласит: *«Экологическое образование и обучение должны способствовать осуществлению прав и обязанностей, определенных настоящей Хартией»*⁴. Но здесь кратко говорится лишь об одном довольно узком, хотя и важном, сегменте образования и обучения, причем именно о его цели, а не о праве на образование, пусть и экологическое. О праве на образование упоминается в Преамбуле Конституции 1946 г., которая согласно Конституции 1958 г. сохраняет свою силу в качестве конституционного акта: *«Нация гарантирует равный доступ ребенка и взрослого к учебе, профессиональной подготовке и культуре. Организация бесплатного светского государственного обучения всех степеней является обязанностью государства»*⁵. Как мы видим, доступ к учебе делит строку в тексте цитируемого акта с доступом к культуре (что является отдельным правом), но все же добавлены слова об обязанности государства в сфере обучения. Стоит отметить, что данная формулировка менее объемная, чем положение Конституции Франции 1791 г. об образовании⁶, не говоря уже о Конституции Франции 1795 года⁷, в которой данной сфере были посвящены несколько статей.

² Конституция Французской Республики. (2001) *Конституции государств Европы*. Т. 1. Под ред. Л.А. Окунькова. М.: Издательство НОРМА. С. 411 (перевод А.Н. Пилипенко).

³ Texte intégral de la Constitution du 4 octobre 1958 en vigueur | Conseil constitutionnel (n.d.). Available at: <https://www.conseil-constitutionnel.fr/le-bloc-de-constitutionnalite/texte-integral-de-la-constitution-du-4-octobre-1958-en-vigueur> (accessed 25 March 2023).

⁴ Текст на французском языке: *"L'éducation et la formation à l'environnement doivent contribuer à l'exercice des droits et devoirs définis par la présente Charte"*. См.: Charte de l'environnement de 2004 | Conseil constitutionnel (n.d.). Available at: <https://www.conseil-constitutionnel.fr/le-bloc-de-constitutionnalite/charte-de-l-environnement-de-2004> (accessed 25 March 2023).

⁵ Официально текст Преамбулы Конституции 1946 г. в качестве действующего конституционного акта размещен на сайте Конституционного Совета. Оригинальный текст: *"La Nation garantit l'égal accès de l'enfant et de l'adulte à l'instruction, à la formation professionnelle et à la culture. L'organisation de l'enseignement public gratuit et laïque à tous les degrés est un devoir de l'Etat"*. См.: Préambule de la Constitution du 27 octobre 1946 | Conseil constitutionnel (n.d.). Available at: <https://www.conseil-constitutionnel.fr/le-bloc-de-constitutionnalite/preambule-de-la-constitution-du-27-octobre-1946> (accessed 25 March 2023).

⁶ См.: Constitution de 1791 | Conseil constitutionnel (n.d.). Available at: <https://www.conseil-constitutionnel.fr/les-constitutions-dans-l-histoire/constitution-de-1791> (accessed 25 March 2023).

⁷ См.: Constitution du 5 Fructidor An III | Conseil constitutionnel (n.d.). Available at: <https://www.conseil-constitutionnel.fr/les-constitutions-dans-l-histoire/constitution-du-5-fructidor-an-iii> (accessed 25 March 2023).

Подразумевающий стиль. Другой подход прослеживается в Федеральной Конституции Малайзии. В части II («Основные свободы», по-английски *“Fundamental Liberties”*, на малайском языке *“Kebebasan asasi”*) имеется статья 12, именуемая «Права, относящиеся к образованию» (*“Rights in Respect of Education”*⁸ по-английски; *“Hak berkenaan dengan pendidikan”*⁹), в которой запрещается дискриминация по признакам этнической, религиозной принадлежности и по иным основаниям (которые не просто перечисляются, но и содержательно раскрываются) при предоставлении условий для получения образования, а также закрепляется право религиозных организаций иметь свои образовательные учреждения. В отношении последних оговаривается, что в случае принадлежности к исламу – официальной религии Малайзии – они могут создаваться и существовать при поддержке Федерации и штатов. Иными словами, само право на образование как таковое в Федеральной Конституции не упоминается, однако очевидно, что раз человек вправе требовать недискриминации при получении образования и защищаться от дискриминации в конституционно предусмотренном порядке, то делать это имеет смысл тогда, когда вообще есть право на получение образования. Следовательно, рассматриваемая статья 12 Федеральной Конституции, хотя и не содержит слов «право на образование», косвенно подтверждает его существование, предусматривая ряд прав в этой сфере.

Детально-концентрированный стиль. Конституция Доминиканской Республики являет собой еще один подход к закреплению и регулированию права на образование. В статье 63 устанавливается: «Каждый имеет право на непрерывное, качественное, всестороннее образование при равенстве условий и возможностей без ограничений, кроме проистекающих из его / ее способностей, призвания и устремлений»¹⁰. А затем в 13 пунктах даны разъяснения процитированного общего положения, в частности: целью образования является всестороннее обучение человека на протяжении всей жизни,

⁸ Laws of Malaysia. Federal Constitution. Incorporating all amendments up to P.U.(A) 164/2009 First introduced as the Constitution of the Federation of Malaya on Merdeka Day: 31st August 1957 Subsequently introduced as the Constitution of Malaysia on Malaysia Day: 16th September 1963, Article 12, p. 17–18.

⁹ Официальным текстом Федеральной Конституции Малайзии признается англоязычный вариант. Тем не менее, текст данной Конституции переводится на малайский язык – язык Федерации. Обновленный перевод публикуется заново после каждой поправки, но для приобретения официального статуса, дающего возможность применения его в суде и т.д., необходимо пройти специальную процедуру, предусмотренную самой Конституцией. До настоящего времени такую процедуру не использовали, поэтому текст Конституции на малайском языке публикуется с пояснением: «Этот текст является всего лишь переводом Федеральной конституции, сделанным Палатой Генерального прокурора. Если и до тех пор, пока это не будет юридически закреплено в соответствии со статьей 160b Федеральной конституции, настоящий текст не является правовым актом» (на малайском языке – *Teks ini hanyalah terjemahan oleh Jabatan Peguam Negara bagi Federal Constitution. Melainkan jika dan sehingga ditetapkan sah di bawah Perkara 160b Perlembagaan Persekutuan, teks ini bukan perundangan*). Текст на малайском языке цит. по изданию Палаты Генерального прокурора: Perlembagaan Persekutuan. Cetakan Semula. Sebagaimana pada 1 November 2010, Perkara 12, h. 27–28.

¹⁰ Constitución Dominicana. (2010) Santo Domingo: Editora Nomara, p. 40. Текст на испанском языке: *“Toda persona tiene derecho a una educación integral, de calidad, permanente, en igualdad de condiciones y oportunidades, sin más limitaciones que las derivadas de sus aptitudes, vocación y aspiraciones”*.

развитие творческого потенциала, доступ к достижениям науки; ответственность за образование лежит на семье, которая вправе выбирать для детей тип образования; государство гарантирует бесплатное публичное образование, которое на начальном, основном и среднем уровнях является обязательным, и финансирует высшее образование; государство заботится о бесплатности и качестве образования, нацеленного на нравственную, интеллектуальную и физическую подготовку обучающегося; государство признает значимость преподавательской деятельности и обеспечивает профессиональную подготовку и повышение квалификации преподавателей; в обязанности государства входят искоренение неграмотности и обеспечение образования лицам со специальными потребностями; государство заботится о качестве высшего образования и финансирует университеты, которым гарантируется автономия и академическая свобода; выборность руководства университетов в рамках их уставов, соответствующих законам; государство определяет научно-исследовательскую и технологически-инновационную политику, поддерживает, в том числе, частные учреждения в этой сфере; вложения государства в образование и науку должны быть устойчивыми и возрастать в соответствии с уровнем макроэкономического развития; средства массовой информации, частные и публичные, должны вносить вклад в развитие образования; государство гарантирует свободу преподавания, признает частную инициативу в деле создания учебных заведений, способствует научному и технологическому развитию; в целях подготовки сознательных граждан во всех публичных и частных учебных заведениях обязательны гражданское и общественное воспитание, преподавание Конституции, прав человека, патриотических ценностей и т.д.¹¹ Даже краткий пересказ посвященных реализации права на образование положений Конституции Доминиканской Республики показывает высокий уровень детализации конституционного регулирования данной сферы.

Подробно регулируется реализации права на образование не только в Конституции Доминиканской Республики, но и в ряде других конституций, в частности, в Конституции Испании. Посвященная данному праву статья 27¹² состоит из 10 частей, первая из которых открывается провозглашением права на образование для каждого (для всех). Далее говорится о цели образования (всестороннее развитие личности), о гарантиях права родителей выбирать форму религиозного и нравственного воспитания своих детей, о бесплатности и обязательности начального образования, о свободе создания юридическими и физическими лицами учреждений образования в соответствии с конституционными принципами, об автономии университетов и т.д. Вместе

¹¹ *Constitución Dominicana*. (2010) Santo Domingo: Editora Nomara, p. 40–44.

¹² Текст Конституции Испании на русском языке (цитируемые статьи со времени перевода не изменялись) см.: *Конституции государств Европы*. (2001) Т. 2. Под ред. Л.А. Окунькова. М.: Издательство НОРМА, с. 50–94 (перевод А.С. Автономова). Для сравнения текст на испанском языке см. *Constitución Española*. (2021) Madrid: Sucesores de Rivadeneyra, S.A.

с тем идея образования красной нитью проходит и через другие статьи Конституции Испании: так, в статье 40, посвященной благоприятным условиям экономического и социального развития, указывается, что органы власти *«поддерживают политику, обеспечивающую получение профессиональной подготовки и переподготовки»*, а в статье 43 о праве на охрану здоровья говорится о санитарном просвещении (по-испански *“educación sanitaria”*).

На разных континентах в настоящее время есть государства, в конституциях которых не только провозглашается право на образование, но и прописываются многие аспекты его реализации. Наряду с приведенными в качестве примера государствами Американского и Европейского континентов, можно обратиться к Конституции такого африканского государства, как Кабо-Верде. Перевод Конституции на русский язык был произведен сравнительно недавно, поэтому ознакомление с текстом (перевода) не вызывает вопросов о его возможной устарелости. Довольно обширная Статья 78 Конституции Кабо-Верде 1992 г. в редакции 2010 г. под заглавием «Право на образование», занимающая почти полторы страницы убористого текста, включает в общей сложности 23 пункта, сгруппированных в 4 частях¹³. Кроме того, вопросы образования упоминаются, в частности, в статьях 73¹⁴ (*«Право на окружающую среду»*), 75¹⁵ (*«Права молодежи»*), 76¹⁶ (*«Права инвалидов»*). Таким образом, право на образование в Конституции Кабо-Верде, обретая детализированное регулирование в специально предназначенной для этого статье, дополнительно затрагивается в статьях, посвященных другим правам человека.

Детально-рассредоточенный стиль. В Конституциях Швейцарии и Бразилии, например, право на образование вкратце провозглашается среди других прав человека в соответствующем разделе. Подробное регулирование различных аспектов образования, юридически обеспечивающее реализацию указанного права, содержится как в специальном подразделе каждого из основных законов, так в некоторых других, не связанных непосредственно с правами человека. Таким образом, положения, относящиеся к обеспечению реализации права на образование, рассредоточены по тексту конституций.

¹³ Конституция Кабо-Верде. (2021) *Конституции государств Африки и Океании*. Т. 4. Западная Африка. Отв. ред. Т.Я. Хабриева. М: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ; ИД «Юриспруденция», с. 447–449 (перевод А.С. Автономова).

¹⁴ Конституция Кабо-Верде. (2021) *Конституции государств Африки и Океании*. Т. 4. Западная Африка. Отв. ред. Т.Я. Хабриева. М: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ; ИД «Юриспруденция», с. 446 (перевод А.С. Автономова).

¹⁵ Конституция Кабо-Верде. (2021) *Конституции государств Африки и Океании*. Т. 4. Западная Африка. Отв. ред. Т.Я. Хабриева. М: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ; ИД «Юриспруденция», с. 447 (перевод А.С. Автономова).

¹⁶ Конституция Кабо-Верде. (2021) *Конституции государств Африки и Океании*. Т. 4. Западная Африка. Отв. ред. Т.Я. Хабриева. М: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ; ИД «Юриспруденция», с. 447 (перевод А.С. Автономова).

Статья 19 Конституции Швейцарии в одном из переводов на русский язык гласит: «Право на полное и бесплатное начальное школьное образование гарантируется»¹⁷ (в другом переводе – «Право на достаточное и бесплатное основное школьное обучение гарантируется»¹⁸). Фраза короткая, но в силу несхожести переводов ее на русский язык требуется уделить ей некоторое внимание. На немецком языке оригинальный текст выглядит так: *“Der Anspruch auf ausreichenden und unentgeltlichen Grundschulunterricht ist gewährleistet”*¹⁹. Следует отметить, что в данном случае в значении субъективного права используется слово *“Anspruch”*, имеющее смысловой оттенок, связанный с требованием – «право требовать» или «право притязать», – в то время как в других статьях той же Конституции (к примеру, 10, 12, 14) для обозначения субъективного права употребляется слово *“Recht”*. В официальных текстах на других языках такой нюанс отсутствует, а «право» представлено как *“droit”*²⁰ (по-французски), *“diritto”*²¹ (по-итальянски), *“dretg”*²² (по-реторомански), т.е. тем же самым словом, которое содержится в других статьях Конституции, посвященных тому или иному субъективному праву. А вот слово *“Grundschulunterricht”* (на немецком языке), *“enseignement de base”* (на французском языке), *“istruzione scolastica di base”* (на итальянском языке), *“instrucziun... da scola fundamentala”* (на ретороманском языке) могут переводиться и как «начальное школьное обучение» и как «базовое / основное школьное обучение» (зависит от конкретного понимания «начального» и «базового / основного» в отношении обучения), но в любом случае «обучение», а не «образование». Необходимо обратить внимание и на то, что в тексте на французском языке в отличие от текстов на всех других языках отсутствует слово «школьное».

Наряду с лаконичным упоминанием обучения / образования в статье 19 (входящей в главу 1 «Основные права» части 2), в главе 2 «Компетенция» части 3 Конституции Швейцарии имеется раздел 3, посвященный регулированию образования, исследований и культуры. Первоначально в указанный раздел входило 11 статей (правда, не все они регулировали непосредственно какие-либо аспекты образования: в раздел также входили статьи о культуре, исследованиях, спорте, так или иначе связанные с образованием – поэтому, собственно, они и объединены в одном разделе), но за прошедшую с момента

¹⁷ Конституция Швейцарской Конфедерации. (2001) Пер. с нем. С.Л. Авраменко. М.: Изд-во МГУП, с. 27.

¹⁸ Конституции государств Европы. (2001) Т. 2. Под ред. Л.А. Окунькова. М.: Издательство НОРМА, с. 539 (перевод Б.А. Старшуна).

¹⁹ *Fedlex* (n.d.) Bundesverfassung der Schweizerischen Eidgenossenschaft. Available at: <https://www.fedlex.admin.ch/eli/cc/1999/404/de> (accessed 25 March 2023).

²⁰ *Fedlex* (n.d.) Constitution fédérale de la Confédération suisse. Available at: <https://www.fedlex.admin.ch/eli/cc/1999/404/fr> (accessed 25 March 2023).

²¹ *Fedlex* (n.d.) Costituzione federale della Confederazione Svizzera. Available at: <https://www.fedlex.admin.ch/eli/cc/1999/404/it> (accessed 25 March 2023).

²² *Fedlex* (n.d.) Constituziun federala da la Confederaziun svizra. Available at: <https://www.fedlex.admin.ch/eli/cc/1999/404/rm> (accessed 25 March 2023).

принятия Конституции почти четверть века он пополнился четырьмя статьями, посвященными именно образованию. Объектом регулирования в рамках рассматриваемого раздела является организация образовательного пространства, а именно: взаимодействие Союза / Конфедерации и кантонов в рамках их компетенции, координация деятельности, обеспечение общественного признания образования и пр. (статья 61a); признание за кантонами исключительных полномочий в отношении организации школьного образования, предусмотрев, тем не менее, на федеральном уровне обязательность основного / начального обучения, бесплатность предоставления его в публичных школах, гармонизацию таких вопросов, как возраст поступления в школу, продолжительность и цели обучения на каждой ступени образования и переход с одной ступени на другую, а также взаимное признание дипломов (статья 62); издание федеральных актов о профессиональной подготовке (статья 63); союзное / конфедеративное управление федеральными высшими учебными заведениями и поддержка кантональных и других признанных высших учебных заведений, сотрудничество Союза / Конфедерации и кантонов в сфере высшего образования (статья 63a); непрерывное образование (статья 64a); федеральная помощь высшему и профессиональному образованию (статья 66); федеральная и кантональная помощь молодежи и детям в деле развития и их защита, а также федеральные меры, в дополнение к кантональным, по поддержке внешкольных занятий детей и молодежи (статья 67); поощрение музыкального образования, в особенности детей и молодежи, забота о качестве музыкального образования и т.д. (статья 67a).

Кроме того, в статье 48a, входящей в раздел 2 главы 1 части 3 Конституции, говорится о возможности придания на федеральном уровне обязательной силы межкантональным соглашениям в ряде сфер, в частности, в отношении кантональных высших учебных заведений (пункт «с» данной статьи) и в отношении школ (пункт «b» статьи 48a). В пункте «b» статьи 48a Конституции в тексте на немецком языке используется термин *"Schulwesen"*, что можно перевести и как «школьное дело», и как «школьное образование», на французском языке – *"instruction publique"*, т.е. «публичная учеба», на итальянском языке – *"scuola"*, т.е. «школа», на ретороманском языке – *"fatgs da scola"*, т.е. «реалии школы». Тексты Конституции Швейцарии на немецком, французском и итальянском языках официально объявлены аутентичными. Они могут в равной степени использоваться в судах, в силу чего считаются идентичными по смыслу, поэтому для их понимания важно учитывать семантические нюансы слов на разных языках и выводить единое значение каждого термина. Текст на ретороманском языке не считается официальным, однако ретороманский язык – один из национальных языков Швейцарии, его использование предусмотрено для общения с его носителями, а в кантоне Граубюнден (*"Graubünden"* по-немецки, *"Grisons"* по-французски, *"Grigioni"* по-итальянски, *"Grischun"* по-реторомански) он является одним из трех официальных языков, поэтому используемые в тексте термины на ретороманском языке также стоит принимать во внимание.

В Конституции Бразилии²³ в статье 6, входящей в Главу II Раздела II, посвященного основным правам человека и их гарантиям, перечисляются социальные права на здравоохранение, на труд, на отдых и т.д., первым из которых упоминается право на образование. Текст данной статьи с момента вступления Конституции в силу в 1988 г. неоднократно корректировался, но право на образование неизменно стояло на первом месте. Однако кроме упоминания в данной части Конституции Бразилии оно никак не поясняется (не пояснялось) и не детализируется (не детализировалось). Зато в Конституции имеется Отдел I (*Seção I*) «Об образовании» (*"Da Educação"*) Главы III «Об образовании, культуре и спорте» (*"Da Educação, da Cultura e do Desporto"*) Раздела III «О социальном строе» (*"Da Ordem Social"*), открывающийся статьей 205, которая гласит: «Образование, на получение которого все имеют право и обязанность дать которое лежит на государстве и семье, поощряется и стимулируется в сотрудничестве с обществом, будучи нацеленным на всестороннее развитие человека, на подготовку его к осуществлению прав и обязанностей гражданина и на приобретение им квалификации, необходимой для работы»²⁴. Иными словами, в этой части Конституции раскрывается, что такое образование, право на которое упоминается в статье 6 Раздела II, посвященного правам человека. Статья 206 закрепляет принципы обучения: равенство условий; свобода учиться, обучать, исследовать и распространять идеи, искусство и знания; плюрализм идей и педагогических концепций, сосуществование публичных и частных учебных заведений; бесплатность публичного обучения; оценка по заслугам профессиональных школьных преподавателей, причем гарантируется их продвижение по службе; демократическое управление системой публичного образования; гарантия высокого качества обучения; достойная оплата труда школьных преподавателей; гарантия права на образование и ученичество на протяжении всей жизни человека (непрерывное образование). Статья 207 устанавливает автономию университетов. Статья 208 показывает, в чем заключается обязанность государства в сфере образования: бесплатное обязательное начальное образование (первоначально в тексте Конституции, вступившей в силу в 1988 г., «начальное образование» обозначалось как *"educação fundamental"*, а в 2009 г. Конституционной Поправкой № 59 данное словосочетание в значении «начальное образование» было заменено составным термином *"educação básica"*) для лиц в возрасте от 4 до 17 лет (если не удалось вовремя поступить в школу); постепенный переход к всеобщности среднего (*"médio"* по-португальски) бесплатного обучения; особое внимание к обучению инвалидов; образование

²³ *Presidência da República | Casa Civil | Subchefia para Assuntos Jurídicos* (n.d.) Constituição da República Federativa do Brasil. Texto compilado. Available at: https://www.planalto.gov.br/ccivil_03/constituicao/constituicao.htm (accessed 25 March 2023).

²⁴ *Presidência da República | Casa Civil | Subchefia para Assuntos Jurídicos* (n.d.) Constituição da República Federativa do Brasil. Texto compilado. Available at: https://www.planalto.gov.br/ccivil_03/constituicao/constituicao.htm (accessed 25 March 2023).

в яслях и дошкольных учреждениях до 5-летнего возраста; доступ на самые высокие уровни обучения, исследований и художественного творчества в соответствии со способностями; предоставление возможности для регулярного вечернего обучения; обеспечение получающих начальное образование дополнительными программами, транспортом, питанием, гарантиями в сфере здравоохранения. При этом подчеркивается, что доступ к бесплатному обязательному образованию является публичным субъективным правом, а государственные органы при неисполнении обязанностей несут за это ответственность. Статья 209 фиксирует условия функционирования частных образовательных учреждений, а статья 210 – основы содержания учебных программ. Статья 211 распределяет зоны ответственности Союза, субъектов федерации и муниципий в сфере образования. Статья 212 предписывает ежегодно вкладывать в поддержание и развитие образования Союзу не менее 18%, а штатам, Федеральному округу и муниципиям – не менее 25% доходов от налоговых поступлений в соответствии с определенным ею порядком, в то время как статья 212А вносит в это уточнения. Статья 213 указывает, что публичные ресурсы направляются публичным школам, но соблюдение содержащихся в ней условий допускает также направление их общинным, религиозным и филантропическим школам. Статья 214 предусматривает утверждение законом десятилетнего национального плана развития образования и определяет приоритеты, которые должны быть в нем отражены.

Кроме того, согласно Конституции Бразилии²⁵ (в подразделе, посвященном взаимоотношениям федерации и ее субъектов), предоставление средств, обеспечивающих доступность образования, находится в совместном ведении Союза, штатов, Федерального округа и муниципий (пункт V статьи 23), а нормативное регулирование образования входит в конкурирующую компетенцию Союза, штатов, Федерального округа и муниципий (пункт IX статьи 24).

Содержание права на образование в современных конституциях

Итак, имеется заметное разнообразие подходов к конституционному установлению права на образование, и при этом есть объединяющий момент, а именно – регулирование одного и того же права, каковым является право на образование, хотя и в разном объеме, но при одинаковом содержании.

Безусловно, содержание любого субъективного права, закрепленного в конституции, разворачивается в конституционных нормативных формулах и раскрывается путем судебного, доктринального и другого исследования для уяснения в целях принятия законодательных и иных актов в развитие конституционных положений, в целях вынесения судебных решений на основе конституционных положений, в научных, учебных и прочих целях. Как писал

²⁵ *Presidência da República | Casa Civil | Subchefia para Assuntos Jurídicos* (n.d.) Constituição da República Federativa do Brasil. Texto compilado. Available at: https://www.planalto.gov.br/ccivil_03/constituicao/constituicao.htm (accessed 25 March 2023).

Д.М. Генкин, право воздействует на поведение лиц двояким способом: путем установления между ними конкретного правоотношения и путем непосредственного воздействия на поведение людей без установления конкретных правоотношений. По его меткому замечанию, конституционные права граждан относятся к субъективным правам, вытекающим непосредственно из правовой нормы, и не требуют для своего возникновения какого-либо юридического факта (Генкин, 1958: 94). Это является характеристикой всех конституционных прав, в том числе и права на образование.

Прежде чем перейти к рассмотрению особенностей непосредственного воздействия конституционных правовых норм на поведение индивидов в сфере образования, остановимся на специфике установленных конституцией правоотношений в процессе реализации субъективного права на образование. В определенной степени она связана с субъектами таких правоотношений. Как пишет А.В. Шереметьев, «субъект образовательных правоотношений» – это лицо, обладающее по закону правосубъектностью и участвующее в правоотношении, связанном с осуществлением образовательной деятельности по правилам, предписываемым моделью поведения в данном общественном отношении, закрепленной в законе. При этом к субъектам образовательных правоотношений относятся как лица, непосредственно участвующие в осуществлении образовательной деятельности, так и лица, обеспечивающие ее осуществление» (Шереметьев, 2015: 7). Данное исследование, исходя из его цели, ограничивается фиксацией правосубъектности и моделей поведения исключительно в конституции, не вдаваясь в детали, присутствующие в принятых на основе конституции законах. В тех конституциях, в которых установлено право на образование, как правило, субъекты образовательных правоотношений обозначены весьма широко. Провозглашается, что такое право принадлежит «всем» или «каждому» (по сути, оба слова в данном контексте близки по смыслу и выражают практически одно и то же), при этом в общем виде не предполагается каких-либо ограничений с точки зрения гражданства, возраста, состояния здоровья и др. В то же время в других положениях конституций, а также в законодательных актах, развивающих конституционные постановления, как правило, вводятся нормативные уточнения, посвященные особенностям реализации права на образование людьми, принадлежащими к различным группам населения. Образовательные правоотношения строятся в ходе реализации права на образование.

К неразрывному единству двух компонентов по-настоящему эффективного права на образование – юридической закреплённости и действительной гарантированности – привлекает внимание Б.В. Щетинин: «Право на образование означает юридическую возможность и фактическую гарантированность приобретения... гражданами образования как определенной суммы знаний об обществе и природе, науке и технике, литературе и искусстве и т.п.» (Щетинин, 1988: 97). Иными словами, важной чертой права на образование является его существование в силу конституционного провозглашения. Тем не менее, подлинная реализация этого права в конкретных условиях

и его реализуемость в принципе зависят от различного рода гарантий, в том числе юридических, которые находят отражение в тех или иных конституциях, что было продемонстрировано в приведенных выше примерах.

Гарантированность является одним из неперенных условий реализуемости права на образование. Т.С. Румянцева, в частности, указывает, что такое «конституционное право относится к субъективным правам граждан, поскольку представляет собой реально существующую, гарантируемую государством на уровне Основного Закона фактическую возможность лица обладать и пользоваться всеми предусмотренными в обществе благами в сфере образования» (Румянцева, 1987: 31). Безусловно, гарантированность важна для осуществления любого субъективного права, однако при реализации права на образование она приобретает особое значение, поскольку воспользоваться данным правом невозможно без квалифицированных преподавателей и адекватной инфраструктуры, учебной литературы и т.п. Реализация права на образования может быть оценена в зависимости от степени доступности – информационной, институциональной, субъектной, территориальной, инфраструктурной, финансовой, бихевиориальной²⁶. Наибольших показателей доступности образования фактически по всем семи предложенным критериям можно добиться в значительной степени благодаря усилиям государственных и муниципальных органов, поэтому с давних времен в конституциях прописываются их обязанности в сфере образования.

Право на образование обеспечивается не только гарантиями, предусмотренными в конституции непосредственно для указанного права, но также общими гарантиями прав человека в целом, установленными конституцией. Об этом, в частности, говорят Е.К. Кубеев и Р.Р. Султанов: Согласно п. 1 ст. 12²⁷, «в Республике Казахстан признаются и гарантируются права и свободы человека в соответствии с Конституцией. Вместе с тем в п. 2 ст. 12 Конституции Республики Казахстан говорится о том, что права и свободы человека принадлежат каждому от рождения, признаются абсолютными и неотчуждаемыми, определяют содержание и применение законов и иных нормативных правовых актов. Неуклонное следование этим принципам в связи с верховенством Конституции свидетельствует о тождественности основных прав с конституционными, где и получают свое закрепление наиболее важные права человека. Основываясь на данном предположении, можно сказать, что закрепленное в ст. 30 Конституции Республики Казахстан право на образование является одним из основных прав граждан, которое позволяет согласно п. 2 ст. 12

²⁶ Подробнее именно в отношении доступности образования см.: Автономов, Гаврилова, 2019.

²⁷ Пункты 1 и 2 статьи 12 Конституции Республики Казахстан: «1. В Республике Казахстан признаются права и свободы человека в соответствии с Конституцией. 2. Права и свободы принадлежат каждому от рождения, признаются абсолютными и неотчуждаемыми, определяют содержание и применение законов и иных нормативных актов» (Конституция Республики Казахстан. (2017) Алматы: ТОО «Издательство “Норма-К”», с. 7 – данное издание содержит редакцию статей 12 и 30 Конституции РК, действовавшую на момент издания цитируемой книги). Статья 30 Конституции РК посвящена праву на образование (см. указанное издание Конституции Казахстана, с. 10–11).

подчеркнуть его особые свойства – абсолютность, неотчуждаемость и его естественный характер (принадлежность каждому от рождения)» (Кубеев, Султанов, 2007: 17). В современных условиях общие гарантии прав человека в целом устанавливаются конституцией не только Казахстана, но и многих государств, обеспечивая тем самым реализацию права на образование. Так, в уже упомянутой Конституции Боснии и Герцеговины, в которой права человека перечисляются в части 3 статьи 2 весьма лаконично, в части 4 той же статьи говорится о недискриминации (*“одсуство дискриминације”* по-сербски) при пользовании всеми перечисленными правами, а в части 6, именуемой *«Уважение прав человека»* (*“Поштовање људских права”* по-сербски) указывается: *«Босния и Герцеговина и все суды, ведомства, органы управления и механизмы, которые относятся к ведению субъектов государства или которые функционируют в субъектах государства, действуют в соответствии с основными свободами и правами человека, упомянутыми выше в части 2»* (на сербском языке: *“Босна и Херцеговина, и сви судови, тијела, органи управи и инструменти којима управљају ентитети или који функционишу у ентитетима, понашаће се у складу са људским правима и основним слободама из горе наведеног параграфа 2”*)²⁸. В некоторых современных конституциях общие гарантии прав человека, относящиеся также и к праву на образование, могут быть прописаны довольно подробно.

Л.Д. Воеводин видит гарантированность права на образование в равенстве возможностей: «Право на образование состоит в обеспечении каждому гражданину СССР в соответствии с его потребностями и наклонностями равных возможностей пользоваться всеми видами обучения, учиться во всех существующих в стране учебных заведениях» (Воеводин, 1972: 259). А Л.А. Дольникова указывает на бесплатность как на существенную черту обеспечения рассматриваемого права, отмечая, что конституционное право на образование «есть установленная государством и закреплённая в нормах права мера возможного поведения субъекта при выборе объема, вида и формы реализации данного права бесплатно, за счет общества, в интересах личности, государства и общества» (Дольникова, 1987: 29). Вместе с тем и бесплатность, и равенство возможностей значимы для реализации не только права на образование, но и для ряда других прав (например, на охрану здоровья). Причем равенство возможностей выступает в качестве существенного компонента фундамента современного правового статуса человека. Это является одной из предпосылок взаимодействия и тесного переплетения прав человека.

На взаимосвязь всех прав человека в контексте рассмотрения права на образование обращают внимание Е.К. Кубеев и Р.Р. Султанов, полагая, что это «позволяет рассматривать право на образование как элемент права на жизнь, права на развитие. В свою очередь, осуществление права человека

²⁸ Устав Босне и Херцеговине. (1997) *Дејтонски Споразум*. Сарајево: Парламентарно издање. С. 62.

на образование невозможно без соблюдения прав человека в процессе образования («в образовании») и получения человеком возможности осознания и реализации своих прав и свобод с помощью образования («через образование»), а реализация права на образование, в свою очередь, является предварительным условием осуществления других основных прав» (Кубеев, Султанов, 2007: 246). Действительно, в некоторых конституциях (и это обнаруживается, в частности, в некоторых из рассмотренных выше конституций), наряду с более или менее подробным регулированием собственно права на образование, оно так или иначе упоминается в статьях, посвященных другим правам человека – на труд, на окружающую среду, на здравоохранение и т.д. Благодаря этому право на образование выступает в качестве одного из ключевых прав человека, а его реализация служит одной из гарантий осуществления целого ряда других прав.

Исходя из приведенных выше определений, может сложиться впечатление, что образование представляет собой как бы одноразовый акт, пусть и длящийся в течение ряда лет, проходящий, возможно с перерывами, несколько этапов, но так или иначе заканчивающийся, после чего человек живет уже «образованным». Вместе с тем, важно иметь возможность продолжать обучение в течение всей жизни, поэтому в некоторых современных конституциях закрепляется необходимость создания условий для непрерывного образования. И хотя сам процесс может быть дискретным, принципиально иметь доступ к продолжению обучения в любом возрасте. На это обращает внимание Ю.П. Орловский: «Конституционное право на образование – это не сумма отдельных возможностей, а возможность постоянно совершенствовать свои знания во всех существующих формах обучения» (Орловский, 1986: 14).

В приведенных выше высказываниях образование рассматривается как получение, приобретение, совершенствование знаний и отождествляется с обучением, возможностью учиться. Между тем сведение образования к обучению представляется некорректным. В комментарии к статье 45 Конституции СССР указывается: «Гарантируемое Советской Конституцией право на образование – это не просто право на получение определенной суммы знаний, а право на подготовку и постоянное совершенствование и активизацию полноправного участия граждан в общественной и политической жизни, в управлении делами общества и государства, которое обеспечивается социалистическим строем» (Конституция СССР, 1982: 154). Другими словами, реализация права на образование нацелена как на приобретение знаний, так и на получение воспитания, основывающегося на господствующих в обществе моральных ценностях и культурных установках, что является предпосылкой для активной самостоятельной деятельности.

Таким образом, содержание конституционного права на образование заключается в закреплении в конституции вида и меры возможного поведения лица при обеспеченном государством, совершающем предусмотренные нормами права обязательные действия и выделяющем необходимые для этого ресурсы, получении и совершенствовании на протяжении всей жизни

знаний, умений и навыков в каких-либо сферах и представлений о добре и зле, о должном, запретном, допустимом и т.д. Особо значимую роль образование, т.е. сочетание обучения и воспитания, играет в жизни детей и молодежи, так как именно образование вносит весомый вклад в социализацию. Рассмотрим на примере некоторых стран специфику конституционного оформления права на образование и раскрытие его содержания в конкретных условиях.

ЧАСТЬ II

Конституционализм США и право на образование

Даже с учетом всех поправок федеральная Конституция США не содержит упоминания о праве на образование. Отсутствие права на образование и вообще положений, относящихся к регулированию образования, в федеральной Конституции подтверждается и самими текстом Конституции и принятым в 1973 году решением Верховного Суда США по делу Независимый школьный округ Сан-Антонио против Родригеса (*San Antonio Independent School District v. Rodriguez*)²⁹, указавшем, что вопросы образования относятся к ведению штатов. Между тем Верховный Суд США в 1954 г. постановил³⁰ противоречащим федеральной Конституции существование расово сегрегированных школ, фактически признав тем самым элемент права на образование в качестве подлежащего конституционному регулированию на федеральном уровне. В решении Суда содержится примечательная фраза: «В наши дни вряд ли стоит ожидать от ребенка успеха в жизни, если ему отказано в возможности получить образование» – “*In these days it is doubtful that any child may reasonably be expected to succeed in life if he is denied the opportunity of an education*”³¹. Несмотря на это решение и его применение, Конституция Алабамы, к примеру, в течение длительного времени сохраняла положение об отдельных школах для представителей разных рас (статья XIV, отдел 256³²). Предложения конституционной поправки об исключении упоминания о расово сегрегированных школах вносились в 2004 и 2012 гг. (Parker, 2016: 3). Но только в 2020 г., получив одобрение на референдуме³³, поправка была подтверждена в результате принятия новой редакции Конституции Алабамы в ноябре 2022 г., предусмотревшей иную, нежели прежде, формулировку отдела 256 статьи XIV³⁴, что привело к исчезновению упоминания об указанных школах.

²⁹ 411 U.S. 1 (1973).

³⁰ *Brown v. Board of Education*, 347 U.S. 483, 493 (1954).

³¹ *Brown v. Board of Education*, 347 U.S. 483, 493 (1954).

³² Текст этого положения Конституции Алабамы 1901 года см.: *The Federal and State Constitutions, Colonial Charters, and other Organic Laws of the States, Territories, and Colonies Now or Heretofore Forming the United States of America*. (1909) Comp. by F.N.Thorpe. Vol. 1. Washington: Government Printing Office, p. 227.

³³ Asmelash L. (2020) Alabama voters approve an amendment to remove racist language from state's constitution. *CNN*, 6 November. Available at: <https://www.cnn.com/2020/11/06/us/alabama-constitution-amendment-racist-trnd/index.html> (accessed 25 March 2023).

³⁴ См. текст: *Ballotpedia* (n.d.) Article XIV, Alabama Constitution. Available at: https://ballotpedia.org/Article_XIV,_Alabama_Constitution (accessed 25 March 2023).

Отсутствие права на образование в Конституции США в определенной мере компенсируется конституциями штатов. Все они содержат положения, более или менее подробно регулирующие различные аспекты образования³⁵, многие конституции определяют источники и порядок финансирования системы образования. Примером современного конституционного регулирования вопросов образования является Конституция Иллинойса (статья X, состоящая из трех разделов), вступившая в силу в 1971 г. и переведенная на русский язык³⁶. Правда, с точки зрения подробности регламентации каких-либо вопросов образования Конституция Иллинойса 1971 г. служит отнюдь не самым ярким примером. Даже в Конституции Массачусетса, хотя она была принята в 1780 г. (несмотря на многочисленные поправки, объем нормативного материала, относящегося к образованию, в ней практически не изменился), реализация права на образование прописана более развернуто по сравнению с Конституцией Иллинойса: в главе V Конституции Массачусетса три статьи посвящены Университету в Кембридже – его значимости, управлению им, некоторым аспектам финансирования и прав на переданное ему имущество и т.п., а еще одна регулирует разнообразные вопросы организации образования в учебных заведениях разного уровня. Наряду с этим еще и в статье III Декларации прав (с изменениями, внесенными статьями 11 и 103 Поправок) говорится об обучении (по-английски *"instruction"*, на русском языке в опубликованном переводе дано почему-то «наставления», хотя далее в середине текста статьи *"religious instruction"* уже дано как «религиозные школы») благочестию, религии и нравственности, избранию религиозных учителей (по-английски *"religious teachers"*³⁷, но в опубликованном переводе почему-то дано «религиозные наставники»), а также особенностям финансирования такого обучения³⁸, хотя в целом статья – о свободе вероисповедания и об отпращивании религиозных культов.

Тем не менее в конституциях штатов США, принятых в XX в., различные аспекты образования в целом регулируются подробнее, чем в более ранних конституциях. Так, в Конституции Джорджии 1798 г. только отдел 13 (*section 13*) посвящен образованию³⁹, а в Конституции того же штата 1983 г. образование регулируется статьей VIII, которая состоит из семи отделов («Публичное образование» [*Public Education*], «Совет штата по образованию» [*State Board of Education*], «Суперинтендант штата по школам» [*State School Superintendent*],

³⁵ Таблицу сравнения положений об образовании 50-ти штатов США см.: Parker, 2016: 5–22.

³⁶ Соединенные Штаты Америки. (1993) *Конституция и законодательные акты*. Под ред. О.А. Жидкова, составит. В.И. Лафитский. М.: Изд. группа «Прогресс», «Универс», с. 131–132 (переводчик В.И. Лафитский).

³⁷ *General Court of the Commonwealth of Massachusetts* (n.d.) The Constitution of the Commonwealth of Massachusetts. Available at: <https://malegislature.gov/Laws/Constitution> (accessed 25 March 2023).

³⁸ Соединенные Штаты Америки. (1993) *Конституция и законодательные акты*. Под ред. О.А. Жидкова, составит. В.И. Лафитский. М.: Изд. группа «Прогресс», «Универс», с. 72–73, 96.

³⁹ *Founding.com* (n.d.) Georgia Constitution of 1798. Available at: <https://founding.com/founders-library/government-documents/american-state-and-local-government-documents/state-constitutions/georgia-constitution-of-1798/> (accessed 25 March 2023).

«Совет регентов» [*Board of Regents*], «Местные школьные системы» [*Local School Systems*], «Местное налогообложение для образования» [*Local Taxation for Education*], «Поддержка для получения образования» [*Educational Assistance*]], включающих большое число параграфов и пунктов⁴⁰. Кроме того, в пункте «с» параграфа VIII статьи I («Билль о правах») в редакции, одобренной в 1998 г. и вступившей в силу 1 января 1999 г.⁴¹, устанавливается, на что могут расходоваться средства, полученные от лотерей, проводимых с целью поддержки образовательных программ (на гранты, стипендии и т.п., выделяемые гражданам штата для посещения колледжей и университетов, находящихся в штате; на выплаты учителям в аккредитованных учебных учреждениях по определенным критериям; на проекты капитальных вложений в здания и оборудование учебных заведений и т.д.).

При этом совершенствование конституционного регулирования различных аспектов образования продолжается в настоящее время путем внесения изменений и дополнений в конституции штатов. По подсчетам А. Даллмана и А. Нат, в период 1990–2018 гг. в целом в конституции штатов США было предложено 312 поправок (правда, распределены они между штатами неравномерно, – например, в Колорадо, Орегоне и Техасе более 20 поправок в каждом, в Нью-Джерси и Иллинойсе по одной, в Миннесоте ни одной и т.д.), посвященных образованию, из которых были окончательно приняты и вступили в силу 192 (Dallman and Nath, 2020: 3–5.). Не только внесение изменений и дополнений в тексты конституций, но и современное судебное применение и толкование конституционных норм, в том числе и вступивших в силу более двухсот лет назад, служит делу совершенствования конституционного обеспечения права на образование. Так, в 1993 г. Верховный Суд Массачусетса в решении по делу МакДаффи против Секретаря Исполнительного Управления Образования (*McDuffy v. Secretary of the Executive Office of Education*)⁴² тщательно исследовал положения Конституции 1780 г. об образовании, в том числе не подвергшиеся изменениям за 200 лет и процитированные выше в данной работе (включая, в частности, глаголы «лелеять» – “*to cherish*” – и «поощрять» – “*to encourage*”⁴³), и пришел к выводу, что право на образо-

⁴⁰ *Justia Law* (n.d.) Art. VIII. Available at: <https://law.justia.com/constitution/georgia/conart8.html> (accessed 25 March 2023).

⁴¹ *Justia Law* (n.d.) Art. I. Available at: <https://law.justia.com/constitution/georgia/conart1.html> (accessed 25 March 2023).

⁴² 615 N.E.2d 516 (Mass. 1993).

⁴³ Речь идет об отделе II (section II) главы V Конституции Массачусетса 1780 г., который, в частности, содержит такие слова: “...it shall be the duty of legislatures and magistrates, in all future periods of this Commonwealth, to cherish the interests of literature and the sciences, and all seminaries of them; especially the university at Cambridge, public schools and grammar schools in the towns; to encourage private societies and public institutions...” – «...законодательные органы и должностные лица во все будущие периоды этого Содружества должны иметь обязанность лелеять интересы литературы и наук и всех семинарий по ним; особенно Университета в Кембридже, публичных школ и гимназий в городах; поощрять частные общества и публичные учреждения...». См.: *General Court of the Commonwealth of Massachusetts* (n.d.) The Constitution of the Commonwealth of Massachusetts. Available at: <https://malegislature.gov/Laws/Constitution> (accessed 25 March 2023).

вание должно защищаться данными конституционными положениями и что предоставление адекватного образования является обязанностью штата (*Commonwealth*), которая, тем не менее, штатом (*Commonwealth*) не исполняется⁴⁴. Что касается Конституции Массачусетса, то с ее переводом на русский язык по состоянию на 1989 г. можно ознакомиться в сборнике «Соединенные Штаты Америки. Конституция и законодательные акты»⁴⁵. Перевод выполнен на высоком уровне, однако, как и бывает с любым переводом с одного языка на другой, остается пространство для комментариев и уточнений. Так, лексема *“shall”* представлена как будущее время глагола *“to be”*, а сама конструкция конституционного положения, в которое входит процитированная фраза, свидетельствует о том, что в данном случае, как и вообще в юридических текстах, *“shall”* выражает долженствование. Примечательно, что в данной фразе долженствование усиливается добавлением существительного *“duty”* – «обязанность», поскольку вполне можно было бы записать *“legislatures and magistrates shall... cherish... encourage...”* («законодательные органы и должностные лица обязаны... лелеять... поощрять...»), однако разработчики текста Конституции Массачусетса записали *“it shall be the duty of legislatures and magistrates”*, т.е. буквально «должно быть обязанностью законодательных органов и должностных лиц», а в конкретном контексте конституционного положения – «законодательные органы и должностные лица должны иметь обязанность». Следовательно, от такой обязанности законодательные органы и должностные лица, по смыслу Конституции Массачусетса, не могут освободиться ни в коем случае.

Далее, для слов *“public schools and grammar schools”* предлагается перевод «в публичных и начальных школах», однако ясно, что на английском языке слово *“schools”* повторяется два раза не случайно. Казалось бы, почему бы не написать *“public and grammar schools”*, как попытались сделать при переводе на русский язык? Однако разработчики Конституции Массачусетса сочли это невозможным, и понятно почему: *“public school”* и *“grammar school”* – это различные виды учебных заведений, хотя в названии и того и другого имеется слово *«school»*, но наименование каждого из видов является целостным и состоит из двух слов, одно из которых *“school”*. При этом под *“public school”* понимали учебное заведение базового образования первичного уровня, что, по сути, соответствует начальной школе. Что касается *“grammar school”*, то полного аналога такого вида учебных заведений в России ни в настоящее

⁴⁴ 615 N.E.2d 555 (Mass. 1993).

⁴⁵ Соединенные Штаты Америки. (1993) Конституция и законодательные акты. Под ред. О.А. Жидкова, составит. В.И. Лафитский. М.: Изд. группа «Прогресс», «Универс», с. 50–97 (переводчик В.И. Лафитский). В данном издании перевод приведенной выше фразы выглядит следующим образом: «...обязанность легислатуры и представителей власти состоит в том, чтобы во все будущие времена, пока существует Республика, проявлялась забота об интересах литературы, науки и тех учебных заведений, в которых они преподаются, и прежде всего в университете Кембриджа, в публичных и начальных школах таунов; легислатура должна поощрять те общества и государственные учреждения...» (с. 68).

время, ни в прошлом найти не представляется возможным. Между тем исторически в Англии и ее колониях в *"grammar schools"* преподавали латинскую грамматику, что в какой-то мере сближает их с историческими российскими гимназиями, в которых классическое образование включало в себя обязательное изучение таких языков, как латынь и древнегреческий. Позже в США под *"grammar schools"* понимали средние школы 5–8-го классов. Иными словами, в любом случае *"grammar schools"* представляли собой вторую, более высокую, ступень образования по сравнению с начальными школами. А при переводе с одного языка на другой важно сохранить смысл переводимого с использованием средств того языка, на который осуществляется перевод. Поэтому вариант перевода «*публичных школ и гимназий*» представляется более точным.

В указанном опубликованном переводе слово *"Commonwealth"* однозначно передается как «республика». Действительно, в определенном смысле можно провести аналогию между латинским понятием *"res publica"*, т.е. «общая, общественная вещь», и английским понятием *"commonwealth"* (иногда, например, в Конституции Пенсильвании писалось *"common-wealth"*, через дефис), что можно перевести как «общее богатство, достояние». Официальное принятие после упразднения монархии в Британии названия *"Commonwealth of England"* (позже расширенное до *"Commonwealth of England, Scotland and Ireland"*), казалось бы, подтверждает понимание *"commonwealth"* как республики, и, тем не менее, О. Кромвель в 1657 г. согласился на предложение сделать его должность лорда-протектора наследственной (передача должности главы государства по наследству является признаком монархии), хотя и отверг предложенный ему титул короля.

Возвращаясь к аналогии *"common-wealth"* (английский) – *"res publica"* (латынь), отметим, что даже латинский термин *"res publica"* отнюдь не всегда применялся для обозначения формы правления, противоположной монархии. Его могли использовать для обозначения государства вообще любой формы правления; именно так поступил, к примеру, Ж. Боден в произведении «Шесть книг о республике» (на французском языке *"Les Six Livres de la République"* (Bodin, 1576), в авторском переводе на латынь *"Repubblica Libri Sex"* (Bodin, 1594)), в котором излагалось его понимание суверенитета. У Ж. Бодена республика, т.е. государство, могла быть монархической, аристократической, демократической. Это говорит о том, что терминология в прежние времена может не совпадать с современной по своему значению, а перевод делается для современного читателя. Поэтому требуется выяснить, как понимался и как понимается термин *"commonwealth"*.

Т. Гоббс, к примеру, слово *"commonwealth"* (с дефисом – *"common-wealth"*) использовал в значении «государство» вообще, на что указывает заголовок и содержание его знаменитого «Левиафана», и именно поэтому данное слово на русский язык переводилось и переводится как «государство» (Hobbes, 1651). В авторском переложении «Левиафана» на латынь Т. Гоббс вместо *"common-wealth"* применил *"civitas"*, а монархии противопоставил

народное государство – *Statu Populari* (как демократия, или республика в современном понимании), к примеру, во фразе “*Quod autem in Monarchia, & Statu Populari quaestionem hanc eandem...*” (Hobbes, 1668: 88) («Что относится к монархии, то – и к народному государству тоже...»). В добавлении к «Левиафану» (в полном заглавии которого, вспомним, стоит “*common-wealth*”) в издании на латыни Т. Гоббс писал о себе в третьем лице: «Автор этой книги жил в Париже, пользуясь свободой литературной деятельности. В своей книге он с успехом защищал права короля как в светских, так и в духовных вопросах» (Гоббс, 1991: 584). Этим подтверждается, что книга Т. Гоббса, по словам ее автора, посвящена любому государству (в том числе монархии), а не только республике. Таким образом, слово “*commonwealth*” вовсе не обязательно понималось как «республика».

При этом пример книги Т. Гоббса не единственный, когда слово “*commonwealth*” использовалось не в значении республики. Так, если Доминика, использующая в своем официальном названии “*commonwealth*” (*Commonwealth of Dominica*), является республикой, то Багамы, в названии которых содержится “*commonwealth*” (*Commonwealth of the Bahamas*), представляют собой монархию с королем / королевой Великобритании во главе. Официальное название государства Австралии – “*Commonwealth of Australia*”, а в преамбуле Конституции указывается, что народ определенных территориальных образований согласился объединиться в нерушимое Федеративное Содружество или Сообщество (возможно, Государство) Австралии под короной Соединенного Королевства Великобритании и Ирландии (“...*have agreed to unite in one indissoluble Federal Commonwealth under the Crown of the United Kingdom of Great Britain and Ireland*”⁴⁶). Официальный перевод на русский язык названия данного федеративного государства – Австралийский Союз⁴⁷, но вне зависимости от этого оно является монархией, поскольку его глава – *ex officio* королева / король Великобритании, поэтому в данном случае “*commonwealth*” никак не может быть республикой. Организация Содружество Наций с британским монархом во главе также именуется “*Commonwealth*”.

Что касается штатов США, то название “*commonwealth*” выбрали далеко не все из них, а только Вирджиния, Кентукки, Массачусетс и Пенсильвания. Возможно, таким образом предполагалось подчеркнуть какие-то особенности, например, сплоченность добровольно объединившихся в государственное образование людей, или, напротив, не делать упора на республиканизме при акцентировании государственного характера освобождающейся быв-

⁴⁶ Текст Конституции Австралии см. на официальном сайте: *Federal Register of Legislation* (n.d.) Commonwealth of Australia Constitution Act. Available at: <https://www.legislation.gov.au/C2004Q00685/latest> (accessed 25 March 2023).

⁴⁷ Словарь современных географических названий. (2006) Под общ. ред. В.М. Котлякова. Екатеринбург: У-Фактория, с. 8. Available at: https://rus-geo-enc.slovaronline.com/93-Австралийский_Союз (accessed 25 March 2023).

шей колонии. Либо же в условиях неустоявшейся терминологии использовали слово *"commonwealth"* в смысле «государство» как синоним слова *"state"*, которое в качестве названия стало употребляться большинством бывших британских колоний в Северной Америке и которое позже приобрело значение «штат». В любом случае, не углубляясь в причины выбора штатом такого наименования, важно при переводе термина *"commonwealth"* показать соответствующую особенность, принимая во внимание и то, что в переложении на русский язык устоялась традиция использовать слово «содружество».

То же относится и к термину *"seminary"*, который можно перевести на русский язык как «учебное заведение» (хотя для этого в английском языке есть другое словосочетание – *"educational institution"*), однако в применении этого слова следует подчеркнуть определенную специфику. Например, и английское слово *"seminary"*, и русское слово «семинария» используются для обозначения учебных заведений, в которых производится подготовка лиц, желающих стать служителями церкви. В то же время так могут называться и светские учебные заведения, имеющие определенную специализацию. Так, в США в XIX в. и в начале XX в. получили распространение женские семинарии (*female seminaries*) – частные учебные заведения для девочек, предоставляющие начальное, позже – среднее, а затем и образование уровня колледжа (хотя первая из них, Вифлеемская женская семинария в Филадельфии – *Bethlehem Female Seminary*, открылась еще в 1742 г.). В России в тот же период существовали учительские семинарии, в которых готовили преподавателей начальных школ. Первая из них открылась еще в 1779 г. при Московском университете. Во Франции же и Германии учительские семинарии стали создаваться с конца XVII столетия. Вследствие того, что словом «семинарии» и в русском, и в английском (*"seminaries"*) языках обозначаются, прежде всего, такие учебные заведения, которые имели специализированный характер по составу обучающихся и / или по содержанию преподаваемых дисциплин, по особенностям приобретаемой в ходе образовательного процесса квалификации и пр., для наиболее точной передачи смысла текста при переводе с одного языка на другой важно сохранить данное специфическое наименование. Для этого требуется понимание лексических, грамматических и семантических особенностей обоих языков. Кроме того, не стоит использовать транслитерацию, кроме, возможно, отдельных исключительных случаев, не говоря уже о том, что следует избегать ловушек ложных друзей переводчика, когда, казалось бы, похожее слово на одном языке имеет совершенно иное значение на другом. И все же определенные термины нельзя перевести иначе, кроме как путем использования созвучных слов на другом языке. Например, «конституция» на английском языке – *"constitution"*, на французском языке – *"constitution"*, на испанском языке – *"constitución"*, на итальянском языке – *"costituzione"*, на польском языке – *"konstytucja"*, на белорусском языке – *"канстытуцыя"*, на ретороманском языке – *"constituziun"*, на мальтийском языке – *"kostituzzjoni"*, на тагальском языке – *"konstitusyon"*, на себуанском языке – *"konstitusyon"*, на папьяменто – *"konstitushon"* и т.д.,

хотя на немецком, нидерландском, шведском, датском, сербском, чешском, словацком, финском, китайском, японском и др. языках термин «конституция» передается словами, непохожими по звучанию на существующее в русском языке. Вот и слово *“seminary”* в приведенной цитате из Конституции Массачусетса, по-видимому, используется не случайно (в других местах той же статьи обнаруживаются термины *“school”, “grammar school”, “university”*, каждый с присущим ему значением), поэтому и на русский язык, как представляется, его лучше всего переводить не просто похожим, но и аналогичным по специфичности вкладываемого в него смысла словом «семинария».

Верховный Суд Массачусетса в упомянутом решении 1993 г. установил семь требований, выполнение которых означает предоставление адекватного образования⁴⁸, однако впервые они были введены и обозначены в решении Верховного Суда Кентукки⁴⁹. В литературе второй половины 1990-х гг. отмечается: *«Суды, ученые и недавняя история продемонстрировали, что продвижение образования посредством судебных разбирательств стало фокусироваться на адекватности – аргументе, для которого нет другой зацепки, кроме положений об образовании в конституции каждого штата»*⁵⁰. В то же время, начиная с 1970-х гг., верховные суды штатов стали принимать решения, в которых положения об образовании в конституциях штатов признавались в качестве именно права на образование, даже если в самих конституциях не содержалось такого словосочетания; в некоторых же конституциях штатов прямо говорилось и говорится о праве на образование.

И все же отсутствие на федеральном уровне в США конституционного признания права на образование не позволяет выработать единых подходов к регулированию различных аспектов образования. По мнению Т. Бреннан-Гак, этому не могут поспособствовать как федеральные законы, которые стали приниматься в США со второй половины 1960-х гг., так и различные федеральные программы, нацеленные на оценку состояния сферы образования и на содействие его развитию⁵¹. Говоря ее образным языком, *«американское образование состоялось в виде лоскутного одеяла, сшитого из различных прав, возможностей доступа и стандартов качества, которые полностью зависят от того, где живут дети»*. Все это препятствует единообразному пользованию права на образование на всей территории США.

⁴⁸ 615 N.E.2d 554 (Mass. 1993).

⁴⁹ Rose v. Council for Better Education, 790 S.W.2d 186, 205 (Ky. 1989).

⁵⁰ Оригинальный текст: *“Courts, scholars, and recent history all illustrate that the advancement of education through litigation has come to focus on adequacy, an argument for which there is no other hook but the education clause of every state’s constitution”*. См.: Jensen false R.M., 1997: 42–43.

⁵¹ Brennan-Gac T. (2014) Educational Rights in the States. ABA, April 1. Available at: https://www.americanbar.org/groups/crsj/publications/human_rights_magazine_home/2014_vol_40/vol_40_no_2_civil_rights/educational_rights_states/ (accessed 25 March 2023). Оригинальные слова в скобках: *“American education has developed into a hodge-podge quilt of different rights, access, and quality standards that depend entirely upon where children live”*.

Право на образование в современном германском конституционализме

В отличие от США во многих других федеративных государствах в федеральных конституциях устанавливается и регулируется право на образование. При этом степень детализации конституционного регулирования реализации права на образование в разных федерациях неодинакова. Так, Основной Закон Федеративной Республики Германии в разделе I «Основные права» (*“Die Grundrechte”*) содержит статью 7⁵², которая посвящена регулированию некоторых вопросов образования. Примечательно, что в тексте данной статьи Основного Закона, состоящей из шести частей, отсутствует словосочетание «право на образование», поскольку, по-видимому, отнесение положений рассматриваемой статьи к конституционному обеспечению права на образование представляется само собой разумеющимся уже вследствие расположения статьи в разделе об основных правах. Правда, статья посвящена только школьному образованию, а не всем уровням образования. В одном из изданий Основного Закона с параллельными текстами на немецком и русском языках в статье даже имеется подзаголовок *«Школьное образование»*⁵³ (по-немецки *“Schulwesen”*⁵⁴), хотя обычно в официальных текстах подзаголовков у статей Основного Закона ФРГ нет.

Статья 7 Основного Закона ФРГ открывается частью 1: *«Все школьное дело находится под надзором государства»* (по-немецки *“Das gesamte Schulwesen steht unter der Aufsicht des Staates”*). Интересно отметить, что термин *«Schulwesen»* и в указанном выше томе I сборника «Конституции государств Европы», и в упомянутом издании Основного Закона ФРГ с параллельными текстами на немецком и русском языках (текст на русском языке редактировался Ш. Золотых) в части 1 статьи 7 переводится как «школьное дело», а в приведенном выше подзаголовке данной статьи как «школьное образование». Действительно, *“Schulwesen”* может переводиться и как «школьное дело» и как «школьное образование». Никаких комментариев, поясняющих именно такой перевод термина *“Schulwesen”*, не приводится, однако представляется, что и часть 1 статьи 7 может быть переведена и таким образом: *«Все школьное образование находится под надзором государства»*. В целом, в статье 7 речь идет, прежде всего, о школьном образовании. Но стоит принять во внимание то обстоятельство, что в частях 2 и 3 этой статьи решаются

⁵² Актуальный текст статьи 7 Основного закона ФРГ (Grundgesetz für die Bundesrepublik Deutschland) см. на официальном сайте Министерства юстиции данного государства: Art 7 GG – Einzelnorm (n.d.). Available at: https://www.gesetze-im-internet.de/gg/art_7.html (accessed 25 March 2023). Перевод на русский язык в силу неизменности текста данной в течение последней четверти века см.: Конституции государств Европы. (2001) Т. 1. Под ред. Л.А. Окунькова. М.: Издательство НОРМА, с. 581–582 (перевод Ю.П. Уряса и В.В. Невинского).

⁵³ Grundgesetz für die Bundesrepublik Deutschland [Основной Закон Федеративной Республики Германия]. (2001) Bonn: Bundeszentrale für politische Bildung, S. 30.

⁵⁴ Grundgesetz für die Bundesrepublik Deutschland [Основной Закон Федеративной Республики Германия]. (2001) Bonn: Bundeszentrale für politische Bildung, S. 31.

некоторые вопросы обучения религии в общеобразовательных школах, а части 4 и 5 посвящены различным аспектам образовательной деятельности в частных школах.

Принимая во внимание, что текст Основного Закона ФРГ на русском языке в двуязычном издании редактировал немецкий специалист, знающий русский язык, можно предположить применение в данном случае правовой герменевтики (отличающейся по своим приемам от толкования юридических актов) для того, чтобы показать особенность части 1 статьи 7, посвященной такому аспекту школьного образования, как школьное дело. При этом «школьное дело» и «школьное образование» отнюдь не одно и то же, и на русском языке понятия обозначаются по-разному, хотя по-немецки для их наименования используется одно слово – *“Schulwesen”*. Части 2, 3, 4 и 5 посвящены таким аспектам школьного образования, как обучение и преподавание. А школьному образованию в целом, по-видимому, не во всех аспектах, посвящена совокупность всех частей статьи 7, судя по упомянутому подзаголовку данной статьи, представленному в рассматриваемом двуязычном издании Основного Закона.

В части 4 статьи 7 фактически поднимается вопрос о законодательстве Федерации (Союза) в отношении частных школ, поскольку указывается, что частные школы могут заменять публичные только с разрешения государства и подчиняются законам земель (*“Private Schulen als Ersatz für öffentliche Schulen bedürfen der Genehmigung des Staates und unterstehen den Landesgesetzen”*⁵⁵), и, значит, федеральные органы могут издавать какие-либо нормы для конкретизации конституционного положения об указанном разрешении. Вместе с тем данное конституционное положение ставит частные школы в подчинение земельным законам. По существу, речь идет о так называемом конкурирующем законодательстве, которому посвящена статья 74 Основного Закона ФРГ. Но в упомянутой статье 74 в том, что касается вопросов образования, можно обнаружить только пункт 13 части 1, в котором говорится о регулировании предоставления стипендий⁵⁶ при получении образования (по-немецки *“die Regelung der Ausbildungsbeihilfen”*⁵⁷), а о регулировании разрешения замены частными школами публичных ничего не сказано.

⁵⁵ Art 7 GG – Einzelnorm (n.d.). Available at: https://www.gesetze-im-internet.de/gg/art_7.html (accessed 25 March 2023).

⁵⁶ В двуязычном издании слово *“Ausbildungsbeihilfe”* переведено как «предоставление пособий при получении образования» (см.: *Grundgesetz für die Bundesrepublik Deutschland* [Основной Закон Федеративной Республики Германия]. (2001) Bonn: Bundeszentrale für politische Bildung, S. 96), а в томе I сборника Конституций – как «помощь учащимся» (см. *Конституции государств Европы*. (2001) Т. 1. Под ред. Л.А. Окунькова. М.: Издательство НОРМА, с. 602 (перевод Ю.П. Уряса и В.В. Невинского)). И все же, как представляется, наиболее адекватным переводом является «стипендия», принимая во внимание то, что стипендией могут называться как регулярные выплаты студентам в период обучения (при выполнении определенных условий), покрывающие расходы на проживание, так и нерегулярные, которые могут быть направлены в том числе на оплату обучения или покрытие иных расходов в ходе получения образования.

⁵⁷ Art 74 GG – Einzelnorm (n.d.). Available at: https://www.gesetze-im-internet.de/gg/art_74.html (accessed 26 March 2023).

Если о школьном образовании (по крайней мере, об отдельных его аспектах) в Основном Законе ФРГ говорится не так уж мало, то высшее образование освещается скупо. Если не считать положения о регулировании стипендий (да и то без подробностей), которые, впрочем, могут выплачиваться не только студентам высших учебных заведений, но и учащимся заведений других уровней образования, а также аспирантам, непосредственно о высшем образовании сказано только в пункте 6 части 3 ныне действующей редакции статьи 72. В нем предусмотрено, что если Федерация (Союз) воспользуется своей законодательной инициативой по принятию актов в установленных сферах, то земли вправе принять свои законы со своей спецификой в тех же областях, в частности, по вопросам поступления в высшие учебные заведения и по получении законченного образования в таких высших учебных заведениях (по-немецки *“die Hochschulzulassung und die Hochschulabschlüsse”*⁵⁸). Ранее упоминание о возможности принятия на федеральном уровне основополагающих предписаний об общих принципах высшего образования содержались в статье 75, но уже в XXI в. эта статья была отменена, зато указанное положение появилось в измененной статье 72 Основного Закона.

Основной Закон ФРГ предусматривает сотрудничество Союза (Федерации – по-немецки *Bund*) и земель в сфере образования. На протяжении более 35 лет после внесения дополнений в Основной закон в 1969 г. статья 91a (пункт 1) предусматривала сотрудничество Федерации и земель при строительстве и расширении высших учебных заведений, включая клиники при них. Х. Лауфер отмечает, что *«таким образом, была создана конституционная основа, которая позволяет гибко удовлетворять различные потребности в области образования и содействовать совместному развитию учреждений и проектов в области научных исследований»* (в оригинале: *“Damit ist eine verfassungsrechtliche Basis geschaffen worden, mit deren Hilfe die verschiedenartigen Bedürfnisse im Bildungsbereich flexibel gestaltet werden können und eine gemeinsame Förderung von Einrichtungen und Vorhaben der wissenschaftlichen Forschung ermöglicht wird”*) (Laufer, 1992: 193). К настоящему времени положение о сотрудничестве при строительстве высших учебных заведений переместилось из статьи 91a в статью 91b, которая и ранее говорила о возможности сотрудничества Федерации и земель в сфере образования и научных исследований, но, как справедливо подметил Х. Лауфер, *«в отличие от статьи 91a Основного Закона, положение статьи 91b не содержит конституционного требования о взаимодействии»* (в оригинале: *“Im Gegensatz zu Art. 91a GG enthält die Bestimmung des Art. 91b kein verfassungsrechtliches Gebot des Zusammenwirkens”*) (Laufer, 1992: 193). Иными словами, в отличие от существовавшей ранее обязанности Федерации участвовать в строительстве и реконструкции зданий высших учебных заведений, в настоящее время

⁵⁸ Art 72 GG – Einzelnorm (n.d.). Available at: https://www.gesetze-im-internet.de/gg/art_72.html (accessed 26 March 2023).

все зависит от договоренностей Федерации и земель, а конкретные условия их участия устанавливаются договорами. В настоящее время статья 91b Основного Закона ФРГ включает три пункта, первый и второй из которых сформулированы следующим образом: *«(1) Федерация и земли могут сотрудничать в области развития науки, исследований и преподавания на основе соглашений в случаях, имеющих межрегиональное значение. Соглашения, касающиеся высшего образования, требуют одобрения всех земель. Это не распространяется на соглашения, касающиеся сооружений исследовательских учреждений, включая крупномасштабное оборудование. (2) Федерация и земли могут сотрудничать на основе соглашений, направленных на определение эффективности системы образования в рамках международных сопоставительных исследований, а также на подготовку соответствующих отчетов и рекомендаций»*⁵⁹. А третий пункт говорит о том, что порядок распределения расходов регулируется соглашением.

Федеральный Конституционный Суд ФРГ неоднократно указывал на *«запрет Основным Законом так называемого смешанного управления»* (*“grundgesetzlichen Verbot der sog. Mischverwaltung”*), не рассматривая в качестве такового сотрудничество органов разного уровня публичной власти, осуществляемое путем совместного планирования, координации, финансирования, при котором органы каждого уровня публичной власти самостоятельно, но при этом согласованно действуют в рамках своей компетенции без прямой административной подчиненности земельных и муниципальных органов федеральным органам (см., например: BVerfGE 11, 105, 124; BVerfGE 39, 96, 120). В частности, в Постановлении Второго Сената Федерального Конституционного Суда ФРГ по делу № 2 BvF 1/09 от 7 сентября 2010 г. указывается, что *«не противоречит запрету на так называемое смешанное управление»* (*“nicht das Verbot einer sogenannten Mischverwaltung entgegen”*) норма закона или иного акта, согласно которой *«федеральная администрация... может обращаться к органам власти земли только с запросом информации для своих собственных целей, а также получать от них данные»* (*“kann die Bundesverwaltung... nur an Landesbehörden herantreten und für eigene Zwecke Informationen verlangen sowie bei ihnen Daten ermitteln”*), поскольку *«не допускает влияния федеральной администрации – даже если оно осуществляется только посредством определенных форм сотрудничества... – на решения, принимаемые земельными органами власти»* (*“räumt der Bundesverwaltung keinen*

⁵⁹ Текст данных положений Основного Закона на немецком языке: *“(1) Bund und Länder können auf Grund von Vereinbarungen in Fällen überregionaler Bedeutung bei der Förderung von Wissenschaft, Forschung und Lehre zusammenwirken. Vereinbarungen, die im Schwerpunkt Hochschulen betreffen, bedürfen der Zustimmung aller Länder. Dies gilt nicht für Vereinbarungen über Forschungsbauten einschließlich Großgeräten. (2) Bund und Länder können auf Grund von Vereinbarungen zur Feststellung der Leistungsfähigkeit des Bildungswesens im internationalen Vergleich und bei diesbezüglichen Berichten und Empfehlungen zusammenwirken”*. См.: Art 91b GG – Einzelnorm (n.d.). Available at: https://www.gesetze-im-internet.de/gg/art_91b.html (accessed 26 March 2023).

Einfluss – sei es auch nur mittels bestimmter Formen des Zusammenwirkens... – auf Entscheidungen der Landesbehörden ein⁶⁰), и «отнесение к понятию смешанного управления само по себе не имеет конституционных последствий, скорее, следует подробно рассмотреть положения о компетенции» (“hat allein die Zuordnung zum Begriff der Mischverwaltung keine verfassungsrechtlichen Konsequenzen, vielmehr bedarf es der Betrachtung der Kompetenzvorschriften im Einzelnen”)⁶⁰. Как объясняет Х. Маурер, «федеральная администрация и администрации отдельных федеральных земель принципиально отделены друг от друга организационно и функционально. Каждая из них представляет собой автономную управляющую организацию со своим собственным комплексом ответственности. Таким образом, земельная администрация не подчиняется – ни полностью, ни частично – федеральной администрации, а представляет собой отдельную административную единицу наряду с федеральной администрацией»⁶¹. Поэтому необходимо остановиться на обеспечении права на образование земельными конституциями в ФРГ.

В силу того, что регулирование образования в ФРГ относится не только к ведению Федерации, но и к ведению земель, в земельных конституциях имеются положения, посвященные образованию. Примером такого регулирования, доступном на русском языке, служит соответствующий раздел в переводе Конституции Гессена 1946 года⁶². Хотя перевод Конституции Гессена издан довольно давно, он не утратил своей актуальности, так как в рассматриваемый раздел поправок с тех пор было внесено немного. В частности, с 2002 г. раздел V части первой «Права человека» именуется «Воспитание, образование, охрана памятников и спорт» (по-немецки *“Erziehung, Bildung, Denkmalschutz und Sport”*)⁶³, и в том же году в данный раздел была внесена статья 62а, согласно которой *«спорт пользуется защитой и заботой государства, общин и объединений общин»*.

Образованию посвящены восемь статей Конституции Гессена. Статьей 56 вводится всеобщее школьное образование, причем подчеркивается, что школьное образование находится в ведении государства (*“Das Schulwesen ist Sache des Staates”*). Статья 61 Конституции Гессена допускает существование частных учебных заведений, но только с разрешения государства; они должны отвечать установленным требованиям, предъявляемым к учебным

⁶⁰ *Bundesverfassungsgericht*. (n.d.) Beschluss des Zweiten Senats vom 7. September 2010, Num. 2 BvF 1/09, Absatz 81 (BVerfGE 127, 165 – 224). Available at: https://www.bundesverfassungsgericht.de/SharedDocs/Entscheidungen/DE/2010/09/fs20100907_2bvf000109.html (accessed 26 March 2023).

⁶¹ В оригинале: *“Die Verwaltung des Bundes und die Verwaltungen der einzelnen Bundesländer sind organisatorisch und funktionell grundsätzlich voneinander getrennt. Sie bilden jeweils in sich geschlossene Verwaltungsorganisationen mit je eigenem Zuständigkeitskomplex. Die Landesverwaltung ist also nicht etwa – weder insgesamt noch teilweise – der Bundesverwaltung untergeordnet, sondern stellt einen eigenständigen Verwaltungsbereich neben der Bundesverwaltung dar”*. См.: Maurer, 2000: 550.

⁶² *Федеративная Республика Германия. Конституция и законодательные акты*. (1991) Под ред. Ю.П. Уряса, составит. Т.Г. Морщакова. М.: Прогресс, с. 102–104 (перевод Ю.П. Уряса).

⁶³ Текст Конституции Гессена в действующей редакции: *Verfassung des Landes Hessen (1946)* (n.d.). Available at: <https://www.verfassungen.de/he/verf46-i.htm> (accessed 26 March 2023).

заведениям соответствующего уровня. Довольно много внимания уделяется обучению и преподаванию религии. При этом указывается, что воспитание должно быть нацелено на привитие терпимости и уважения к различным религиозным и мировоззренческим убеждениям; обеспечивается учеба в одной школе детей – представителей разных верований. Образование увязывается с охраной памятников искусства, истории и культуры, а также природных ландшафтов.

Конституция Гессена была введена в действие в 1946 г., т.е. еще до принятия федерального Основного Закона. Сравним ее с Конституцией Бранденбурга, которая была одобрена в 1992 г. Непосредственное регулирование образования в Конституции Бранденбурга сосредоточено в основном в восьми статьях, объединенных в раздел 6 «Образование, наука, культура и спорт» части II («Основные права и цели государства»)⁶⁴. Другими словами, объем нормативного материала, посвященного образованию, в Конституциях Гессена и Бранденбурга практически одинаков. При этом в обеих Конституциях обучение сочетается с воспитанием; право на образование и его реализация увязывается с развитием науки, искусства, культуры, спорта; на государство возлагается обязанность развивать систему образования в лице публичных учебных заведений, осуществлять надзор за качеством образования в частных учебных заведениях, уделять внимание поддержке и развитию государственных университетов при уважении права на университетское самоуправление; религиозные организации вправе иметь свои университеты и иные учебные заведения (статья 60 Конституции Гессена и статья 32 Конституции Бранденбурга).

Вместе с тем имеются и некоторые различия между положениями двух рассматриваемых Конституций. Например, в Конституции Гессена в статье 59 прямо указывается, что для обучающегося получение образования во всех государственных (*öffentlichen*) учебных заведениях всех ступеней бесплатное (*unentgeltlich*), в то время как в Конституции Бранденбурга нигде четко об этом не сказано, хотя в общих чертах говорится о доступности образования. Кроме того, в Конституции Бранденбурга имеется статья 33, посвященная непрерывному образованию (*Weiterbildung*), которое нацелено на создание возможности получения человеком образования на протяжении всей жизни и, как следствие, повышение ее качества; в Конституции же Гессена об этом нет ни слова.

Несмотря на то, что все положения об образовании в Конституции Гессена находятся в той ее части, которая регулирует права человека, и, следовательно, все такие положения обеспечивают осуществление права на образование, само по себе словосочетание «право на образование» (по-немецки "*Recht auf Bildung*") в Конституции Гессена отсутствует. В Конституции

⁶⁴ Текст Конституции Бранденбурга в действующей редакции: *Verfassung des Landes Brandenburg*. (2022) 5 Auflage. Potsdam: Verlag für Berlin-Brandenburg GmbH.

Бранденбурга (статья 29), напротив, содержится прямое указание на «право на образование». Возможно, некоторые особенности формулировок Конституции Бранденбурга связаны с тем или иным влиянием юридического языка Конституции Германской Демократической Республики (ГДР), на части территории которой была создана (или воссоздана) земля Бранденбург. Так, часть 1 статьи 25 Конституции ГДР 1968 г. в редакции 1974 г. открывается словами: «Каждый гражданин Германской Демократической Республики имеет равное право на образование. Учебные заведения открыты для всех»⁶⁵ (по-немецки *“Jeder Bürger der Deutschen Demokratischen Republik hat das gleiche Recht auf Bildung. Die Bildungsstätten stehen jedermann offen”*⁶⁶). Для сравнения, часть 1 статьи 29 Конституции Бранденбурга гласит: «Каждый имеет право на образование» (на немецком языке *“Jeder hat das Recht auf Bildung”*); а часть 3 той же статьи начинается с фразы: «Каждый имеет право на равный доступ к государственным образовательным учреждениям» (по-немецки *“Jeder hat das Recht auf gleichen Zugang zu den öffentlichen Bildungseinrichtungen”*)⁶⁷. Еще один пример связан с правом сорбов на сохранение своей культуры и своего языка, что предполагает получение соответствующего образования. В статье 40 Конституции ГДР говорится, что «граждане Германской Демократической Республики сорбской национальности имеют право на охрану и развитие своего родного языка и своей культуры. Осуществление этого права поощряется государством»⁶⁸ (по-немецки *“Bürger der Deutschen Demokratischen Republik sorbischer Nationalität haben das Recht zur Pflege ihrer Muttersprache und Kultur. Die Ausübung dieses Rechts wird vom Staat gefördert”*⁶⁹). Часть 3 статьи 25 (посвященной правам сорбов [вендов]) Конституции Бранденбурга устанавливает: «Сорбы имеют право на сохранение и продвижение сорбского языка и культуры в общественной жизни и на их преподавание в школах и детских садах» (на немецком языке *“Die Sorben haben das Recht auf Bewahrung und Förderung der sorbischen Sprache und Kultur im öffentlichen Leben und ihre Vermittlung in Schulen und Kindertagesstätten”*)⁷⁰. Следование языковым традициям в юридических текстах закономерно, причем речь идет не о простом переписывании слов и фраз, а об использовании устоявшихся и наполненных понятным для юристов содержанием терминов и оборотов для текстуального отображения развития правового регулирования в новых условиях тех или иных отношений (в данном случае в сфере образования).

⁶⁵ Германская Демократическая Республика. Конституция и законодательные акты. (1979) Под ред. И.П. Ильинского, составит. Б.А. Страшун. М.: «Прогресс», с. 34 (перевод И.П. Ильинского).

⁶⁶ Текст Конституции ГДР 1968 года в редакции 1974 года см.: *Verfassung der Deutschen Demokratischen Republik (1974)* (n.d.). Available at: <https://www.verfassungen.de/ddr/verf74-i.htm> (accessed 26 March 2023).

⁶⁷ *Verfassung des Landes Brandenburg*. (2022) 5 Auflage. Potsdam: Verlag für Berlin-Brandenburg GmbH, S. 54.

⁶⁸ Германская Демократическая Республика. Конституция и законодательные акты. (1979) Под ред. И.П. Ильинского, составит. Б.А. Страшун. М.: «Прогресс», с. 38 (перевод И.П. Ильинского).

⁶⁹ *Verfassung der Deutschen Demokratischen Republik (1974)* (n.d.). Available at: <https://www.verfassungen.de/ddr/verf74-i.htm> (accessed 26 March 2023).

⁷⁰ *Verfassung des Landes Brandenburg*. (2022) 5 Auflage. Potsdam: Verlag für Berlin-Brandenburg GmbH, S. 48.

Право на образование в контексте российского конституционализма

В действующей Конституции Российской Федерации праву на образование посвящена статья 43⁷¹. Исследуя ее, С.А. Авакьян пишет: «Право на образование заключается в возможности обучения в какой-либо образовательной организации, которая дает человеку общие знания, являющиеся основой его кругозора, а также специальные знания, в том числе необходимые для трудовой деятельности» (Авакьян, 2014: 777.) Иными словами, в Конституции заложена потенциальная допустимость получения знаний в любом учебном заведении.

Статья 43 открывается коротким, но емким положением: «1. Каждый имеет право на образование». Этим утверждается максимально широкий охват лиц, которые в России имеют доступ к образованию. Федеральный закон в развитии этого конституционного положения предусматривает особенности реализации указанного права для различных возрастных групп; для групп, имеющих те или иные способности и уровни подготовки; для групп, отличающихся по состоянию здоровья, и т.д. Федеральным законом для каких-либо групп могут быть введены отражающие их особенности специфические условия, которые должны быть направлены на уравнивание шансов на получение образования. Вместе с тем федеральный закон не может и не должен ограничивать доступ к образованию, если только это не обусловлено какими-нибудь обстоятельствами, являющимися необходимыми для получения образования того или иного уровня, например, личными способностями или требуемой для какого-либо уровня образования степени подготовки. Поэтому в части 3 статьи 43 Конституции РФ предусмотрена конкурсность для бесплатного получения высшего образования: «Каждый вправе на конкурсной основе бесплатно получить высшее образование в государственном или муниципальном образовательном учреждении и на предприятии»⁷². Тем не менее, исходя из части 1 статьи 43, шансы разных людей на получение образования должны быть по возможности уравнены. Именно поэтому в современном российском законодательстве уделяется внимание инклюзивному образованию.

Многоязычный состав российского народа обуславливает определенное языковое многообразие при предоставлении образования. И хотя непосредственно об этом не сказано в статье 43 Конституции России, об этом упоминается в части 2 статьи 26 Конституции («Каждый имеет право на пользование родным языком, на свободный выбор языка общения, воспитания, обучения и творчества»⁷³). Кроме того, на этот счет высказывался Конституционный Суд РФ. В России проживает много народов, ввиду чего Конституция устанавливает возможность введения в республиках – субъектах

⁷¹ Конституция Российской Федерации. (2022) М.: Юридическая литература, с. 51–52.

⁷² Конституция Российской Федерации. (2022) М.: Юридическая литература, с. 51.

⁷³ Конституция Российской Федерации. (2022) М.: Юридическая литература, с. 40–41.

Федерации, наряду с русским языком, который является государственным на всей территории РФ, других языков, на которых говорят народы России (часть 2 статьи 68 Конституции РФ⁷⁴). В этой связи Конституционный Суд РФ признал конституционным обучение в государственном образовательном учреждении в равном объеме на двух государственных (включая республиканский) языках при обязательном соблюдении остальных условий реализации права на образование. В частности, в своем Постановлении от 16 ноября 2004 г. № 16-П Конституционный Суд РФ указал, что введение республиками в составе РФ обучения в равном объеме на двух государственных языках (обязательно включая русский язык) «согласуется с таким принципом государственной политики в области образования, как защита и развитие системой образования национальных культур, региональных культурных традиций и особенностей в условиях многонационального государства, и отвечает предъявляемому к содержанию образования требованию – содействовать взаимопониманию и сотрудничеству между людьми, народами независимо от национальной, этнической принадлежности»⁷⁵. Как справедливо отмечает С.А. Авакьян, для такого многонационального государства, каким является Российская Федерация, весьма значимы «право на свободное пользование родным языком, на получение образования на родном языке» (Авакьян, 2000: 10), «право говорить и учиться на своем языке» (Авакьян, 2000: 11). Итак, Конституционный Суд России, системно истолковав положения Конституции РФ, устранил существовавшую правовую неопределенность в данном вопросе.

К упомянутой выше бесплатности высшего образования, сопряженной, тем не менее, с конкурсностью, добавляется часть 2 статьи 43 Конституции России, согласно которой «гарантируются общедоступность и бесплатность дошкольного, основного общего и среднего профессионального образования в государственных или муниципальных образовательных учреждениях и на предприятиях»⁷⁶. При этом «Основное общее образование обязательно. Родители или лица, их заменяющие, обеспечивают получение детьми основного общего образования»⁷⁷ (часть 4 статьи 43 российской Конституции). Вместе с тем, согласно пункту «е» части 1 статьи 72 Конституции РФ, «общие вопросы воспитания, образования»⁷⁸ находятся в совместном ведении Российской Федерации и ее субъектов. В силу этого конституции / уставы субъектов РФ также содержат положения об образовании, причем некоторые из них предусматривают обязательность получения и бесплатность более высокого уровня образования – не только основного общего, но и среднего общего (полного) образования. Так, в соответствии с частью 2 статьи 44 Конституции (Основного Закона) Республики Алтай, «гарантируется

⁷⁴ Конституция Российской Федерации. (2022) М.: Юридическая литература, с. 69.

⁷⁵ Собрание Законодательства Российской Федерации. (2004). № 47, ст. 46–91.

⁷⁶ Конституция Российской Федерации. (2022) М.: Юридическая литература, с. 51.

⁷⁷ Конституция Российской Федерации. (2022) М.: Юридическая литература, с. 51.

⁷⁸ Конституция Российской Федерации. (2022) М.: Юридическая литература, с. 75.

общедоступность и бесплатность начального общего, основного общего, среднего (полного) общего образования», а часть 1 статьи 59 той же Конституции (Основного Закона) указывает: «Родители или лица, их заменяющие, должны обеспечить получение детьми среднего (полного) общего образования»⁷⁹. Рассматривая указанные положения Конституции (Основного Закона) Республики Алтай на предмет соответствия Конституции России, Конституционный Суд России в Постановлении № 10-П от 7 июня 2000 г. установил: «Тем самым Республика Алтай принимает на себя обязательства по финансовому, материально-техническому и иному обеспечению права на образование в указанном объеме и возлагает на родителей несовершеннолетних содействие в его реализации и защите. Такое регулирование не нарушает установленное Конституцией Российской Федерации разграничение предметов ведения и полномочий, поскольку защита прав и свобод граждан, а также общие вопросы образования находятся в совместном ведении Российской Федерации и ее субъектов»⁸⁰. И затем Конституционный Суд РФ пришел к выводу: «Следовательно, положение части первой статьи 59 Конституции Республики Алтай, устанавливающее, что родители или заменяющие их лица должны обеспечить получение детьми среднего (полного) общего образования, не противоречит Конституции Российской Федерации, поскольку предполагает лишь активное содействие со стороны названных лиц в реализации права несовершеннолетних, которые хотят продолжить обучение, на получение такого образования, когда государством создаются для этого необходимые условия, т.е. если возлагаемой на родителей или заменяющих их лиц ответственности за реализацию права детей на получение среднего (полного) общего образования корреспондируют принятые на себя Республикой Алтай обязанности по обеспечению таких условий»⁸¹. Таким образом, конституции / уставы субъектов Российской Федерации могут расширять право на образование по сравнению с федеральной Конституцией, устанавливая дополнительные гарантии.

Как было показано, конституции и уставы субъектов Российской Федерации содержат положения о праве на образование, однако они практически не исследуются, хотя и упоминаются как наличествующие⁸². При изучении

⁷⁹ Конституция Республики Алтай (Основной Закон) (n.d.). Available at: http://ips.pravo.gov.ru/?doc_itself=&infostr=x07q8+zl7flg7vLu4fDg5uDi8vH/IO3lI0lg7+7x6+Xk7eXpIPDI5ODq9Ujo&backlink=1&nd=164011100&page=1&rdk=0#10 (accessed 26 March 2023).

⁸⁰ *КонсультантПлюс* (n.d.). Конституционный Суд Российской Федерации. Постановление от 7 июня 2000 г. N 10-П по делу о проверке конституционности отдельных положений Конституции Республики Алтай и Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_27571/92d969e26a4326c5d02fa79b8f9cf4994ee5633b/ (accessed 26 March 2023).

⁸¹ *КонсультантПлюс* (n.d.). Конституционный Суд Российской Федерации. Постановление от 7 июня 2000 г. N 10-П по делу о проверке конституционности отдельных положений Конституции Республики Алтай и Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_27571/92d969e26a4326c5d02fa79b8f9cf4994ee5633b/ (accessed 26 March 2023).

⁸² См., например: Михалева, 2010: 253–254.

реализации права на образование в субъектах РФ, как правило, обращается внимание только на региональное законодательство, а не на нормы конституций и уставов субъектов РФ⁸³, что представляется недостаточным, поскольку речь идет именно о конституционном праве на образование. Вместе с тем конституционные и уставные суды субъектов РФ до 2020 г. (фактически, до 2021–2022 гг.) участвовали в обеспечении реализации права на образование на региональном уровне. Так, в 2010 г. Уставный Суд Калининградской области рассмотрел жалобу на отмену областным Правительством коэффициента оплаты труда учителей, обучавших детей-инвалидов, что привело к сокращению финансирования, повлекшему снижение учебной нагрузки, и как результат – к срыву учебного плана, вследствие чего было нарушено право детей-инвалидов на образование. В своем Постановлении от 29 июня 2010 г. № 6-П Уставный Суд Калининградской области указал, что областные органы государственной власти, действуя в рамках своих полномочий в сфере регулирования вопросов образования, обязаны обеспечить осуществление права на образование в качестве одного из основных конституционных прав независимо от места проживания и состояния здоровья лиц, в силу чего оспоренные нормы были признаны не соответствующими Уставу Калининградской области, а областному Правительству было предписано принять меры по восстановлению и созданию условий для соблюдения в дальнейшем права на образование детей-инвалидов (Куликов, 2013: 114–115). И это не единственный пример решения конституционного / уставного суда субъекта РФ, нацеленного на обеспечение права на образование.

Есть примеры решений конституционных / уставных судов субъектов РФ, связанных в основном с решением других вопросов, но попутно способствующих защите права на образование. Так, Конституционный Суд Республики Карелия 10 ноября 2008 г. принял Постановление⁸⁴, в котором признал не соответствующим Конституции Республики Карелия законодательных республиканских новелл, отменивших бесплатность жилья с отоплением и освещением для вышедших на пенсию учителей, проработавших в образовательных учреждениях в сельской местности не менее 10 лет, если в момент выхода на пенсию они не работали в образовательной организации. Как отмечено в рассматриваемом Постановлении, «регулируя указанные правоотношения, республиканский законодатель, как и федеральный, преследовал цель закрепления педагогических кадров на селе и компенсации для педагогов-специалистов этой мерой социальной поддержки бытовую и социальную

⁸³ См., в частности: Стульникова, 2008: 19–22; Богданов, 2008: 18–26.

⁸⁴ *Кодекс ИТ*. (n.d.) Постановление Конституционного Суда Республики Карелия от 10 ноября 2008 года «По делу о проверке соответствия Конституции Республики Карелия некоторых положений абзаца 2 части 3 статьи 6 Закона Республики Карелия «Об образовании» в редакции Закона Республики Карелия от 15 мая 2007 года № 1080-ЗРК «О внесении изменений в статью 2 Закона Республики Карелия «О социальной поддержке отдельных категорий граждан и признании утратившими силу некоторых законодательных актов Республики Карелия» и статью 6 Закона Республики Карелия «Об образовании» в связи с обращением гражданки Фроловой Светланы Васильевны». Available at: <http://kodeks.karelia.ru/api/show/919328135> (accessed 26 March 2023).

неустроенность жизни на селе, недостаточную развитость социальной инфраструктуры, а при переходе на пенсию – повышения уровня их материальной защищенности. ...При этом законодательное регулирование должно осуществляться таким образом, чтобы участники соответствующих правоотношений могли в разумных пределах предвидеть последствия своего поведения и быть уверенными в неизменности своего официально признанного статуса, приобретенных прав, действенности их государственной защиты и в том, что приобретенное ими на основе действующего законодательства право будет уважаться властями и будет реализовано»⁸⁵. Таким образом, хотя основным предметом разрешения вопроса о конституционности регионального законодательства являлись льготы определенной группе пенсионеров, параллельно закреплялось стремление повысить привлекательность педагогической работы в образовательных учреждениях, находящихся в сельской местности, что призвано способствовать решению кадровых проблем в таких учреждениях и тем самым создавать условия для получения качественного образования вне крупных городов, т.е. обеспечивать право на образование.

Как пишет В.Н. Демидов, «субъекты Российской Федерации вправе повысить уровень гарантированности отдельных прав и свобод, и, как правило, это находит отражение в их конституциях или уставах и, соответственно, подпадает под защиту регионального конституционного (уставного) правосудия» (Демидов, 2015: 170) Вместе с тем в России конституционными средствами обеспечиваются единство образовательного пространства, общие для всей страны подходы к определению качества образования, одинаковое понимание уровней образования, целей, которых надлежит достичь на каждой ступени образования и т.д.

Статья 43 Конституции России завершается частью 5: «Российская Федерация устанавливает федеральные государственные образовательные стандарты, поддерживает различные формы образования и самообразования»⁸⁶. На самообразование как на одну из составляющих реализации права на образование обращает внимание С.А. Авакьян: «И конечно же право на образование включает и самостоятельное удовлетворение образовательных интересов личности – с тем условием, что человек может для этих целей пользоваться возможностями соответствующих учреждений» (Авакьян, 2014: 777–778). Завершающая статью 43 Конституции РФ фраза свидетельствует о том, что государство поощряет (или, по крайней мере, должно поощрять)

⁸⁵ *Кодекс ИТ.* (n.d.) Постановление Конституционного Суда Республики Карелия от 10 ноября 2008 года «По делу о проверке соответствия Конституции Республики Карелия некоторых положений абзаца 2 части 3 статьи 6 Закона Республики Карелия “Об образовании” в редакции Закона Республики Карелия от 15 мая 2007 года № 1080-ЗРК “О внесении изменений в статью 2 Закона Республики Карелия “О социальной поддержке отдельных категорий граждан и признании утратившими силу некоторых законодательных актов Республики Карелия” и статью 6 Закона Республики Карелия “Об образовании” в связи с обращением гражданки Фроловой Светланы Васильевны». Available at: <http://kodeks.karelia.ru/api/show/919328135> (accessed 26 March 2023).

⁸⁶ *Конституция Российской Федерации.* (2022) М.: Юридическая литература, с. 51–52.

издание именуемых самоучителями учебников и учебных пособий для самостоятельного освоения тех или иных предметов, доступных для отдельных лиц приборов и оборудования, а в современных условиях также программного обеспечения и онлайн-курсов, без чего невозможно самообразование.

Соответствие государственным образовательным стандартам подтверждает качество образования, предоставляемого организацией независимо от права собственности на такую организацию. Как указывается в Постановлении Конституционного Суда РФ № 13-П от 21 октября 1999 г., «реализуя предписания статьи 43 (часть 5) Конституции Российской Федерации, государство устанавливает федеральные образовательные стандарты, которые являются основой объективной оценки уровня образования и квалификации выпускников независимо от формы получения образования»⁸⁷. Далее Конституционный Суд России продолжает: «В целях осуществления государственного контроля за качеством высшего профессионального образования Федеральный закон... определяет порядок лицензирования, аттестации и аккредитации высших учебных заведений, т.е. единую систему оценки условий, содержания и результатов их деятельности, в равной мере обязательную как для государственных, муниципальных, так и для негосударственных образовательных учреждений»⁸⁸. Из этого делается вывод: «Свидетельство о государственной аккредитации, полученное негосударственным высшим учебным заведением по результатам аттестации, является подтверждением того, что содержание, уровень и качество подготовки его выпускников соответствуют требованиям государственных образовательных стандартов»⁸⁹. Таким путем достигается равное отношение государства к государственным и негосударственным образовательным организациям, причем государство, проводя необходимый мониторинг, свидетельствует о качестве образования и степени образованности, которой лицо может достичь при соответствующих усилиях. В то же время государство не препятствует деятельности организаций, уровень качества образования которых не соответствует заявленным государством критериям, однако не приравнивает их к тем, которые действуют согласно требованиям образовательных стандартов, и оставляет на усмотрение лиц выбор в пользу получения предлагаемого образования. И все же, наряду с качеством образования, определяемым в соответствии с установленными образовательными стандартами, имеются и другие конституционные ограничения, налагаемые на образовательную деятельность. Так, часть 1 статьи 13 Конституции РФ провозглашает идеологическое многообразие, но, как справедливо замечено, «идеологическое многообразие в виде возможности думать о чем угодно автоматически не создает права свободной агитации и пропаганды любой идеи. Такого рода действия надо совмещать с нормативными правилами, включенными как в нашу Конститу-

⁸⁷ *Собрание законодательства Российской Федерации*. (1999). № 44, ст. 53–83.

⁸⁸ *Собрание законодательства Российской Федерации*. (1999). № 44, ст. 53–83.

⁸⁹ *Собрание законодательства Российской Федерации*. (1999). № 44, ст. 53–83.

цию, так и в другие акты» (Авакьян, 1996: 12). И это еще одна грань комплексного конституционного регулирования единого образовательного пространства в современной России.

В деле конституционного обеспечения единства общегосударственного подхода (при сохранении региональных особенностей) к образованию современная Россия в определенном плане явилась продолжателем Советского Союза: в Конституции (Основной Закон) СССР 1977 г. имелась статья 25 (в главе 3 «Социальное развитие и культура»), согласно которой «...существует и совершенствуется единая система народного образования, которая обеспечивает общеобразовательную и профессиональную подготовку граждан...»⁹⁰. Такую же формулировку содержала и статья 25 Конституции РСФСР 1978 года⁹¹, но в 1992 году⁹² она была исключена из Основного Закона.

Наряду со статьей 25, в Конституции СССР имелась статья 45 (глава 7 «Основные права, свободы и обязанности граждан СССР»)⁹³, которая предусматривала и бесплатность образования, и связь его с жизнью и производством, и создание условий для самообразования, и возможность обучения в школе на родном языке и др.⁹⁴ Идентичная формулировка (только речь идет о гражданах РСФСР) присутствовала в статье 43⁹⁵ Конституции РСФСР 1978 г. Как отмечает В.И. Крусс, «юридический язык должен вырабатываться на основе конституции таким образом, что он "вычитывается" из ее текста. Это является необходимым условием его понимания, а значит – необходимой предпосылкой любой юридически оформленной коммуникации как конституционного сообщения» (Крусс, 2007: 204). Именно поэтому столь важны конституционные формулировки, и приведенный в сноске текст показывает, какими средствами обеспечивалось право на образование. При этом, наряду с непосредственно посвященными праву на образование и его реализации статьями 25 и 45 Конституции СССР, в той или иной степени образование упоминалось в статьях 26 (подготовка научных кадров), 40 (право на труд, обеспеченное

⁹⁰ Конституция Союза Советских Социалистических Республик. М.: Юридическая литература, с. 18.

⁹¹ Электронный музей конституционной истории России. (n.d.) Конституция РСФСР от 12 апреля 1978 года (первоначальная редакция). Available at: <http://rusconstitution.ru/library/constitution/articles/1282/> (accessed 26 March 2023).

⁹² Электронный музей конституционной истории России. (n.d.) Конституция РСФСР в редакции 21 апреля 1992 года. Available at: <http://rusconstitution.ru/library/constitution/articles/1290/> (accessed 26 March 2023).

⁹³ Конституция Союза Советских Социалистических Республик. М.: Юридическая литература, с. 34.

⁹⁴ Оригинальный текст: «Статья 45. Граждане СССР имеют право на образование. Это право обеспечивается бесплатностью всех видов образования, осуществлением всеобщего обязательного среднего образования молодежи, широким развитием профессионально-технического, среднего специального и высшего образования на основе связи обучения с жизнью, с производством; развитием заочного и вечернего образования; предоставлением государственных стипендий и льгот учащимся и студентам; бесплатной выдачей школьных учебников; возможностью обучения в школе на родном языке; созданием условий для самообразования».

См.: Конституция Союза Советских Социалистических Республик. М.: Юридическая литература, с. 34.

⁹⁵ Электронный музей конституционной истории России. (n.d.) Конституция РСФСР от 12 апреля 1978 года (первоначальная редакция). Available at: <http://rusconstitution.ru/library/constitution/articles/1282/> (accessed 26 March 2023).

в том числе бесплатным профессиональным обучением, повышением трудовой квалификации и обучением новым специальностям), 41 (право на отдых, обеспеченное в том числе расширением сети культурно-просветительных учреждений), 46 (право на пользование достижениями культуры, обеспеченное в том числе развитием и равномерным распределением культурно-просветительных учреждений на территории страны) и др. Так, отношение некоторых статей Конституции СССР к вопросам образования, по-видимому, подразумевалось. Например, в комментарии к статье 27, посвященной заботе об охране, преумножении и широком использовании духовных ценностей для нравственного и эстетического воспитания, говорится о кружках и народных университетах (Конституция СССР, 1982: 104). Данный комментарий, хотя и не являлся официальным, был издан с прозрачным намеком на официальность: авторы перечислены без регалий, но было известно, что на момент его выхода (1982 г.) Б.Н. Пономарев (под чьей общей редакцией он издавался) был кандидатом в члены Политбюро Центрального комитета (ЦК) Коммунистической партии Советского Союза (КПСС), секретарем ЦК КПСС, действительным членом Академии Наук (АН) СССР, А.Е. Бовин – членом Центральной ревизионной комиссии (ЦРК) КПСС, составителем текстов докладов и выступлений генерального секретаря ЦК КПСС, В.Н. Кудрявцев – директором Института государства и права АН СССР, членом-корреспондентом АН СССР, Б.М. Лазарев – внештатным консультантом Верховного Совета СССР, А.И. Лукьянов – начальником секретариата Президиума Верховного Совета СССР, членом ЦРК КПСС, И.С. Самощенко – Первым заместителем Министра юстиции СССР, В.К. Собакин – консультантом Международного отдела ЦК КПСС. Все они принимали активное участие в работе над окончательной редакцией текста Основного Закона СССР 1977 г. Следовательно, хотя рассматриваемый комментарий и не был провозглашен официальным, точку зрения, излагавшуюся в нем, можно считать весьма близкой к таковой.

Право на образование в России впервые было закреплено в статье 17 Конституции (Основного Закона) РСФСР 1918 года⁹⁶ (В Манифесте об усовершенствовании государственного порядка от 17 октября 1905 года⁹⁷, в котором провозглашались некоторые права, о праве на образование не упоминалось; более того, в нем не было даже намека на это право). В дальнейшем в отечественных конституциях право на образование совершенствовалось, достигнув наивысшей точки своего развития в Конституции СССР 1977 г., а в Конституции РСФСР 1978 г., как уже отмечалось, первоначально содержались идентичные формулировки (только нумерация статей несколько отличалась: праву на образование была посвящена статья 43), поэтому они отдельно

⁹⁶ Конституция (Основной Закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики (1918) *Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства*. Отдел первый. 20 июля, № 51, ст. 582, с. 674.

⁹⁷ Российское законодательство X–XX веков. В девяти томах. Законодательство эпохи буржуазно-демократических революций.

в данной работе не разбираются. Итак, в 1992 г. статья 25 из Конституции России была исключена, право на образование было перемещено в статью 57, а текст самой статьи приобрел весьма лаконичный характер: «Каждый имеет право на образование. Гарантируется общедоступность и бесплатность образования в пределах государственного образовательного стандарта. Каждый вправе на конкурсной основе бесплатно получить высшее образование в государственном учебном заведении»⁹⁸. В Конституции появилось упоминание государственного образовательного стандарта, но без какого-либо конституционного разъяснения его содержания. Из некоторых статей в результате изменения формулировок исчезли сопутствующие упоминания об образовании (статья 53 о праве на труд, статья 54 о праве на отдых и др.). Таким образом, большинство гарантий реализации права на образование, которые присутствовали ранее в конституционном тексте, были упразднены на конституционном уровне.

В Конституции РФ 1993 г. право на образование представлено в несколько расширенном, по сравнению с текстом 1992 г., виде, что было рассмотрено выше, но не достигло конституционной гарантированности уровня Основного Закона СССР 1977 г. (и первоначальной редакции Конституции РСФСР 1978 г.). Некоторые из прежних гарантий и аспектов реализации права на образование могут обнаруживаться в конституциях и уставах субъектов РФ (например, рассматривавшаяся выше обязательность бесплатного среднего образования в Конституции Республики Алтай), в текущем федеральном и региональном законодательстве. Однако очевидно, что региональное регулирование может быть лишь дополнительным и ограничивается локальным масштабом, а содержащиеся в текущем законодательстве гарантии по уровню юридической силы и значимости уступают конституционным.

В.Е. Чиркин дает следующую общую характеристику реализации статьи 43 Конституции РФ о праве на образование: «По данным экспертов ООН, по уровню высшего образования Российская Федерация занимает 27-е место в мире (ранее была на 9-м, а до этого – на 4-м после Израиля, Норвегии и США) [В сноске дается ссылка на: Российская газета. 2005, 21 окт.]. По распространенности высшего образования Россия впереди всех. На 10 тыс. жителей нашей страны высшее образование получают 250 человек, больше только в США [В сноске дается ссылка на: Российская газета. 2007, 13 марта]. Вместе с тем средства, ежегодно выделяемые из государственного бюджета на образование, невелики (менее 4% ВВП). Качество образования невысокое. Все это характеризует действие конституционных норм на практике» (Комментарий к Конституции..., 2013: 424). Естественно, для раскрытия потенциала, содержащегося в конституционных нормах, требуется приложить усилия и принять необходимые для этого меры.

⁹⁸ Электронный музей конституционной истории России. (n.d.) Конституция РСФСР в редакции 21 апреля 1992 года. Available at: <http://rusconstitution.ru/library/constitution/articles/1290/> (accessed 26 March 2023).

Заключение

Как было показано, в современном мире закрепление права на образование, а также разнообразных обеспечивающих данное субъективное право норм в конституциях является устоявшейся практикой, хотя и сегодня есть конституции, не содержащие норм об образовании. Вследствие неодинаковости в разных странах условий, в которых принимаются и изменяются конституции, наблюдается стилевое и структурное многообразие нормативного фиксирования права на образование и сопутствующих ему положений, которое поддается определенной классификации и кластеризации. Само по себе конституционное право на образование состоит в установлении в основном законе вида и меры возможного поведения лица при обеспеченном государством, осуществляющем предписанные нормами права необходимые действия и выделяющем требующиеся для этого ресурсы, обретении и углублении и расширении на протяжении всей жизни тех или иных знаний, умений и навыков, а также представлений о добре и зле, о должном, запретном, допустимом и т.д.

В обеспечении реализации права на образование задействованы органы разных уровней публичной власти – государственные (в федеративных государствах – федеральные и субъектов соответствующих федераций) и муниципальные. Эта деятельность регулируется конституционными нормами. При этом судебное толкование конституционных положений об образовании позволяет лучше раскрыть содержание права на образование, подсветить те или иные его грани, а также способствует его обогащению и развитию.

Список литературы

1. Bodin J. (1576) *Les Six Livres de la République*. Paris: Chez laque du Puys, Libraire luré, à la Samaritaine.
2. Bodin J. (1594) *Repubblica Libri Sex*. Editio tertia, prioribus multo emendatior. Francofvrti: Apud Ioan. Wecheli viduam sumtib. Petri Fischeri.
3. Dallman S. and Nath A. (2020) *Education Clauses in State Constitutions Across the United States*. Minneapolis: The Federal Reserve Bank of Minneapolis.
4. Hobbes T. (1651) *Leviathan, or the Matter, Forme & Power of a Common-wealth Ecclesiasticall and Civil*. London: Printed for Andrew Crooke, at the Green Dragon in St.Pauls Church-yard.
5. Hobbes T. (1668) *Leviathan, sive, De Materia, Forma, & Potestate Civitatis Ecclesiasticae et Civilis*. Amstelodami: Joan Blaeu.
6. Jensen false R.M. (1997) Advancing Education Through Education Clauses of State Constitutions. *Brigham Young University Education and Law Journal*(1).
7. Laufer H. (1992) *Das föderative System der Bundesrepublik Deutschland*. Überarbeitete Auflage. Bonn, München: Bundeszentrale für politische Bildung, Bayerische landeszentrale für politische Bildungsarbeit, Stephan Heller Verlag.
8. Maurer H. (2000) *Allgemeines Verwaltungsrecht*. 13 Auflage. München: Verlag C.H.Beck.
9. Parker E. (2016) *Constitutional Obligations for Public Education. 50-State Review*. Denver: Education Commission of the State.

10. Авакьян С.А. (1996) *Политический плюрализм и общественные объединения в Российской Федерации: конституционно-правовые основы*. М.: Российский Юридический Издательский Дом.
11. Авакьян С.А. (2000) Национальный вопрос и государственное строительство: проблемы России и опыт зарубежных стран. *Национальный вопрос и государственное строительство: проблемы России и опыт зарубежных стран*. Под ред. С.А. Авакьяна. М.: Изд-во Моск. ун-та.
12. Авакьян С.А. (2014) *Конституционное право России. Учебный курс*. В 2-х томах. 5-е изд., перераб. и доп. Т. 1. М.: Норма: ИНФРА-М.
13. Авакьян С.А. (2015) *Конституционный лексикон: государственно-правовой терминологический словарь*. М.: Юстицинформ.
14. Автономов А.С., Гаврилова И.Н. (2019) Мониторинг прав человека как научная основа их оценки: критерии, показатели, индикаторы. *Юридическое образование и наука* (2): 6–15 DOI: 10.18572/1813-1190-2019-2-6-15.
15. Богданов А.В. (2008) *Полномочия органов государственной власти субъектов Российской Федерации по обеспечению конституционного права на образование*. Автореф. дисс. канд. юрид. наук. Тюмень.
16. Воеводин Л.Д. (1972) *Конституционные права и обязанности советских граждан*. М.: Изд-во МГУ.
17. Генкин Д.М. (1958) Право собственности как абсолютное субъективное право. *Советское государство и право* (6).
18. Гоббс Т. (1991) *Левиафан, или материя, форма и власть государства церковного и гражданского* (перевод Н.Федорова и А.Гутермана). Гоббс Т., *Сочинения в двух томах*. Т. 2. М.: Изд-во «Мысль».
19. Демидов В.Н. (2015) *Конституционная (уставная) юстиция субъектов Российской Федерации как институт защиты прав и свобод гражданина*. Казань: Идел-Пресс.
20. Дольникова Л.А. (1987) *Право граждан на образование и организационные формы его обеспечения*. Уфа: Изд-во Башк. ун-та.
21. *Комментарий к Конституции Российской Федерации*. (2013) 3-е изд. Под ред. В.Д. Зорькина. М.: Норма, ИНФРА-М.
22. *Конституция СССР. Политико-правовой комментарий*. (1982) Под общ. ред. Б.Н. Пономарева. М.: Политиздат.
23. Крусс В.И. (2007) Конституционная топология и дефинитивная трансгрессия правовых смыслов. *Законодательная дефиниция: логико-гносеологические, политик-юридические, морально-психологические и практические проблемы*. Под ред. В.М. Баранова, П.С. Пацуркивского, Г.О. Матюшкина. Нижний Новгород: Нижегородский исследовательский научно-прикладной центр «Юридическая техника».
24. Кубеев Е.К., Султанов Р.Р. (2007) *Конституционное право на образование в Республике Казахстан*. Алматы: Білім.
25. Куликов А.В. (2013) Защита социальных прав в решениях Уставного Суда Калининградской области. *Вестник Уставного Суда Калининградской области* (19–20).
26. Михалева Н.А. (2010) *Конституции и уставы субъектов Российской Федерации (сравнительно-правовое исследование)*. М.: ЮРКОМПАНИ.
27. Орловский Ю.П. (1986) *Конституционные гарантии права на образование в СССР*. М.: Наука.
28. Румянцева Т.С. (1987) *Конституционное право на образование в социалистических странах*. М.: Наука.
29. Стульникова О.В. (2008) *Конституционное право граждан на образование и проблемы его реализации в субъектах Российской Федерации*. Автореф. дисс. канд. юрид. наук. Саратов.
30. Шереметьев А.В. (2015) *Субъекты образовательных правоотношений: теоретико-правовое исследование*. Автореф. дисс. канд. юрид. наук. М.
31. Щетинин Б.В. (1988) *Проблемы теории советского государственного права*. М.: Наука.

THE RIGHT TO EDUCATION IN THE MODERN CONSTITUTION: A COMPARATIVE ASPECT

Dr **Alexei S. AVTONOMOV** – Professor, Vice-Rector for Science, Research and International Relations, Head of the Department of International Law and Legal Regulation of Foreign Economic Activity, Moscow University named after Alexander Griboyedov.

21 Enthusiast Shosse, Moscow, Russia, 111024.

Dr **Vladislav V. GRIB** – Professor, Head of the Department of Constitutional Law, MGIMO-University; Rector, Moscow University named after Alexander Griboyedov, Academician of the Russian Academy of Education, Honored Lawyer of the Russian Federation.

E-mail: avtor@lawinfo.ru

21 Enthusiast Shosse, Moscow, Russia, 111024.

Received February 11, 2024 Accepted March 10, 2024

Abstract: The article compares the ways in which the right to education is enshrined in modern constitutions of various countries. The study aims to identify the main trends and patterns, concerning how constitutions provide for the realization of this right in the current conditions. The approaches to these issues vary in different states. Some country peculiarities may also be seen in the judicial protection of the constitutional right to education as well as in the content of the constitutional right to education.

Keywords: the right to education, constitution, constitutional provision of the right to education, social rights

References:

1. Bodin J. (1576) *Les Six Livres de la République*. Paris: Chez laque du Puys, Libraire luré, à la Samaritaine.
2. Bodin J. (1594) *Repubblica Libri Sex*. Editio tertia, prioribus multo emendatior. Francofvrti: Apud Ioan. Wecheli viduam sumtib. Petri Fischeri.
3. Dallman S. and Nath A. (2020) *Education Clauses in State Constitutions Across the United States*. Minneapolis: The Federal Reserve Bank of Minneapolis.
4. Hobbes T. (1651) *Leviathan, or the Matter, Forme & Power of a Common-wealth Ecclesiasticall and Civil*. London: Printed for Andrew Crooke, at the Green Dragon in St.Pauls Church-yard.
5. Hobbes T. (1668) *Leviathan, sive, De Materia, Forma, & Potestate Civitatis Ecclesiasticae et Civilis*. Amstelodami: Joan Blaeu.
6. Jensen false R.M. (1997) Advancing Education Through Education Clauses of State Constitutions. *Brigham Young University Education and Law Journal* (1).
7. Laufer H. (1992) *Das föderative System der Bundesrepublik Deutschland*. Überarbeitete Auflage. Bonn, München: Bundeszentrale für politische Bildung, Bayerische landeszentrale für politische Bildungsarbeit, Stephan Heller Verlag.

8. Maurer H. (2000) *Allgemeines Verwaltungsrecht*. 13 Auflage. München: Verlag C.H.Beck.
9. Parker E. (2016) *Constitutional Obligations for Public Education*. 50-State Review. Denver: Education Commission of the State.
10. Avakian S.A. (1996) *Politicheskij pljuralizm i obshhestvennye ob»edinenija v Rossijskoi Federacii: konstitucionno-pravovye osnovy* [Political Pluralism and Public Associations in the Russian Federation: Constitutional and Legal Foundations]. Moscow: Rossijskij Juridicheskij Izdatel'skij Dom. (In Russian).
11. Avakian S.A. (2000) Natsional'nyi vopros i gosudarstvennoe stroitel'stvo: problemy Rossii i opyt zarubezhnykh stran [The National Question and State Building: Problems of Russia and the Experience of Foreign Countries]. In: *Natsional'nyi vopros i gosudarstvennoe stroitel'stvo: problemy Rossii i opyt zarubezhnykh stran* [The National Question and State Building: Problems of Russia and the Experience of Foreign Countries]. Ed. S.A. Avakian. Moscow: Moscow University Press. (In Russian).
12. Avakian S.A. (2014) *Konstitutsionnoe pravo Rossii. Uchebnyi kurs* [The Constitutional Law of Russia: Training Course]. Vol. 1. 5th ed. Moscow: Norma: INFRA-M.
13. Avakian S.A. (2015) *Konstitutsionnyi leksikon: gosudarstvenno-pravovoi terminologicheskii slovar'* [Constitutional Lexicon: State-Legal Terminology Dictionary]. Moscow: Iustitsinform. (In Russian).
14. Avtonomov A.S. and Gavrilova I.N. (2019) Monitoring prav cheloveka kak nauchnaia osnova ikh otsenki: kriterii, pokazateli, indikatory [Monitoring of Human Rights as a Scientific Basis for Their Evaluation: Criteria, Ratios, Indices]. *Juridicheskoe obrazovanie i nauka* [Juridical Education and Science] (2): 6–15 DOI: 10.18572/1813-1190-2019-2-6-15. (In Russian).
15. Bogdanov A.V. (2008) *Polnomochiia organov gosudarstvennoi vlasti sub»ektov Rossiiskoi Federatsii po obespecheniiu konstitutsionnogo prava na obrazovanie* [Powers of State Authorities of Constituent Entities of the Russian Federation to Ensure the Constitutional Right to Education]. Tyumen. (In Russian).
16. Voevodin L.D. (1972) *Konstitutsionnye prava i obiazannosti sovetskikh grazhdan* [Constitutional Rights and Duties of Soviet Citizens]. Moscow: Moscow University Press. (In Russian).
17. Genkin D.M. (1958) Pravo sobstvennosti kak absoliutnoe sub»ektivnoe pravo [Ownership as an Absolute Subjective Right]. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo* [Soviet State and Law] (6). (In Russian).
18. Hobbes T. (1991) *Leviatan, ili materiia, forma i vlast' gosudarstva tserkovnogo i grazhdanskogo* [Leviathan, or the Matter, Forme & Power of a Common-wealth Ecclesiasticall and Civil] (translated by N. Fedorov and A. Guterman). In: Hobbes T., *Sochineniia v dvukh tomakh* [Essays in Two Volumes]. Vol. 2. Moscow: Izdatel'stvo «Mysl'». (In Russian).
19. Demidov V.N. (2015) *Konstitutsionnaia (ustavnaia) iustitsiia sub»ektov Rossiiskoi Federatsii kak institut zashchity prav i svobod grazhdanina* [Constitutional (Statutory) Justice of the Constituent Entities of the Russian Federation as an Institution for the Protection of the Rights and Freedoms of a Citizen]. Kazan: Idel-Press. (In Russian).
20. Dol'nikova L.A. (1987) *Pravo grazhdan na obrazovanie i organizatsionnye formy ego obespecheniia* [The Right of Citizens to Education and Organisational Forms of Its Provision]. Ufa: Bashkir University Publishing House. (In Russian).
21. *Kommentarii k Konstitutsii Rossiiskoi Federatsii* [Commentary to the Constitution of the Russian Federation]. (2013) 3d ed. Ed. V.D. Zor'kin. Moscow: Norma, INFRA-M. (In Russian).
22. *Konstitutsiia SSSR. Politiko-pravovoi kommentarii* [Constitution of the USSR. Political and Legal Commentary]. (1982) Ed. B.N. Ponomarev. Moscow: Politizdat. (In Russian).

23. Kruss V.I. (2007) *Konstitutsionnaia topologiia i definitivnaia transgressiia pravovykh smyslov* [Constitutional Topology and Definitional Transgression of Legal Meanings]. In: *Zakonodatel'naia definitsiia: logiko-gnoseologicheskie, politik-iuridicheskie, moral'no-psikhologicheskie i prakticheskie problem* [Legislative Definition: Logical and Gnoseological, Political and Legal, Moral and Psychological as Well as Practical Problems]. Ed. V.M. Baranov, P.S. Patsurkivskii, G.O. Matiushkin. Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod Research Scientific and Applied Centre «Yuridicheskaya tekhnika». (In Russian).
24. Kubeev E.K. and Sultanov R.R. (2007) *Konstitutsionnoe pravo na obrazovanie v Respublike Kazakhstan* [Constitutional Right to Education in the Republic of Kazakhstan]. Almaty: Bilim. (In Russian).
25. Kulikov A.V. (2013) *Zashchita sotsial'nykh prav v resheniiakh Ustavnogo Suda Kaliningradskoi oblasti* [Protection of social rights in the decisions of the Constitutional Court of the Kaliningrad Oblast]. *Vestnik Ustavnogo Suda Kaliningradskoi oblasti* [Bulletin of the Constitutional Court of the Kaliningrad Oblast] (19-20). (In Russian).
26. Mikhaleva N.A. (2010) *Konstitutsii i ustavy sub»ektov Rossiiskoi Federatsii (sravnitel'no-pravovoe issledovanie)* [Constitutions and Charters of Constituent Entities of the Russian Federation (Comparative Legal Study)]. Moscow: IuRKOMPANI. (In Russian).
27. Orlovskii Iu.P. (1986) *Konstitutsionnye garantii prava na obrazovanie v SSSR* [Constitutional Guarantees of the Right to Education in the USSR]. Moscow: Nauka. (In Russian).
28. Rumiantseva T.S. (1987) *Konstitutsionnoe pravo na obrazovanie v sotsialisticheskikh stranakh* [Constitutional Right to Education in Socialist Countries]. Moscow: Nauka. (In Russian).
29. Stul'nikova O.V. (2008) *Konstitutsionnoe pravo grazhdan na obrazovanie i problemy ego realizatsii v sub»ektakh Rossiiskoi Federatsii* [Constitutional Right of Citizens to Education and Problems of Its Realisation in The Subjects of the Russian Federation]. Saratov.
30. Ueremet'ev A.V. (2015) *Sub»ekty obrazovatel'nykh pravootnoshenii: teoretiko-pravovoe issledovanie* [Subjects of Educational Legal Relations: Theoretical and Legal Research]. Moscow.
31. Shchetinin B.V. (1988) *Problemy teorii sovetskogo gosudarstvennogo prava* [Problems of the Theory of Soviet State Law]. Moscow: Nauka.

ART OF GOVERNMENTALITY IN CONSTRUCTION OF RUSSIAN WOMAN'S NATIONAL IDENTITY

Leila KHADEM MAKHSUOS HOSSEINI

University of Religions and Denominations, Qom, Iran

Abstract: Russia's heteronormative policies have been receiving substantial attention mainly from Western scholars, who condemn the gendered-based regularization of identities in Russian cultural politics. I investigate the potential of these policies in legitimizing domestic power, creating a counter-hegemony, and the potential of geopolitical influence confronting Western global hegemony.

The paper addresses the discursive construction of auto-governing subjects to illuminate the way national identity is fashioned by the art of governmentality. Methodologically it is mapped on the Foucauldian reading of Gramsci, assuming that the art of governmentality can be a way to win the consent of subjects to ensure hegemony. To examine governmentality, I demonstrate how the liberty of women is controlled in a rational as well as an affective milieu. The article demonstrates that Russian dominant discourses, such as commercials, depict viable female identity in line with traditional gender norms. However, social promotion and idealization of the female body are new aspects of a Russian woman in contrast to the USSR discourse of sexual silencing. Women in a rational milieu calculate and decide to choose the viable, rather than marginalized non-heteronormative female identity. In the affective milieu, women's identity construction is controlled by the affections produced by various discourses, such as media. Self-governing subjects consent to traditional female identity, which gives them subjectivity while legitimizing the state power. Depiction of corrupted western moralities in opposition to Russian ethics elicits a sense of threat versus promise, alien versus us. These affections secure against non-heteronormative female identity. It is concluded that delineating the borders between morally deviant West and ethical Russia has the potential of creating a geopolitical hegemony of Russia as the global savior.

Keywords: heteronormativity, national identity, the art of governmentality, consent, hegemony

Dr **Leila Khadem Makhsuos Hosseini** – Doctoral Student, MGIMO University; Associate Researcher, University of Religions and Denominations, Qom, Iran.

E-mail: leila.hosseiny60@gmail.com

76 Prospect Vernadskogo, Moscow, Russia, 119454.

Received February 2, 2024

Accepted March 11, 2024

Conflict of interests: The author declares the absence of any conflict of interests.

There is an abundant scholarly literature targeting Russia's heteronormative policies as the repression of civil rights (Alexandra, 2018). However, I argue that there is the potential of this policy both for the domestic legitimization of the regime and for geopolitical hegemony.

The study aims at reinforcing a hegemonic approach to the discursive construction of Russian national identity regarded as security of cultural borders. The interplay between national identity and geopolitical hegemony can be conceptualized through the depiction of ideological and discursive territory-bound identity construction of a nation against a globally hegemonic identity.

It is assumed that Russia is a neoliberal society (Rutland, 2013), where liberal subjects are controlled by the art of governmentality. It structures the milieu of subjects by transforming the liberty into a tool that conducts individuals' conduct. Therefore, self-governing, rational, subjects are directed in line with the state's desire.

I address the discursive construction of auto-governing subjects to illuminate the way national identity is fashioned by the art of governmentality. Furthermore, it concerns the way geographical identity is employed in the legitimization of domestic power and forming a counter-hegemony in the struggle for future geopolitical hegemony.

Russian dominant discourses, countering Western global hegemony, aim at establishing a common sense that buttresses domestic political regime. One of the aspects that distinguish Russian moralities and values from Western norms is heteronormative identities. Although heteronormative policies are disguised to deal with critical demographic crises (Kondakov, 2013), I assume that the established heteronormative common sense is a result of opposing Russian values to the rest of the world. Heteronormativity, as opposed to the western norm of the fluidity of identity, can be a noticeable factor defining Russian cultural borders in face of the global cultural hegemony of the West. Heteronormativity is deeply rooted in the history of Russian identity (Scheller-Boltz, 2017). The unconscious aspect of the masses' common sense can be transformed into a critical reflection under the control of elites.

The paper considers how Russian female identity is regularized based on Russian values to define Russianness confronting the alien "other". It illustrates how the Russian female identity promises hegemony to the state.

Foucauldian reading of Gramsci

Theoretically the study is mapped on the Foucauldian reading of Gramsci. The bridge between the two nexuses provides a broader socio-cultural tool to delve both into micro and macro levels. The Gramscian notion of ideology / power is incarnated as knowledge / power technology in a Foucauldian perspective. Gramscian hegemony relying on subjects' consensual submission to the dominant ideology is achieved within "civil society". Here, I demonstrate how consent can be elicited by the art of governmentality. Production of self-governing, rational, autonomous, and responsible neoliberal subjects can be implicitly compared to

eliciting consent from the subjects. While neoliberal art of governmentality regulates and controls individuals' freedom within the formatted milieu, it produces malleable governable subjects, who consent to the dominant discourse to gain viable subjectivity. According to Foucault, "the apparatus of security work, fabricate, organize, and plan a milieu. Milieu is that in which circulation is carried out" (Foucault, Senellart, Ewald, Fontana, 2009). I discuss mechanisms of governmentality in controlling both rational and affective milieu to enact security through reducing unwanted circulations.

The construction of viable subjectivity in contrast to repressed bodies delineates the border between those who can live and those who are silenced. Biopolitics, as the apparatus of governmentality, regulates bodies, giving subjectivity to some, while excluding the others. This differentiation is a modern manifestation of sovereign power. Control of sexuality as a "means of access to both the life of the body and the life of the species" is the control of both the body and the population as the fleshy capital of society. For Foucault population as "manpower", becomes an "economic and political problem", "at the heart of (which) was sex" (Foucault, 1978). Regulation of sexuality to differentiate the procreative and non-procreative relations construct viable heterosexual subjects as opposed to abject homosexual minorities. Putting to death is transformed into marginalizing the unintelligible subject. Biopolitics entails the exercise of sovereign power to maintain the security of viable subjects and at the same time to legitimize its power. The tie between sovereign and governmentality can be compared to Gramscian understanding of hegemony as the dialectical relationship of consent and coercion, or in Anderson's terms as the "synthesis of consent and coercion" (Anderson, 2017).

Discourses compete to normalize common sense to secure a state of political hegemony. According to Gramsci, common sense is a "relatively rigid phase of popular knowledge at a given time and place" (Gramsci, 1971). These "assumed certainties structure the basic landscape within which individuals are socialized and chart their individual life course" (Crehan, 2016). The already-existing self-evident truth among subalterns is forged by elites.

Based on the Gramscian philosophy of "praxis", "everyone is a philosopher", denoting that everyone unconsciously has a conception of the world based on what she has inherited from common sense. Intellectuals materialize the theoretical consciousness in a way that their practical-theoretical position is articulated in viable social relations pictured as natural. As Gramsci maintains, "that is not a question of introducing from scratch a scientific form of thought into everyone's individual life, but of renovating and making critical and already existing activity" (Gramsci, 1971). Theoretical consciousness articulated to the practical-theoretical position will be the materialization of the already existing value of heteronormativity directing subjects' will toward consensual subordination. The manufactured consent assures hegemony.

Literature review

The world is politically partitioned into bounded groups of people called nations. The sense of belonging to a territory with a cultural heritage renders the group the national identity. The collective nature of national identity can be compared to the material geographical borders.

Russian collective national identity faced individualism and fluidity of identity after the collapse of the USSR. Embracing European liberal values soon led to the situation when "an increasing number of people started to blame individualism and Western values for the country's problems". While they assumed the West as the source of corruption and decadence, a return to traditional norms promised an overcome of difficulties (Scheller-Boltz, 2017). Today, Russian common sense is based on conservative traditional values (Romashko, 2018). Edenborg investigating the politics of homophobia in Russia proves culturalization of intolerance as a return to traditional values is a boundary-making move, delineating Russia from West (Edenborg, 2021). In another study, the same author conducts a qualitative text analysis of Russian news coverage of the homosexual propaganda bill between 25 January 2013, establishing that while one story narrates homosexuality as sterility, the other is a rhetoric on morally decadent West, against which Russian heterosexual civilization is invoked (Edenborg, 2015). In his recent study, Edenborg (2021) suggests a framework for analyzing interconnections between fundamentally different discourses on the protection of traditional values at the level of domestic, international, or transnational whose shared anti-gender stories pave the way for common cooperation.

My study establishes the same perception of Russian heteronormativity as the civilization border to defend the country against western cultural imperialism. However, I undertake the exploration of art and rationality behind the construction of the Russian female identity.

Constructing a Russian Female identity

Materialization of bodies as fe/male through the incorporation of naturalized feminine or masculine essence to bodies assures heteronormative social structures. Heteronormativity as a pivotal element of the Russian state's cultural policy in the production of identities (Dogangun, 2020) is mobilized through various discourses such as commercial, medical, and religious discourses to produce and stabilize the power.

Here, I discuss how instead of rules of a sovereign or disciplines, the art of governmentality relying on the creation of consent rather than coerce and subjugation, directs women toward heteronormative roles. I examine some Russian market advertisements, especially the literature on them to demonstrate the role of the market in the regulation of female identity in Russia.

The plethora of studies on Russian advertisement discourses all concedes upon the subsistence of traditional female stereotypes in various advertising discourses. Recent research on the images in car advertisements maintains that

while men are represented as "myth heroes", women are "caregivers", "silly girls, femme vamp" and "objects" (Medvedeva, 2019). Volkova identifies some stereotypical roles attributed to women in Russian TV advertisements such as sexual objects, heroes of housekeeping, mothers, and wives while climbing the ladder of professions. She confirms that women are represented as limited creatures whose main concerns are marrying an intelligent successful man and then sincerely caring for the well-being of the family (Volkova, 2020). Shkrabak and Golodova maintain the patriarchal nature of Russian advertisement discourse illustrating that a woman most often acts as a housewife mother, while a man acts as a breadwinner, a serious person; men should be decisive and show leadership qualities, while women should be respectful and dependent, beautiful, caring (Shkrabak, Golodova, 2020). Iepuri proves that Russian advertisements have positive attitudes toward traditional family structure" (Iepuri, 2017).

A survey on neo-maternity images in Russian advertisements, also indicates that house-located advertisements represent a family where the woman is running the house. The presentation of a man appeals to higher growth, a leading and supportive role when he shakes hands, teaches something, or feeds a woman with a spoon. However, the researchers admit that the modern image of the ideal Russian woman, while not departing from traditional procreative maternity and promising propagation and thereby future Russian race still follows a social-economic role (Vereshchagina, Kovalev, Samygin, 2018).

The discussed market advertising examples prove the dominance of heteronormativity in Russian market discourse with the idealization of traditional gender norms along with valuing nuclear family and abjection of the queer body. While on one hand the biological process of birth rate is regulated, on the other hand, the reconciliation of maternity and career welcoming women as labor force perpetuates the productive potential of women as part of the population.

There are pieces of evidence indicating different measures taken by the Russian Federation to pave the way for women's social and economic empowerment. Indeed, encouraging the population to conduct their conduct, does not exonerate the state from its responsibilities. The state provides the population with the essential facilities contributing to the fulfillment of desired goals. The maternal capital program, increase in the number of full-day state nursery schools, promotion of free prenatal health care and services. As a result, the number of abortions has decreased (Osmanov, Prokopov, 2020). On the other hand, it is proved that unlike the possible contradiction between interest in family and social activity, Russian women have managed to reconcile them (Mazzarino, 2013). According to 2020 statistics, female labor force rates 55.13 %¹. Temkina, confirming mothering as the "stable identity" of Russian woman believes that Russian women balance the double burden of work and family (Temkina, 2010).

¹ Russia: Female labor force participation. *The Global Economy*. Available at: https://www.theglobaleconomy.com/Russia/Female_labor_force_participation/# (accessed 10 April 2023).

Idealization of hetero, double-income nuclear family defines a conservative heteronormative milieu where the circulation of queer bodies is secured against. Russian women, as liberal rational auto-governing agents of neoliberal society, allocate their time, body and in general, their human capital to choose rationally among the activities that allow them to achieve approved subjectivity, based on the normalized image of a Russian woman. I can interpret such subtle conduct of women's conduct as a rational milieu where autonomous responsabilized women rationally calculate, choose, and decide, trying to reduce the risk. Self-monitoring subjects compete to achieve what is defined as the standard.

The current idealized female identity differs from the traditional one due to the neoliberal social context. While working mother was the fixed identity of the Soviet Russian woman, today based on her consumption, each woman claims her special way of life. Thus, I logically face a variety of working mothers each competing to manage their human capital, such as time, skill, ability, or body in a way that she rationally chooses. She is no more a simple worker, but an entrepreneur of herself.

Investing in aesthetic aspects of body is a feature of the current Russian female identity. Russia women more than men are obsessed with physical beauty as a capital (Buana, Pratiwi 2020). Neoliberal consumerist principles have idealized beautified bodies. Women enjoy democratic choices of marketized beauty, which guarantees them the pleasure of social and sexual visibility. Essentialized feminine beauty voices the gender binary border.

Feminine beautification, as a modern gender performance, is opposed to Soviet feminine norms. Some experts assert that the Russian state is struggling to construct a Russian national identity based on USSR values, which stressed: the "rationalization of production, (...) and a utilitarian view of the body that saw it as a tool of production, separated from any aesthetic or sexual pleasure" (Davydova 2019). The Soviet ideology of the working mother was not for the social promotion of women; rather it was simply based on the consent of the masses (men and women) to the ideology of devotion to the needs of communist society. The common motto of "we have no sex in the USSR" implies the silencing of sexual discourses and desires in the soviet era. In a study of the genealogy of sexuality in Russia Lalo elaborates on the idea of the "discourse of silence" of Russian sexuality throughout Russian history. He maintains the absence of eroticized literature or architecture or any confessions at churches, or sex pathological discourse in different eras as silencing the discourse of sexuality (Lalo, 2011).

The discourse of control and not silence highlights the beauty of the female body. Russian advertisements depict a sexy image of the female body (Edwards, 2012). Eroticized representation of the female body along with the appreciation of the beautified female body in Russian commercial discourses produces the truth about the essential beauty of women.

Women as rational subjects conduct their corporeal conduct in a way that they can get subjectivity by investing in their bodies. Competing to get the standard of femininity as socially and sexually visible subjects is not sexual objectification. It is a new subjectification of a Russian woman.

The liberty of women is controlled in a rational milieu as discourses such as commercials shape subjects' knowledge of what sustains and advance life, and what accepted female identity is like. In a rational milieu, women calculate and decide to choose the viable, rather than marginalized female identity as socially active, academically educated, physically beautified and well-groomed, socially, and sexually visible mothers and devoted wives.

Regimes of governmentality are not only rational but also affective milieus (Kantola, Seeck, Mannevu, 2019). They manage the affective milieu, as well to produce maximum efficiency of the population. "Differentiating good circulation from bad circulation," maximizing the first one at the expense of the second, maintains security (Foucault, 2007). The affections produced by various discourses such as media, "increase or diminish, aide or restrain" (Spinoza, 1994) women's power of actions. Threatening affections producing a sense of danger, alarm, and fear discourage individuals from acting in a certain way while promising affections encourage other actions.

Basulto argues that western media has depicted an aggressive and ruthless image of Russian identity (Basulto, 2015). Confronting the prevalent Russophobia, Russia uses media for its objectives of national security and foreign policies. It demonstrates "Western policies as threats to Russian national security" (Zakem, Saunders, Hashimova, Hammerberg, 2018). Russian media highlights fragmented Western individualism, fluidity of identity, tolerance of non-heteronormativity, and families all in contrast to Russia's traditional values of heteronormative identities, nuclear family, and essential gender roles. A stable and peaceful picture of Russia is opposed to unstable morally corrupted West. In contrast to "spiritually rich Russia", the West is morally decayed, especially in sexually distorted identities. Instilling fear of western values as corrupted and threatening moralities can discourage westernized non-heteronormative self-fashioning. Indeed, threat narratives arousing feelings of risk and fear restrict deviations from traditional Russian norms, the "bad circulations", conducting the population to govern themselves in state-desired ways.

On the other hand, the affective milieu is governed to create a sense of hopefulness promised by Russian moralities. The sense of promise encourages the subjects (here, Russian women) toward gender-based actions in harmony with the Russian female identity. Russian values affect a sense of promise, rather than risk and threat, construct and bolster a sense of belonging to our own national and cultural identity in contrast to "the otherness of the alien" (Scheller-Boltz, 2017). The positive emotion of Russianness and its traditional values forges a national female identity, which is neither West, nor east, but just Russian.

Art of governmentality has conducted women's self-fashioning conduct toward Russianness. Such "intellectual and moral leadership of masses", according to Gramsci (Gramsci, 1971), wins the consent of the masses and creates hegemony. Therefore, the state legitimizes its domestic power by eliciting the consent of subjects through the art of governmentality. According to Butler's performativity, as long as women perform their gender roles, they gain viable subjectivity, meanwhile assuring the sustainability of heteronormative discourse by their gender performances (Butler, 2006). The constructed image of the ideal Russian woman by different discourses as well as a sense of belonging consent women to Russian female identity values, assuring state hegemony.

The construction of Russian female identity based on traditional values reinforces heteronormativity which not only guarantees nation duration but also, building a civilization order against western values evokes the nation's emotion of belonging to heritage and their detestation of "the other" West to guard the country against ethical imperialism. Delineating the borders between the non-heteronormative morally deviated West and Russia as a "guardian of traditional values" (Cushman, Avramov, 2021) creates a counter-hegemony confronting global western hegemony. This alternative hegemony relies not on material sources, but on cultural policies, forging a Russian female identity based on moralities faded in the West. To surpass the universalized western values of modernity, Russia has undertaken to universalize traditional values. Russian agenda of heteronormativity as the frame of human rights in the UN (Chaney, 2018) is an evident example of Russian international policies in disseminating their ideas. Moreover, the expansion of narratives of heteronormativity has the potential of soft power in countries, mainly Asian or Islamic countries where heteronormativity has the centrality in defining visible viable relations.

Globalization of the idea that western fluid identities will collapse the societies have the potential for the creation of new hegemony. Russia invests in traditional ethics and values. This policy guarantees domestic power and national security meanwhile rendering the state the possibility of geopolitical hegemony, and even soft power.

Conclusion

Traditional gender-binary values have been the core point of current Russia's cultural policy, constructing a national identity based on conservative Russian ethics. Based on the biopolitical construction of identities, raw bodies of the population are materialized as gendered bodies ascribed with naturalized essence. These gendered-based value, which already exists in the masses' consciousness regularize bodies, defining heterosexuality as the only norm of sex to maintain procreation. On the other hand, differentiating Russia from the non-heteronormative West, the state fortifies the national bonds to ensure national security and legitimizes domestic power. Moreover, the constructed Russian female iden-

tity based on traditional Russian values produces a counter-hegemony against Western global hegemony. It paves the way for future geopolitical hegemony whereby Russian ethics and moral values can be the savior of the world from non-heteronormative corrupted values.

The state needs not only coercive subjugation of the masses but also depends on the consent of the subjects to heteronormative values, which assures hegemony to the state. To win the consent, the regimes of governmentality, control rational and affective milieus where women develop auto-governance in line with the desires of the state to create a conservative female identity. Good circulation of Russian female identity is secured against fluid Western identity by women's heteronormative performances, which produces and reproduces the state power.

References

1. Alexander K. (2014) The Silenced Citizens of Russia: Exclusion of Non-heterosexual Subjects from Rights-Based Citizenship. *Social & Legal Studies* 23(2): 151–174.
2. Alexandra V. (2018) Russian Politics of Masculinity and the Decay of Feminism: The Role of Dissent in Creating New «Local Norms». *William & Mary Journal of Race, Gender, and Social Justice* 25(1): 59–86.
3. Anderson P. (2017) *The Antinomies of Antonio Gramsci*. London: Verso Books.
4. Basulto D. (2015) *Russophobia: How Western Media Turns Russia Into the Enemy*. Dominic Basulto.
5. Buana D.R., Pratiwi R.N. P. (2020) Why are Russian Women Stunning?: General Perspective on Men Deficiency in Russia and Its Effect on Female Premarital Investments. *International Journal of Scientific and Research Publications* 10(2): 494–502.
6. Butler J. (2006) *Gender Trouble: Feminism and the Subversion of Identity*. New York: Routledge.
7. Chaney P. (2018) Civil Society, 'Traditional Values' and LGBT Resistance to Heteronormative Rights Hegemony: Analysis of the UN Universal Periodic Review in the Russian Federation. *Europe-Asia Studies* 70(4): 638–665.
8. Crehan K. (2016) *Gramsci's Common Sense: Inequality and its Narratives*. Durham: Duke University Press Books.
9. Cushman E., Avramov K. (2021) Eurosodom: Specifics of Weaponized Sexuality and Gender-Based Narratives in Contemporary Russian and Pro-Russian Disinformation. *ICONO 14, Revista de comunicación y tecnologías emergentes* 19(1): 123–154.
10. Davydova D. (2019) *Between Heteropatriarchy and Homonationalism: Codes of Gender, Sexuality, Race / Ethnicity in Putin's Russia*. A Dissertation of Doctoral Philosophy, Women's Studies, York University, Toronto.
11. Dogangun G. (2020) Gender Climate in Authoritarian Politics: A Comparative Study of Russia and Turkey. *Politics & Gender* 16(1): 258–284.
12. Edenborg E. (2015) Banning "Homosexual Propaganda": Belonging and Visibility in Contemporary Russian Media. *Sexuality and Culture* 19(2): 256–274.
13. Edenborg E. (2021) Anti-Gender Politics as Discourse Coalitions: Russia's Domestic and International Promotion of "Traditional Values". *Problems of Post-Communism* 70(2): 175–184.
14. Foucault M. (1978) *The History of Sexuality*. New York: Pantheon Books.
15. Foucault M. (2007) *Security, Territory, Population: Lectures at the College de France 1977–1978*. New York: Palgrave Macmillan.

16. Foucault M., Senellart M., Ewald F., Fontana A. (2009) *Security, territory, population: Lectures at the Collège de France, 1977-1978*. New York: Picador.
17. Gramsci A. (1971) *Selections from the Prison Notebooks*. New York: International Publishers Co.
18. Iepuri V. (2017) Contemporary Russian Advertising as a Sociocultural Phenomenon. *Russian Language Journal* (67): 55-76.
19. Kantola A., Seeck H., Mannevu M. (2019) Affect in governmentality: Top executives managing the affective milieu of market liberalisation. *Organization* 26(6): 761-782.
20. Lalo A. (2011) *Libertinage in Russian Culture and Literature (Russian History and Culture)*. Brill Press.
21. Mazzarino A. (2013) Entrepreneurial Women and the Business of Self-Development in Global Russia. *Journal of National Library of Medicine (PMC)* 38(3): 623-645.
22. Medvedeva E.I. (2019) A woman's image in the car advertisements: stereotypes and sexism. *Journal of Woman in Russian Society* (1): 87-96.
23. Osmanov E.M., Prokopov A.Yu. 2020. Mediko-biologicheskaya i sotsial'naya znachimost' zhenskogo besplodiya [Medical-biological and social significance of female infertility]. *Meditsina i Fizicheskaya Kultura: Nauka i Praktika* [Medicine and Physical Culture: Science and Practice] 1(5): 29-38. (In Russian)
24. Romashko T. (2018) Biopolitics and Hegemony in Contemporary Russian Cultural Policy. *Russian politics* (3): 88-113.
25. Rutland P. (2013) Neoliberalism and the Russian transition. *Review of International Political Economy* 20(2): 332-362.
26. Scheller-Boltz D. (2017) *The discourse on Gender Identity in contemporary Russia: An Introduction with a Case Study in Russian Gender Linguistics*. New York: Georg Olms Verlag.
27. Shkrabak E.V., Golodova O.A. 2020. Vliyanie reklamy na formirovaniye gendernykh stereotipov u podrostkov v Rossii i za rubezhom [The Influence of Advertising on the Formation of Gender Stereotypes in Teens in Russia and Abroad]. *Ryazanskiy Gosudarstvennyy Universitet Imeni S.A. Yesenina. Conference presentation* [Ryazan State University named after S. A. Yesenin. Conference presentation]. 135-138. (In Russian)
28. Spinoza B.D (1994) *The Ethics and Other Works*. Princeton: Princeton University Press.
29. Temkina A. (2010) Childbearing and Work-Family Balance among Contemporary Russian Women. *Finnish Yearbook of Population Research* (45): 83-101.
30. Vereshchagina A.V., Kovalev V.V., Samygin S.I. 2018. Neomatriarkhat v usloviakh krizisa patriarkhal'noi sem'i: formirovaniye novoi gendernoi kartiny mira [Neomatriarchy in Conditions of Crisis of the Patriarchal Family: The Formation of a New Gender Picture of the World]. *Gumanitarnyye, sotsial'no-ekonomicheskiye i obshchestvennyye nauki* [Humanities, socio-economic and social sciences]. (3): 13-18. (In Russian)
31. Volkova V.B. 2020. Kul'turnye stereotipy i ikh rol' v postroenii obraza zhenshchiny v televizionnoi reklame [Cultural Stereotypes and Their Role in the Construction of A Woman's Image in Television Advertising]. *Aktualnye Problemy Sovremennoy Nauki, Tekhniki i Obrazovaniya* [Current problems of modern science, technology and education]. (2): 49-52. (In Russian)

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОСТЬ В КОНСТРУИРОВАНИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ РУССКОЙ ЖЕНЩИНЫ

Лейла ХАДЕМ МАКСУС ХОССЕЙНИ – докторант МГИМО МИД России, младший научный сотрудник, Университет религий и конфессий, Кум, Иран.

E-mail: leila.hosseiny60@gmail.com

119454, Москва, пр-т Вернадского, д. 76.

Поступила в редакцию: 02.02.2024 Принята к публикации: 11.03.2024

Конфликт интересов: Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Аннотация: Гетеронормативная политика России привлекает значительное внимание, главным образом, со стороны западных ученых, осуждающих гендерную регуляризацию идентичностей в российской культурной политике. Я исследую потенциал этой политики в легитимизации внутренней власти, создании контргегемонии, а также потенциал геополитического влияния, противостоящего глобальной гегемонии Запада.

В статье рассматривается дискурсивная конструкция субъектов автоуправления, чтобы пролить свет на то, как национальная идентичность формируется правительственностью. Методологически это основано на фукодианском прочтении Грамши, предполагающем, что правительственность может быть способом завоевать согласие подданных для обеспечения гегемонии. Чтобы исследовать правительственность, я показываю, как свобода женщин контролируется как в рациональной, так и в аффективной среде. В статье показано, что доминирующие в России дискурсы, такие как реклама, изображают женскую идентичность в соответствии с традиционными гендерными нормами. Однако социальная пропаганда и идеализация женского тела являются новыми аспектами русской женщины в отличие от дискурса сексуального замалчивания в СССР. Женщины в рациональной среде выбирают не маргинализированную негетеронормативную женскую идентичность. В аффективной среде построение женской идентичности контролируется чувствами, вызываемыми различными дискурсами, например средствами массовой информации. Субъекты самоуправления соглашаются на традиционную женскую идентичность, что придает им субъективность и легитимизирует государственную власть. Изображение испорченной западной морали в противовес российской этике вызывает ощущение дуализма угроза-обещание, чужой-свой. Эти привязанности защищают от негетеронормативной женской идентичности. Делается вывод, что разграничение границ между морально девиантным Западом и этической Россией потенциально может привести к созданию геополитической гегемонии России как глобального спасителя.

Ключевые слова: гетеронормативность, национальная идентичность, искусство управления, согласие, гегемония

Список литературы

1. Alexander K. (2014) The Silenced Citizens of Russia: Exclusion of Non-heterosexual Subjects from Rights-Based Citizenship. *Social & Legal Studies* 23(2): 151–174.

2. Alexandra V. (2018) Russian Politics of Masculinity and the Decay of Feminism: The Role of Dissent in Creating New «Local Norms». *William & Mary Journal of Race, Gender, and Social Justice* 25(1): 59–86.
3. Anderson P. (2017) *The Antinomies of Antonio Gramsci*. London: Verso Books.
4. Basulto D. (2015) *Russophobia: How Western Media Turns Russia Into the Enemy*. Dominic Basulto.
5. Buana D.R., Pratiwi R.N. P. (2020) Why are Russian Women Stunning?: General Perspective on Men Deficiency in Russia and Its Effect on Female Premarital Investments. *International Journal of Scientific and Research Publications* 10(2): 494–502.
6. Butler J. (2006) *Gender Trouble: Feminism and the Subversion of Identity*. New York: Routledge.
7. Chaney P. (2018) Civil Society, 'Traditional Values' and LGBT Resistance to Heteronormative Rights Hegemony: Analysis of the UN Universal Periodic Review in the Russian Federation. *Europe-Asia Studies* 70(4): 638–665.
8. Crehan K. (2016) *Gramsci's Common Sense: Inequality and its Narratives*. Durham: Duke University Press Books.
9. Cushman E., Avramov K. (2021) Eurosodom: Specifics of Weaponized Sexuality and Gender-Based Narratives in Contemporary Russian and Pro-Russian Disinformation. *ICONO 14, Revista de comunicación y tecnologías emergentes* 19(1): 123–154.
10. Davydova D. (2019) *Between Heteropatriarchy and Homonationalism: Codes of Gender, Sexuality, Race/Ethnicity in Putin's Russia*. A Dissertation of Doctoral Philosophy, Women's Studies, York University, Toronto.
11. Dogangun G. (2020) Gender Climate in Authoritarian Politics: A Comparative Study of Russia and Turkey. *Politics & Gender* 16(1): 258–284.
12. Edenborg E. (2015) Banning "Homosexual Propaganda": Belonging and Visibility in Contemporary Russian Media. *Sexuality and Culture* 19(2): 256–274.
13. Edenborg E. (2021) Anti-Gender Politics as Discourse Coalitions: Russia's Domestic and International Promotion of "Traditional Values". *Problems of Post-Communism* 70(2): 175–184.
14. Foucault M. (1978) *The History of Sexuality*. New York: Pantheon Books.
15. Foucault M. (2007) *Security, Territory, Population: Lectures at the College de France 1977–1978*. New York: Palgrave Macmillan.
16. Foucault M., Senellart M., Ewald F., Fontana A. (2009) *Security, territory, population: Lectures at the Collège de France, 1977–1978*. New York: Picador.
17. Gramsci A. (1971) *Selections from the Prison Notebooks*. New York: International Publishers Co.
18. Iepuri V. (2017) Contemporary Russian Advertising as a Sociocultural Phenomenon. *Russian Language Journal* (67): 55–76.
19. Kantola A., Seeck H., Mannevu M. (2019) Affect in governmentality: Top executives managing the affective milieu of market liberalisation. *Organization* 26(6): 761–782.
20. Lalo A. (2011) *Libertinage in Russian Culture and Literature (Russian History and Culture)*. Brill Press.
21. Mazzarino A. (2013) Entrepreneurial Women and the Business of Self-Development in Global Russia. *Journal of National Library of Medicine (PMC)* 38(3): 623–645.
22. Medvedeva E.I. (2019) A woman's image in the car advertisements: stereotypes and sexism. *Journal of Woman in Russian Society* (1): 87–96.
23. Romashko T. (2018) Biopolitics and Hegemony in Contemporary Russian Cultural Policy. *Russian politics* (3): 88–113.
24. Rutland P. (2013) Neoliberalism and the Russian transition. *Review of International Political Economy* 20(2): 332–362.
25. Scheller-Boltz D. (2017) *The discourse on Gender Identity in contemporary Russia: An Introduction with a Case Study in Russian Gender Linguistics*. New York: Georg Olms Verlag.

26. Spinoza B.D (1994) *The Ethics and Other Works*. Princeton: Princeton University Press.
27. Temkina A. (2010) Childbearing and Work-Family Balance among Contemporary Russian Women. *Finnish Yearbook of Population Research* (45): 83–101.
28. Верещагина А. В., Ковалев В.В., Самыгин С.И. (2018) Неоматриархат в условиях кризиса патриархальной семьи: формирование новой гендерной картины мира. *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки* (3): 13–18.
29. Волкова В. Б. (2020) Культурные стереотипы и их роль в построении образа женщины в телевизионной рекламе. *Актуальные проблемы современной науки, техники и образования* (2): 49–52.
30. Османов Э. М., Прокопов А. Ю. (2020) Медико-биологическая и социальная значимость женского бесплодия. *Медицина и Физическая культура: Наука и практика* 1(5): 29–38.
31. Шкрабак Е. В., Голодова О. А. (2020) Влияние рекламы на формирование гендерных стереотипов у подростков в России и за рубежом. *Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина. Презентация конференции*. 135–138.

ИНТЕРРЕГИОНАЛИЗМ В КОНТЕКСТЕ СОЗДАНИЯ ЗСТ МЕЖДУ ИНТЕГРАЦИОННЫМИ ОБЪЕДИНЕНИЯМИ (ЕС И ЕАЭС) И ИНДОНЕЗИЕЙ: ПЕРСПЕКТИВЫ И ПРЕПЯТСТВИЯ

Алиса УРЮПИНА
МГИМО МИД России

Аннотация: Интеграционные группировки различаются по уровню развития интеграционного взаимодействия, экономическому потенциалу и роли в мировом сообществе. Наиболее успешным с точки зрения достигнутого уровня региональной интеграции является Европейский союз (ЕС), который активно выстраивает внешние связи с различными регионами мира, отдельными странами и интеграционными объединениями. Наиболее интенсивно ЕС развивает интеррегиональную политику в регионе Латинской Америки – с Общим рынком стран Южной Америки (МЕРКОСУР) – и в Азии – с Ассоциацией государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН). Зачастую под интеррегионализмом понимается сотрудничество именно между двумя интеграционными объединениями. Такое взаимодействие называют «чистым» или идеальным типом интеррегионализма. Однако выделяется и другой тип, при котором взаимодействие ведется не с интеграционным объединением, а с его отдельной страной-участницей – квази-интеррегионализм. Так, например, в Юго-Восточной Азии (ЮВА) прослеживается сосуществование разных типов интеррегионализма: «чистый» интеррегионализм – ЕС–АСЕАН; квази-интеррегионализм – ЕС–Индонезия, ЕС–Сингапур, ЕС–Вьетнам и другие страны объединения. В данной статье будет рассмотрен кейс квази-интеррегионализма по линии ЕС–Индонезия. В свою очередь Евразийский экономический союз (ЕАЭС) также проводит активную интеррегиональную политику и развивает торгово-экономическое сотрудничество со странами АСЕАН. ЕАЭС уже заключил соглашения о ЗСТ с Сингапуром и Вьетнамом. Актуальным является вопрос о заключении сделки о ЗСТ и с Индонезией, переговоры по которой начались весной 2023 г. Актуальность исследования обусловлена недостаточной изученностью интеррегионального опыта по линии ЕАЭС–Индонезия как отечественными, так и зарубежными авторами, а сопоставление с более изученным кейсом квази-интеррегионализма ЕС–Индонезия может послужить основой для более углубленного изучения тематики. Целями данной статьи является сопоставление интеррегионального опыта ЕС и ЕАЭС с Индонезией, выявление факторов, способствующих и препятствующих проведению интеррегиональной политики в регионе, представление прогнозной оценки относительно судьбы соглашений ЕС и ЕАЭС с Индонезией. Критериями сравнительного анализа выступают состояние торговых отношений, уровень их институционализации, а также препятствия на пути к заключению соглашений о ЗСТ.

Алиса Эдуардовна Урюпина – преподаватель кафедры государственного управления, соискатель кафедры мировых политических процессов, МГИМО МИД России.
ORCID: 0000-0002-4991-065X. E-mail: uryupina.a.e@my.mgimo.ru
119454, Москва, пр-т Вернадского, д. 76.

Поступила в редакцию: 28.11.2024

Принята к публикации: 27.03.2024

Конфликт интересов: Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Ключевые слова: интеррегионализм, квази-интеррегионализм, зона свободной торговли, региональные объединения, Европейский союз, АСЕАН, Евразийский экономический союз, Индонезия

Интеррегионализм в современных международных отношениях

В современном научном дискурсе не сложилось однозначного определения феномена интеррегионализма. Зачастую под ним понимаются институционализированные отношения между двумя региональными интеграционными объединениями. Первыми и фундаментальными считаются труды таких зарубежных исследователей, как Р. Ролоффа, Х. Хэнги, Ю. Рюланда, Л. ван Лангенхова, Ф. Содербаума, В. Аггарвал и Э. Фогарти. Они внесли значительный вклад в исследования интеррегионализма, предприняли попытки проанализировать феномен как международную стратегию, ввести и обосновать типологии и черты, определили функции и роль интеррегионализма в международных отношениях.

Настоящее исследование опирается на ставшее классическим разделение интеррегионализма на «чистый», или классический интеррегионализм, трансрегионализм, квази-интеррегионализм и мегарегионы. «Чистый» интеррегионализм является идеальным типом, а именно взаимодействием между двумя региональными группами, например, ЕС–АСЕАН. Трансрегионализм понимается как взаимодействие двух или более регионов, со слабой вовлеченностью участников, где ни один регион не ведет переговоры в качестве региональной организации (Söderbaum, Baert, Scaramagli, 2014). Тогда как ряд ученых в своих работах разграничивают транс- и интеррегионализм, другие, напротив, рассматривают трансрегионализм как один из видов интеррегионализма или вовсе выводят из употребления термин «трансрегионализм», заменяя его «интеррегионализмом». Так, например, Д.А. Кузнецов рассматривает интеррегионализм как один из типов трансрегионализма, понимаемый как связи двух интеграционных объединений или интеграционного образования с отдельным государством (Кузнецов, 2022).

Отдельное внимание следует уделить квази-интеррегионализму. Данный термин применим для описания отношений региональной организации / группы и отдельной страны другого региона. Такого рода взаимодействие не всегда относят к интеррегионализму, так как оно не подразумевает взаимодействие двух регионов. Подобный подход может быть опровергнут тем, что государство, с которым осуществляется взаимодействие, может выступать региональным лидером, а такой тип отношений может быть составной частью выстраивания политики регион–регион (Söderbaum, Baert, Scaramagli, 2014). Примером квази-интеррегионализма являются отношения ЕС–Индонезия и ЕАЭС–Индонезия.

Кейс ЕС–Индонезия

Внешняя политика ЕС по отношению к Индонезии является частью интеррегионального взаимодействия по линии ЕС–АСЕАН. Сотрудничество ЕС–АСЕАН имеет долгую историю. Идея о начале более тесного сотрудничества с ЕС зародилась еще в 1971 г. на IV встрече министров иностранных дел АСЕАН. Для стран АСЕАН сотрудничество с ЕС (ЕЭС) было способом обретения новых рынков сбыта, выгодных условий участия в европейской системе преференций в торговле с развивающимися странами. Кроме того, развитие связей с ЕЭС могло бы уравновесить традиционное американское и возрастающее после 1970-х гг. японское влияние в ЮВА.

Взаимодействие прошло различные этапы периодической интенсификации и ослабления сотрудничества. В 2003 г. Еврокомиссия выпустила обращение под названием «Новое партнерство с Юго-Восточной Азией», отражающее обновленный подход к партнерству со странами ЮВА, который предполагал более гибкие отношения, использование многосторонних и двусторонних связей, при учете различий в политическом и социально-экономическом развитии. В 2006 г. Европейская комиссия определила АСЕАН в качестве приоритетного региона для выстраивания более тесных экономических связей, а в 2007 г. были запущены переговоры по межрегиональному торговому соглашению с АСЕАН. Однако в 2009 г. их пришлось приостановить и выбрать путь выстраивания двусторонних торговых отношений, которые в свою очередь должны были стать плацдармом для будущего межрегионального соглашения. На сегодняшний день ЕС успешно завершил переговоры о создании ЗСТ с двумя странами-участницами АСЕАН – с Сингапуром и Вьетнамом (Урюпина, 2022).

Торгово-экономическое сотрудничество представляет собой одну из приоритетных областей как для ЕС, так и для самой Индонезии. ЕС является пятым по величине торговым партнером Индонезии, в то время как Индонезия является 31-м глобальным торговым партнером ЕС и пятым партнером Евросоюза в АСЕАН в 2020 г.¹ За последние годы Индонезия продемонстрировала быстрый экономический рост, особенно в послековидный период. Согласно полугодовому отчету Всемирного банка «Экономические перспективы Индонезии» в 2022 г., экономический рост страны составил 5,3%, однако на фоне нормализации внутреннего спроса после пандемии наблюдается его снижение до 4,9% в 2023 г.²

¹ European Commission, Commission Welcomes European Parliament's Approval of EU-Vietnam Trade and Investment Agreements (2020). *European Commission*, 12 February. 2020. Available at: www.ec.europa.eu (accessed 25 September 2023).

² The Invisible Toll of COVID-19 on Learning (2023). *World Bank*, 26 June. 2023. Available at: <https://www.worldbank.org/> (accessed 28 September 2023).

Основой для установления более крепких экономических, политических и культурных связей можно считать Рамочное соглашение о всестороннем партнерстве и сотрудничестве ЕС–Индонезия, вступившее в силу в мае 2014 г. Данное соглашение заложило фундамент для проведения регулярного диалога по вопросам прав человека, безопасности и экологии, а также вывело двусторонние отношения ЕС и Индонезии на новый уровень³.

Переговоры о ЗСТ ЕС–Индонезия (СЕРА) были запущены в июле 2016 г. На момент подготовки текста статьи уже состоялись 15 раундов переговоров, последний из которых – в июне 2023 г. Цель будущего соглашения состоит в создании ЗСТ, которая облегчит торговлю и инвестиции, а также охватит широкий круг вопросов, включая тарифы, нетарифные барьеры, торговлю услугами и инвестиции, торговые аспекты государственных закупок, правила конкуренции, права интеллектуальной собственности, устойчивое развитие. По основным вопросам (технические торговые барьеры, либерализация торговли товарами, конкуренция и антимонопольное законодательство) дискуссии продвигаются достаточно успешно⁴.

Для определения будущей судьбы соглашения следует отметить предполагаемые перспективы заключения *СЕРА* и рассмотреть отношения ЕС и Индонезии в области торговли товарами и услугами.

Торговые отношения

Торговля услугами является важной частью будущего соглашения *СЕРА*. В мире рост торговли услугами превысил рост торговли товарами, достигнув 7% мирового ВВП. Ожидается, что соглашение о ЗСТ между ЕС и Индонезией будет способствовать торговле услугами между странами по четырем основным направлениям. Во-первых, соглашение обеспечит более широкий доступ к рынку услуг. Во-вторых, будет создана более гибкая система инвестирования в сектор услуг. В-третьих, соглашение должно облегчить и обеспечить большую свободу перемещения отдельных поставщиков услуг из одной экономики в другую, независимо от того, связаны ли они с компаниями или физическими лицами. В-четвертых, ожидается, что это соглашение создаст более совершенную нормативно-правовую базу в сфере услуг, учитывая различные принципы прозрачности и избегая обременительных для бизнеса практик.

Влияние сектора услуг на экономическое положение Индонезии достаточно велико. Прежде всего, сектор услуг оказывает влияние на рост ВВП Индонезии, причем с 2000-х гг. доля сектора услуг в ВВП растет. Также сектор услуг влияет на уровень занятости населения. В настоящее время около 55%

³ Partnership and cooperation agreement. Available at: <https://circabc.europa.eu/ui/group/09242a36-a438-40fd-a7af-fe32e36cbd0e/library/d9e40005-57d1-4e2e-8afb-353f3cff22c8/details> (accessed 10 October 2023).

⁴ EU trade relations with Indonesia. Facts, figures and latest developments. Available at: https://policy.trade.ec.europa.eu/eu-trade-relationships-country-and-region/countries-and-regions/indonesia_en (accessed 10 October 2023).

населения Индонезии работают в этой сфере. Примечательно, что за последнее время произошел сдвиг в сторону увеличения занятости в финансовом, телекоммуникационном и профессиональном секторах. Кроме того, стоит отметить, что в условиях роста международной торговли, сопровождаемого технологическим развитием, услуги больше не могут рассматриваться как неторгуемые товары. Соответственно, высококонкурентный экспорт услуг может увеличить торговый баланс Индонезии (Damuri, 2021).

Рассматривая торговлю услугами Индонезии и ЕС, следует отметить, что Индонезия на протяжении длительного времени является нетто-импортером услуг. Общий объем двусторонней торговли услугами между ЕС и Индонезией в 2022 г. составил 6,4 млрд евро (см. рис. 1). Кроме того, Индонезия зависит от ряда услуг, импортируемых из ЕС, к которым относятся, например, транспорт, услуги связи, компьютерные и информационные технологии, а также финансы. Основными препятствиями в торговле услугами между ЕС и Индонезией являются ограничения в отношении допуска на рынок зарубежных поставщиков услуг, особенно в сфере телекоммуникаций, транспортного и финансового секторов.

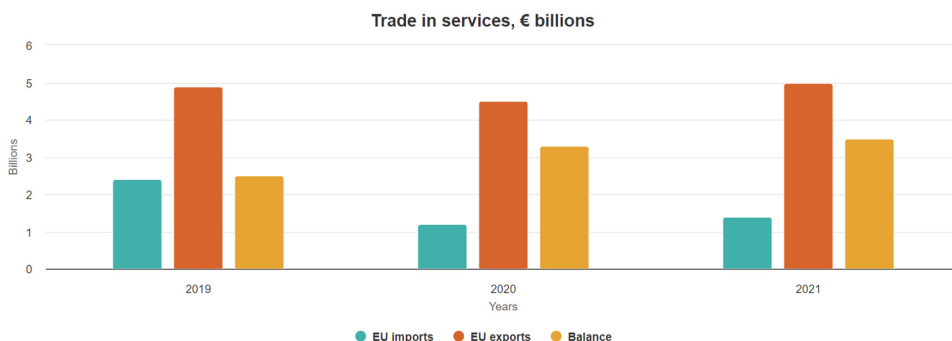

Рисунок 1. Торговля услугами между ЕС и Индонезией⁵
Figure 1. Trade in services between the EU and Indonesia

ЕС является одним из главных торговых партнеров Индонезии. На 2022 г. двусторонний объем торговли товарами составил 32,6 млрд евро (см. рис. 2). Наиболее важным преимуществом соглашения *CEPA* является либерализация торговых отношений, которая увеличивает интенсивность торговли товарами и услугами, стимулирует приток инвестиций, а также повышает уровень участия страны в глобальных цепочках создания стоимости. Ожидается, что в Индонезии свободная торговля с ЕС будет стимулировать приток прямых иностранных инвестиций (ПИИ), что укрепит ее производственный сектор (Hennessy & Winanti, 2022).

⁵ European Commission. Available at: <https://policy.trade.ec.europa.eu>. (accessed 10 October 2023).

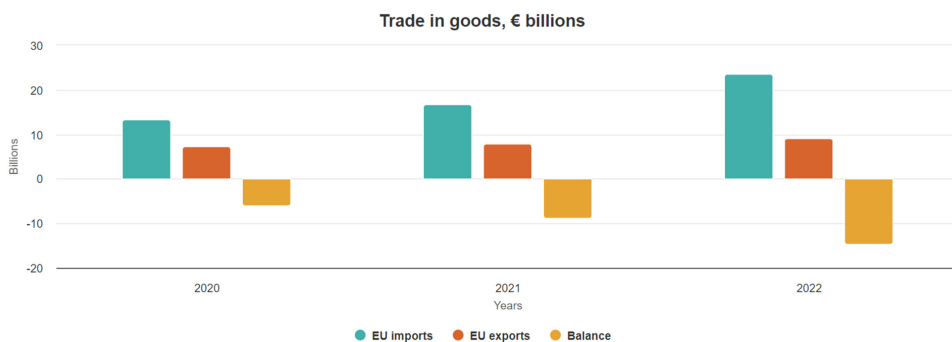

Рисунок 2. Торговля товарами между ЕС и Индонезией⁶
Figure 2. Trade in goods between the EU and Indonesia

Другим преимуществом сотрудничества между двумя экономиками является их взаимодополняемость. Индонезия в основном экспортирует товары первичного сектора, в то время как в экспорте ЕС преобладают товары вторичного сектора. Такая взаимодополняемость экономик объясняется различием в социально-экономическом происхождении, экономическом и технологическом развитии. Основная продукция, которую Индонезия экспортирует на рынок Евросоюза, включает продукты растительного масла, электронное оборудование, обувь, резину и химическую продукцию. Одним из основных продуктов экспорта Индонезии на рынок ЕС является пальмовое масло, на долю которого в 2019 г. пришлось 10% от общей стоимости экспорта Индонезии в ЕС.

Тем не менее торговые отношения между двумя сторонами по-прежнему недостаточно оптимизированы, поскольку индонезийские и европейские товары ограничены как тарифными, так и нетарифными барьерами. В отдельных случаях внутреннее законодательство Индонезии препятствует дальнейшему расширению торговли между двумя экономиками. Например, ограничениями выступают требования к уровню участия местных производителей в торговле, экспортные пошлины и политика импорта плодоовощной продукции. Со стороны ЕС ввозу индонезийской продукции зачастую препятствуют правила происхождения товаров, санитарные и фитосанитарные правила, а также специальные лицензии на продукцию. Предполагается, что заключение соглашения *СЕРА* приведет к снижению торговых барьеров и повысит конкурентоспособность индонезийской продукции за счет предоставления доступа к качественным ресурсам, необходимым для местной промышленности, особенно в производственном секторе (Damuri, 2021).

⁶ European Commission. Available at: <https://policytrade.ec.europa.eu>. (accessed 10 October 2023).

За последние десятилетия ПИИ из ЕС в Индонезию значительно выросли. Только в 2021 г. суммарный объем ПИИ ЕС в Индонезию составил около 20,4 млрд евро (см. рис. 3)⁷. Предполагается, что Соглашение увеличит объем ПИИ в Индонезию. Индонезия рассматривает ЕС как рынок новых технологий, в обмен на которые она готова предоставлять высокотехнологичные отрасли для совместной разработки. Также Индонезия заинтересована в инвестициях ЕС в технологическую отрасль, в особенности в развитие «умных городов» и новых технологий (Salam, 2018). Для Индонезии цель заключения соглашения с ЕС видится в первую очередь в привлечении инвестиций с целью финансирования ключевых областей экономики Индонезии, к которым относятся инфраструктура, образование, высокие технологии, борьба с изменением климата, цифровая инфраструктура.

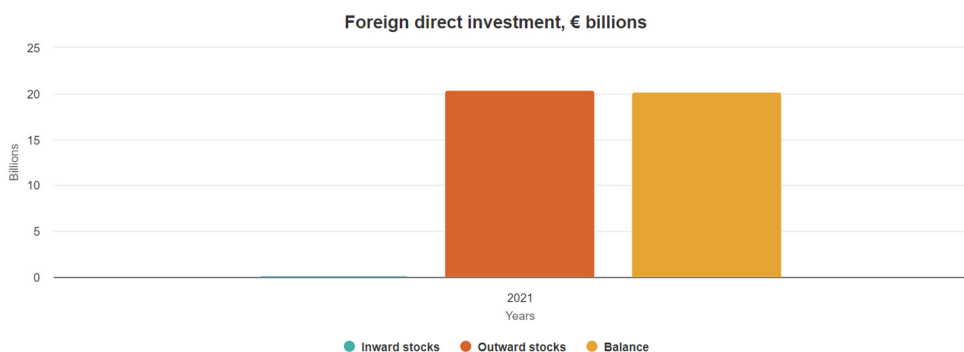

Рисунок 3. Объем ПИИ ЕС в Индонезию⁸
Figure 3. EU FDI in Indonesia

Причины, препятствующие заключению соглашения о ЗСТ ЕС–Индонезия

Устойчивое производство пальмового масла. Одной из причин, тормозящих подписание соглашения *СЕРА*, является дискуссия относительно производства пальмового масла в Индонезии. Индонезия считается крупнейшим мировым производителем и экспортером пальмового масла. По данным 2023 г. сектор пальмового масла в стране составляет около 60% мирового производства⁹. Производство пальмового масла является источником рабочих мест и способствует развитию инфраструктуры в регионах, где оно реа-

⁷ EU trade relations with Indonesia. Facts, figures and latest developments. Available at: https://policy.trade.ec.europa.eu/eu-trade-relationships-country-and-region/countries-and-regions/indonesia_en (accessed 20 September 2023).

⁸ European Commission. Available at: <https://policy.trade.ec.europa.eu>. (accessed 10 October 2023).

⁹ Palm Oil Explorer (2023). *Foreign Agricultural service*. Available at: <https://ipad.fas.usda.gov/cropeexplorer/cropview/commodityView.aspx?cropid=4243000> (accessed 20 October 2023).

лизуется. Однако с быстрым ростом производства возникает проблема нанесения экологического вреда, связанного с вырубкой лесов для расширения плантаций.

Несмотря на то, что Индонезия остается крупнейшим производителем пальмового масла, в последнее время наблюдается сдвиг в структуре спроса, ориентированного на экспорт, к внутреннему потреблению, что связано с запуском новой программы по производству биодизельного топлива с содержанием пальмового масла. По прогнозам, экспорт в период 2020–2025 гг. снизится на 7,66% после увеличения поставок на 8,09% в период 2016–2020 гг., в то время как внутреннее потребление продемонстрировало значительный рост благодаря обязательной программе использования биотоплива¹⁰.

Сектор производства пальмового масла является не только одной из ключевых сфер для экономики страны, но и играет важную роль в ее торговых отношениях с ЕС. Для продвижения переговоров по *СЕРА* и урегулирования вопросов устойчивого производства пальмового масла в марте 2020 г. Индонезия обратилась к Органу по урегулированию споров с просьбой создать рабочую группу для рассмотрения этого вопроса. В июне 2022 г. было проведено второе совещание совместной рабочей группы по пальмовому маслу между Европейским союзом и государствами-членами АСЕАН, на котором участники обсудили критерии устойчивости в области производства пальмового масла, процедуры соблюдения законов, мониторинг и обеспечение соблюдения стандартов сертификации. Участники согласились с тем, что критерии устойчивости должны основываться на Повестке дня на период до 2030 г. и ее Целях в области устойчивого развития, а также учитывать Парижское соглашение (Урюпина, 2022).

Проблема лесного регулирования. Как отмечалось ранее, производство пальмового масла может отрицательно повлиять на лесную экосистему, поскольку для расширения плантаций часто используются участки леса, что вызывает разрушение природной среды. Это приводит к уменьшению биоразнообразия, деградации почв и водных ресурсов, а также уменьшению устойчивости экосистем к климатическим изменениям. Кроме того, рубка лесов в Индонезии является одной из главных причин выброса углекислого газа в атмосферу, что провоцирует глобальное потепление и климатические изменения.

В 2013 г. было подписано Соглашение о добровольном партнерстве ЕС–Индонезия (*VPA*) о лицензировании управления соблюдением лесного законодательства и торговли (*FLEGT*)¹¹ с целью борьбы с проблемой незаконных лесозаготовок. Соглашение о добровольном партнерстве направлено на

¹⁰ Экспорт пальмового масла из Индонезии сократится в 2023 году (2023). *Oil World.ru*. 09 Март, 2023. Available at: <https://www.oilworld.ru/analytics/forecast/33779> (accessed 20 October 2023).

¹¹ Voluntary Partnership Agreement between the European Union and the Republic of Indonesia on forest law enforcement, governance and trade in timber products into the European Union (2014). Available at: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A22014A0520%2802%29> (accessed 10 October 2023).

обеспечение того, чтобы древесина, продаваемая из страны-производителя в ЕС, поступала из законных источников. Кроме того, соглашение направлено на поддержку страны-партнера в усовершенствовании управления и регулирования лесного хозяйства. Однако в данной области существуют проблемы, связанные с административными аспектами: высокая стоимость сертификации и отсутствие стимулов, особенно для малых и средних предприятий, низкая конкурентоспособность, дополнительные издержки для экспортеров наряду с прочими сертификационными требованиями (Hadiprasetya, Kim, 2022).

В этом контексте также следует упомянуть новый регламент ЕС "*EU Deforestation Regulation*" (*EUDR*)¹², который был принят с целью сокращения использования товаров, способствующих вырубке лесов. Учитывая климатическую повестку, *EUDR* направлен на защиту климата и биоразнообразия и требует от компаний большего контроля за производством товаров. Новые правила регламента касаются следующих продуктов: крупный рогатый скот, какао, кофе, пальмовое масло, соя, древесина, каучук, древесный уголь, бумажная продукция, а также товары, содержащие эти продукты или изготовленные с их использованием. Компаниям разрешено экспортировать данные категории товаров в ЕС только в случае, если поставщик предоставит подтверждающую информацию о том, что продукция не была выращена на территориях, подвергшихся вырубке лесов после 2020 г. Дополнительно требуется предоставить документацию, подтверждающую соответствие товаров законодательству страны производства в отношении защиты прав человека. Данный регламент вступит в силу 30 декабря 2024 г., что ставит под сомнение факт предоставления соответствующей документации и выполнения всех условий в назначенный срок¹³.

С одной стороны, принятие данного закона может стать важным шагом в сохранении лесов и охране окружающей среды. С другой стороны, с принятием новых правил экспорт некоторых товаров может значительно сократиться. Отдельные продукты, особенно пальмовое масло, могут подвергнуться дискриминации, что несомненно пагубно скажется на экспорте в страны ЕС. Кроме того, небольшие компании могут столкнуться с значительными трудностями при выполнении требований нового законодательства из-за нехватки ресурсов и технической оснащенности. Малые предприниматели могут быть подвергнуты «эффективным, пропорциональным и сдерживающим штрафам», указанным в тексте нового регламента¹⁴. В свою очередь, важно

¹² Implementation of the EUDR (2023). Available at: <https://fefac.eu/priorities/sustainability/implementation-of-the-eudr/> (accessed 20 October 2023).

¹³ Европарламент одобрил закон о борьбе с вырубкой лесов (2023). *Ведомости*. 20 апреля, 2023. Available at: <https://www.vedomosti.ru/esg/regulation/articles/2023/04/20/971803-evroparlament-odobril-zakon-o-borbe-virubkoi-lesov> (accessed 10 October 2023).

¹⁴ European Union palming off deforestation regulation to smallholders in Indonesia East Asia Forum (2023). 10 October, 2023. Available at: <https://www.eastasiaforum.org/2023/10/10/european-union-palming-off-deforestation-regulation-to-smallholders-in-indonesia/> (accessed 10 November 2023).

упомануть, что за последние годы Индонезия значительно сократила темпы вырубки леса, что подтверждает отчет о состоянии мировых лесов (*Global Forest Review, GFR*)¹⁵, опубликованный Институтом мировых ресурсов.

Вопрос соблюдения лесного законодательства становится особенно актуальным в контексте обсуждений соглашения о ЗСТ ЕС–Индонезия. Индонезия утверждает, что Соглашение может носить дискриминационный характер или использоваться в качестве замаскированных торговых ограничений¹⁶.

Экспорт никеля. Индонезия также считается одним из главных производителей никеля в мире, который является основным компонентом для производства аккумуляторов, электромобилей и других технологий. На Индонезию приходится четверть мировых запасов никеля, а объем добычи составляет 38% от мирового показателя¹⁷. Добыча никеля открывает большие экономические возможности перед Индонезией, но в то же время индонезийская никелевая программа может привести к экологическим проблемам. Причина заключается в используемом в стране методе производства, который оставляет почти вдвое больше отходов, требующих обработки и безопасного хранения, что повышает риск загрязнения.

Экспорт никеля также является дискуссионным вопросом при переговорах о *СЕРА*, в частности, речь идет о запрете на экспорт никелевых руд, введенный Индонезией. Этот запрет побудил Европейский союз в 2019 г. подать жалобу во Всемирную торговую организацию (ВТО), в которой утверждалось, что политика Индонезии несправедливо наносит ущерб сталелитейной промышленности ЕС. В ноябре 2022 г. ВТО вынесла решение в пользу ЕС, сославшись на то, что запрет Джакарты не соответствует правилам глобальной торговли. Индонезия обжаловала данное решение. Президент Индонезии Джоко Видодо считает, что запрет на экспорт необработанной никелевой руды благоприятно влияет на экономику, так как позволяет перерабатывать никель и развивать перерабатывающую промышленность внутри страны¹⁸.

Понимание концепции прав человека и вопросов демократии. Несмотря на то, что Соглашение имеет в большей степени экономическую окраску, вопросы прав человека также обсуждаются. Индонезия традиционно выступает противником конфликтов, а внешняя политика страны содержит в себе демократический элемент, частью которого является уважение прав челове-

¹⁵ Global forest review. Available at: <https://research.wri.org/gfr/global-forest-review> (accessed 10 October 2023).

¹⁶ Indonesia accuses EU of 'regulatory imperialism' with deforestation law (2023). Reuters. 08 June, 2023. Available at: <https://www.reuters.com/business/environment/indonesia-accuses-eu-regulatory-imperialism-with-deforestation-law-2023-06-08/> (дата обращения: 10.10.23)

¹⁷ Unleashing Nickel's Potential: Indonesia's Journey to Global Prominence(2023). *ASEAN Briefing*. 30 May, 2023. Available at: <https://www.aseanbriefing.com/news/unleashing-nickels-potential-indonesias-journey-to-global-prominence/> (accessed 15 October 2023).

¹⁸ Indonesia Defends Nickel Appeal Amid WTO's Appellate Body Crisis (2023). *Jakarta Globe*. 03 October, 2023. Available at: <https://jakartaglobe.id/business/indonesia-defends-nickel-appeal-amid-wtos-appellate-body-crisis> (accessed 15 October 2023).

ка (Куклин, 2021). Однако понимание Индонезией концепции прав человека отлично от европейского и зачастую рассматривается с упором на суверенитет в контексте социальной справедливости. Это объясняется тем, что в представлении Индонезии права человека должны обеспечиваться через институты государственности, а не через развитие индивидуальных концепций (El Muhtaj, 2022).

На основе анализа перспектив заключения соглашения о ЗСТ между ЕС и Индонезией, а также ключевых препятствий его подписанию, можно сделать предварительный прогноз относительно его судьбы. Несомненно, Соглашение принесет значительные выгоды как для ЕС, так и для Индонезии. Однако ряд разногласий сторон по вопросам производства пальмового масла, вырубки леса, экспорта никеля, равно как и разное видение концепции прав человека, а также жесткие регулятивные нормы со стороны ЕС значительно затрудняют переговоры. Еще в июле 2023 г. Индонезия выразила намерение завершить переговоры о ЗСТ к концу года, если стороны договорятся относительно ключевых вопросов¹⁹.

Важно учитывать и планируемые в феврале 2024 г. президентские выборы в Индонезии, результат которых может изменить как экономическую повестку Индонезии, так и стратегию страны в переговорах по ЗСТ. ЕС стремится заключить сделку до президентских выборов в Индонезии, чтобы избежать неблагоприятного исхода событий²⁰. Для Евросоюза еще одно соглашение со страной АСЕАН станет шагом к созданию ЗСТ ЕС–АСЕАН. Таким образом, наблюдается стремление участников к завершению переговоров, однако этого недостаточно для урегулирования ключевых вопросов. Со стороны ЕС требуется разработка более гибкого подхода, с учетом всех особенностей экономики, производства, а также культурно-исторического фона.

Кейс ЕАЭС–Индонезия

Интенсивное развитие интеррегиональных связей представляет большую значимость для ЕАЭС, что подтверждается в «Стратегии 2025»²¹. В документе в качестве одной из приоритетных задач упоминается интенсификация экономического сотрудничества с другими государствами и международными организациями с целью обеспечения всестороннего и многоформатного сотрудничества. Одним из приоритетов является укрепление взаимодействия и с АСЕАН. Сотрудничество нормативно закреплено в «Меморандуме

¹⁹ The Indonesian Government's Resistance to Complete the IEU-CEPA (2023). *Kompas*. 13 July, 2023. Available at: <https://www.kompas.id/baca/english/2023/07/13/en-airlangga-lima-isu-strategis-perlu-diselesaikan-untuk-merampungkan-ieu-cepa> (accessed 15 October 2023).

²⁰ EU seeks to conclude trade negotiation with Indonesia before 2024 elections (2023). *The Jakarta Post*. 7 September, 2023. Available at: <https://www.thejakartapost.com/business/2023/09/07/us-extends-tariff-exclusions-on-some-chinese-categories-till-end-of-2023.html> (accessed 15 October 2023).

²¹ Распоряжение от 13 февраля 2019 г. № 207-п (2019). Available at: <http://government.ru/docs/35733/> (дата обращения: 15.10.23).

о взаимопонимании между ЕЭК и АСЕАН в области экономического сотрудничества», подписанном в 2018 г. и представляющим основу для формирования устойчивого диалога для обсуждения интеррегионального взаимодействия²². Важной составляющей взаимодействия ЕАЭС и АСЕАН являются экономические отношения. Торговля между объединениями развивается достаточно динамично. Внешняя торговля между ЕАЭС и АСЕАН составила 17,9 млрд долларов, экспорт 5,2 млрд долларов и импорт 12,7 млрд долларов.

На сегодняшний день ЕАЭС стремительно развивает диалог и различные программы взаимодействия как с АСЕАН в целом, так и с ее отдельными странами-участницами. На данный момент уже выстроено взаимодействие в формате зоны свободной торговли с Вьетнамом и Сингапуром, начались активные переговоры о ЗСТ с Индонезией. В рамках данной статьи более подробно будет рассмотрен квази-интеррегионализм по линии ЕАЭС–Индонезия.

Одним из направлений интеррегионального взаимодействия ЕАЭС и Индонезии является создание общей ЗСТ. Обсуждения относительно ее создания велись еще до пандемии. В сентябре 2020 г. Совет Евразийской экономической комиссии принял решение о формировании совместных исследовательских групп по изучению вопроса целесообразности заключения соглашений о свободной торговле с Индонезией (Шеров–Игнатьев, Николаюк, Суменкова, 2021).

В мае 2022 г. Высший Евразийский экономический совет принял решение о начале переговоров по заключению соглашения о свободной торговле между ЕАЭС и Индонезией²³. В декабре 2022 г. министр по торговле ЕЭК Андрей Слепнев и министр торговли Республики Индонезии Зулкифли Хасан объявили о старте переговоров²⁴. Первый раунд переговоров прошел в апреле 2023 г., второй – в июле 2023 г. Согласно комментариям в СМИ, соглашение о ЗСТ между ЕАЭС и Индонезией может быть готово к принятию в достаточно короткой перспективе, возможно, в течение 2024 г., что даст новый импульс межрегиональным отношениями не только с Индонезией, но и с АСЕАН в целом²⁵.

В рамках готовящегося Соглашения о ЗСТ между ЕАЭС и Индонезией ставятся задачи расширения доступа товаров на рынок, упрощения торговли (в том числе посредством снижения и устранения тарифных и нетарифных барьеров), наращивания торгового оборота между сторонами, развития

²² Меморандум о взаимопонимании между Евразийской экономической комиссией и Ассоциацией государств Юго-Восточной Азии в области экономического сотрудничества (2018). Available at: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01519988/ms_22112018 (дата обращения 20.11.23).

²³ Решение Высшего Евразийского экономического совета от 27 мая 2022 года №6 «О начале переговоров с Республикой Индонезией о заключении соглашения о свободной торговле» (2022). Available at: <https://eec.eaeunion.org/comission/department/dotp/torgovy-e-soglasheniya/indonesia.php> (дата обращения 20.11.23).

²⁴ ЕАЭС и Индонезия начали переговоры по соглашению о свободной торговле (2023). *Официальный сайт ЕЭК*. 04 апреля, 2023. Available at: https://eec.eaeunion.org/news/eaes-i-indoneziya-nachali-peregovory-po-soglasheniyu-o-svobodnoy-torgovle/?sphrase_id=234681 (дата обращения 20.11.23).

²⁵ МИД РФ: ЕАЭС и Индонезия могут достичь соглашения о свободной торговле в 2024 году (2023). *ТАСС*. 16 ноября, 2023. Available at: <https://tass.ru/ekonomika/19306285> (дата обращения: 15.11.23).

торгово-экономического сотрудничества и создания дополнительных условий для повышения конкурентоспособности. К числу основных вопросов, подлежащих урегулированию, относятся правовые и «горизонтальные» вопросы, торговля товарами, правила определения происхождения товаров, меры защиты внутреннего рынка, таможенные процедуры и упрощение торговли²⁶.

Торговые отношения

В контексте изучения ЗСТ ЕАЭС–Индонезия, необходимо рассмотреть торговые отношения между сторонами. В сравнении с ЕС объем торговли ЕАЭС с Индонезией меньше, однако в последние годы наблюдается рост. Согласно статистическим данным Евразийской экономической комиссии, структура экспорта ЕАЭС в Индонезию представлена следующим образом: по основным отраслевым направлениям страны ЕАЭС в большей степени экспортируют металлы и изделия из них, на втором месте идет продукция химической промышленности и каучук, далее минеральные продукты, продовольственные товары, древесина и изделия из нее (см. рис. 4).

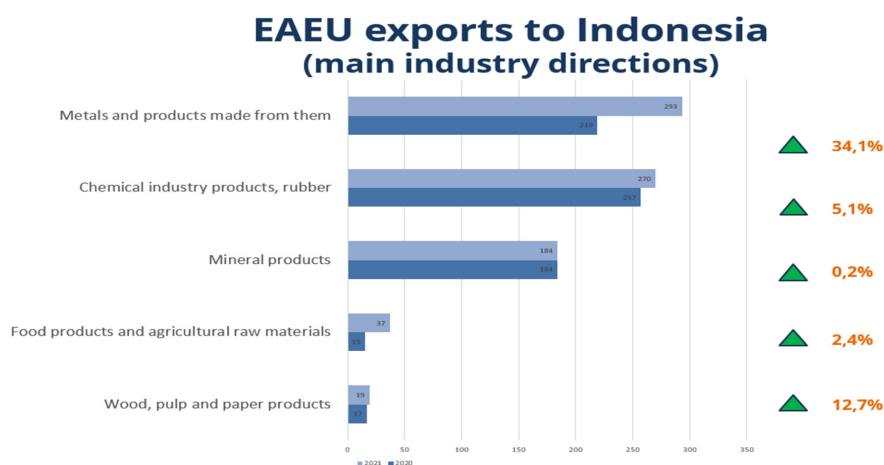

Рисунок 4. Структура экспорта ЕАЭС в Индонезию²⁷

Figure 4. EAEU exports to Indonesia

Явно лидирует импорт продовольственных товаров и сельскохозяйственного сырья. Примерно на одном уровне идет импорт машин и оборудования, текстиля, обуви, продукции химической промышленности и каучука, а на по-

²⁶ Решение Совета Евразийской экономической комиссии от 15 апреля 2022 года N 60 «Об итогах работы совместной исследовательской группы по изучению вопроса о целесообразности заключения соглашения о свободной торговле между Евразийским экономическим союзом и его государствами-членами, с одной стороны, и Республикой Индонезией, с другой стороны» (2022). Available at: <https://docs.cntd.ru/document/350249570> (дата обращения: 15.11.23).

²⁷ Внешняя торговля ЕАЭС с Индонезией (2021). Available at: https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/dc0/EAES_Indoneziya.pdf (дата обращения: 15.11.23).

следнем месте – импорт металлов (см. рис. 5). Важно отметить, что основной позицией импорта из Индонезии в страны ЕАЭС является пальмовое масло. Также в страны ЕАЭС импортируется кокосовое и пальмоядровое масла, натуральный каучук и какао-масло.

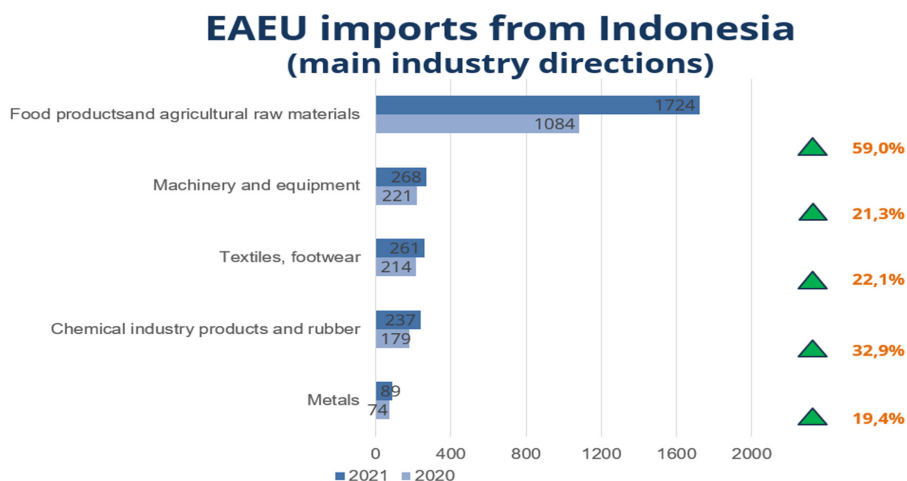

Рисунок 5. Структура импорта ЕАЭС из Индонезии²⁸
Figure 5. EAEU imports from Indonesia

Согласно статистическим данным, доля стран ЕАЭС в мировом импорте пальмового масла увеличилась с 2,1% в 2017 г. до 2,7% в 2021 г. за счет ввоза в Россию. Россия – один из крупнейших в мире потребителей пальмового масла, так как оно является одним из основных ингредиентов для пищевой и перерабатывающей промышленности. Россия занимает 9-е место в мире по его импорту, а основным экспортером выступает Индонезия. Сегодня примерно 30% закупаемого Россией пальмового масла потребляет кондитерская промышленность, около 25% приходится на продукты быстрого приготовления, около 13% – на молочную промышленность, 15% – на индустрию хлебопекарных изделий, 3% – на маргарины и спреды²⁹.

Хотя рынок масличных культур в странах ЕАЭС остается достаточно развитым из-за собственного производства подсолнечного масла, можно предположить, что с заключением соглашения о ЗСТ импорт пальмового масла будет расти, поскольку страны ЕАЭС импортируют, главным образом, тропические масла, которые не производятся на их собственной территории по природно-климатическим причинам.

²⁸ Внешняя торговля ЕАЭС с Индонезией (2021). Available at: https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/dc0/EAES_Indoneziya.pdf (дата обращения: 15.11.23).

²⁹ Бороться нужно со всем фальсификатом, а не только, – в «Эфко» ответили на заявление Вячеслава Володина о пальмовом масле (2023). *Абирег*, 07 июня, 2023. Available at: <https://abireg.ru/newsitem/98274/> (дата обращения: 15.11.23).

Взаимодействие ЕАЭС и Индонезии развивается также в диалоговом формате в рамках различных форумов, конференций, бизнес-миссий, выставок. Так, например, в мае 2023 г. Индонезия приняла участие в бизнес-диалоге ЕАЭС–Индонезия, организованного в рамках II Евразийского экономического форума. Там же состоялась презентация отраслевых проектов.

Возможные препятствия на пути к заключению соглашения о ЗСТ ЕАЭС–Индонезия

Подчеркнем, что переговоры относительно создания ЗСТ ЕАЭС–Индонезия были запущены не так давно, поэтому значительных препятствий выявить не представляется возможным. Однако принимая во внимание внешнеполитическую обстановку, можно сделать некоторые предположения относительно факторов, которые могут повлиять на переговоры о ЗСТ.

Недостаточный опыт интеррегиональной политики ЕАЭС. Как было отмечено ранее, ЕАЭС стремится активно развивать интеррегиональную политику, особенно с АСЕАН и отдельными государствами-членами. Однако по сравнению с Евросоюзом на данный момент ЕАЭС не обладает большим опытом осуществления интеррегиональной политики.

Санкционная политика в отношении некоторых стран ЕАЭС (Россия и Белоруссия) может стать препятствием в переговорном процессе. Из-за финансовых санкций, которые были наложены на отдельные страны ЕАЭС, возникла необходимость выстраивать новую финансовую модель взаимодействия. Расчеты и торговля в долларах, евро, фунтах и даже японских иенах невозможны для отдельных стран ЕАЭС, что обуславливает необходимость использования национальных валют. Внутри ЕАЭС расчеты уже осуществляются в рамках собственной платежной системы. Однако в данном контексте важен вопрос, насколько быстро ЕАЭС сможет принять и имплементировать данный механизм. Санкционная политика в отношении некоторых стран ЕАЭС может создать сложности на пути к подписанию сделки, однако объединение готово к диалогу и обсуждению возможных путей решения и уже разрабатывает предложения по преодолению возможных трудностей.

Подводя итог вышесказанному, следует отметить высокую значимость диалогового процесса между странами ЕАЭС и Индонезией для обеих сторон. С точки зрения развития интеррегиональных процессов соглашение с Индонезией может стать одним из столпов построения и укрепления обширных связей стран ЕАЭС и АСЕАН. Экономическая составляющая является одной из наиболее важных в укреплении интеррегионализма и может способствовать более интенсивному развитию других сфер взаимодействия. Перспективы экономического сотрудничества положительно оцениваются и со стороны стран ЕАЭС, и со стороны Индонезии.

Заключение

В условиях роста количества соглашений о ЗСТ не только между отдельными государствами, но и между интеграционными объединениями интеррегиональное взаимодействие представляет собой актуальный тренд. Существует множество классификаций интеррегионализма. Зачастую данное явление понимается как институционально закрепленное взаимодействие между двумя региональными объединениями, что можно назвать идеальным типом или «чистым» интеррегионализмом. Однако взаимодействие регионального объединения может осуществляться и с отдельной страной–участницей другой региональной группировки. Такие отношения можно отнести к квази интеррегионализму. Создание соглашений о зоне свободной торговли ЕС–Индонезия и ЕАЭС–Индонезия является наглядным примером такого типа интеррегионализма.

Рассмотрев кейсы квази-интеррегионализма ЕС–Индонезия и ЕАЭС–Индонезия, возможно оценить дальнейшее развитие интеррегиональных связей. Диалог о создании ЗСТ между ЕС и Индонезией является перспективным для обеих сторон. Со стороны ЕС это не только укрепление торговых и экономических связей в ЮВА, но и построение основы для выстраивания отношений с АСЕАН на пути к созданию общей свободной зоны. Для Индонезии ЕС также является перспективным партнером, сотрудничество с которым может открыть доступ к крупным инвестициям и технологиям, а соответствие нормам такого перспективного партнера как ЕС, может улучшить показатели торговли товарами и услугами Индонезии. Однако значительные препятствия на пути к подписанию сделки, затянувшиеся переговоры и ужесточение регулирования со стороны ЕС могут отложить заключение сделки на неопределенный срок. Несмотря на то, что ЕС выразил намерение подписать сделку до начала президентских выборов в Индонезии в феврале 2024 г., вероятность быстрого урегулирования ключевых вопросов остается невысокой. Кроме того, на подписание сделки о ЗСТ влияет нейтральная позиция Индонезии.

Особенно актуальным изучение кейса ЗСТ ЕС–Индонезия становится в условиях переговоров о ЗСТ между ЕАЭС и Индонезией. Политика ЕС в выстраивании двусторонних отношений с отдельными странами АСЕАН представляет собой полезный опыт для ЕАЭС. Заключение сделки между ЕАЭС и Индонезией может стать частью укрепления и интенсификации сотрудничества с АСЕАН в целом. Несмотря на то, что переговоры о создании ЗСТ ЕАЭС–Индонезия начались относительно недавно, обе стороны настроены оптимистично относительно ее создания в ближайшей перспективе и нацелены на обретение новых рынков – особенно в условиях ужесточения европейского регулирования.

Список литературы

1. Aggarwal V.K., Fogarty E.A. (2004). Between Regionalism and Globalism: European Union Interregional Trade Strategies. In V.K. Aggarwal & E.A. Fogarty (Eds), *EU Trade Strategies: Between Regionalism and Globalism*. Basingstoke: Palgrave Macmillan.
2. Damuri Y.R. (2021) *Seizing Gains from a Transformative Agreement: A Study on the Indonesia-EU Comprehensive Economic Partnership Agreement*. JSTOR Security Studies Collection.
3. El Muhtaj M.A. (2022) Critical Analysis of the Indonesian Human Rights Action Plan 1998–2020. *Jurnal HAM* 13 (3): 519–538.
4. Hänggi H., Roloff R., Rüland J. (2006). Interregionalism and international relations. *Psychology Press* 38: 14–18.
5. Hennessy A., Winanti P.S. (2022) *EU–Indonesia trade relations. A Geo–Economic Turn in Trade Policy? EU Trade Agreements in the Asia–Pacific*. Cham: Springer International Publishing.
6. Lewis P. (2009). *Growing apart: Oil, politics, and economic change in Indonesia and Nigeria*. University of Michigan Press.
7. Limenta M. (2022). Toward an ASEAN–EU FTA: examining the trade and sustainable development chapter in the prospective Indonesia–EU CEPA. *Legal Issues of Economic Integration* 49(2): 191–216.
8. Salam U. (2018) *Indonesia case study: Rapid technological change—challenges and opportunities*. Pathways for Prosperity Commission Background Paper Series.
9. Söderbaum F., Baert F., Scaramagli T. (2014). *Intersecting Interregionalism. Regions, Global Governance and the EU*. Dordrecht: Springer.
10. Söderbaum F., van Langenhove L. (2006) *The EU as a Global Player: The Politics of Interregionalism*. New York: Routledge.
11. Stacey J. (2020). *ASEAN and Power in International Relations: ASEAN, the EU, and the Contestation of Human Rights*. New York: Routledge.
12. Taylor J.G. (2012). *Global Indonesia*. New York: Routledge.
13. Tirtosudarmo R. (2022). *From colonization to nation-state: The political demography of Indonesia*. Springer Nature.
14. Засеева А.С., Иванова М.И., Галин Г.П. (2022) Инициатива «Пояса и пути» как инструмент международной социализации политических элит. *Вестник МГИМО–Университета* 15(6): 194–205.
15. Канаев Е.А., Королев А.С. (2020). ЕАЭС и АСЕАН: результаты и перспективы сотрудничества. *Мировая экономика и международные отношения* 64(1): 64–72.
16. Кузнецов Д.А. (2022) *Теория и практика международного трансрегионализма*. М.: Аспект Пресс.
17. Куклин Н.С. (2021) Демократические тенденции во внешней и внутренней политике постреформационной Индонезии: исторический аспект. *Юго–Восточная Азия: актуальные проблемы развития* 2(51): 333–354.
18. Урюпина А.Э. (2022) Проблемы реализации интеррегиональной политики ЕС на азиатском направлении. *Мировая политика* 4: 16–31.
19. Шеров–Игнатъев В.Г., Николаюк Т.Р., Суменкова М.В. (2021) Соглашение о свободной торговле между АЭС и Индонезией: кто окажется в выигрыше? *Международная торговля и торговая политика* 1(25): 62–80.

INTERREGIONALISM IN THE CONTEXT OF FTA BETWEEN INTEGRATION ORGANIZATIONS (EU AND EAEU) AND INDONESIA: PROSPECTS AND OBSTACLES

Alisa E. URYUPINA – Lecturer, Department of Public Governance, Applicant, Department of World Politics, MGIMO University.

ORCID: 0000-0002-4991-065X. E-mail: uryupina.a.e@my.mgimo.ru

76 Prospect Vernadskogo, Moscow, Russia, 119454.

Received November 28, 2023 Accepted March 27, 2024

Abstract: Integration organizations exhibit variations in the extent of integration interaction, economic capacity, and global significance. The European Union (EU) stands out as the most successful in terms of regional integration, actively engaging in external relations with diverse regions, individual nations, and integration blocs. Particularly noteworthy is the EU's robust advancement of interregional policies in Latin America with the Common Market of South America (MERCOSUR) and in Asia with the Association of Southeast Asian Nations (ASEAN). Interregionalism is commonly construed as collaboration between two integration blocs, termed the "pure" or ideal form of interregionalism. However, another variant exists, involving interaction not with the integration bloc as a whole but with its individual member countries, known as quasi-interregionalism. Within Southeast Asia (SEA), a coexistence of various interregionalism types is observable, such as "pure" interregionalism between the EU and ASEAN, and quasi-interregionalism in dealings between the EU and countries like Indonesia, Singapore, and Vietnam within the association. This article focuses on the case of quasi-interregionalism in the EU-Indonesia context. The EU's interregional approach towards Indonesia aims to establish a bilateral free trade agreement (FTA). Similarly, the Eurasian Economic Union (EAEU) actively pursues interregional policies, fostering trade and economic cooperation with ASEAN members, having already finalized FTAs with Singapore and Vietnam. A key issue is the ongoing negotiations for an FTA agreement with Indonesia, initiated in the spring of 2023. The significance of this study lies in the limited exploration of interregional dynamics between the EAEU and Indonesia by both domestic and international scholars. Comparing this with the more extensively studied case of EU-Indonesia quasi-interregionalism can provide a foundation for a deeper examination of the topic. This article aims to compare the interregional experiences of the EU and EAEU with Indonesia, identify factors influencing interregional policy implementation in the region, and offer a forecast regarding the future of EU and EAEU agreements with Indonesia. Comparative analysis criteria include the status of trade relations, their institutionalization level, and obstacles to concluding FTA agreements.

Keywords: interregionalism, quasi-interregionalism, free trade area, regional associations, European Union, ASEAN, Eurasian Economic Union, Indonesia

References:

1. Aggarwal V.K., Fogarty E.A. (2004). Between Regionalism and Globalism: European Union Interregional Trade Strategies. In V.K. Aggarwal & E.A. Fogarty (Eds), *EU Trade Strategies: Between Regionalism and Globalism*. Basingstoke: Palgrave Macmillan.

2. Damuri Y.R. (2021) *Seizing Gains from a Transformative Agreement: A Study on the Indonesia-EU Comprehensive Economic Partnership Agreement*. JSTOR Security Studies Collection.
3. El Muhtaj M.A. (2022) Critical Analysis of the Indonesian Human Rights Action Plan 1998–2020. *Jurnal HAM* 13 (3): 519–538.
4. Hänggi H., Roloff R., Rüland J. (2006). Interregionalism and international relations. *Psychology Press* 38: 14–18.
5. Hennessy A., Winanti P.S. (2022) *EU-Indonesia trade relations. A Geo-Economic Turn in Trade Policy? EU Trade Agreements in the Asia-Pacific*. Cham: Springer International Publishing.
6. Lewis P. (2009). *Growing apart: Oil, politics, and economic change in Indonesia and Nigeria*. University of Michigan Press.
7. Limenta M. (2022). Toward an ASEAN-EU FTA: examining the trade and sustainable development chapter in the prospective Indonesia-EU CEPA. *Legal Issues of Economic Integration* 49(2): 191–216.
8. Salam U. (2018) *Indonesia case study: Rapid technological change—challenges and opportunities*. Pathways for Prosperity Commission Background Paper Series.
9. Söderbaum F., Baert F., Scaramagli T. (2014). *Intersecting Interregionalism. Regions, Global Governance and the EU*. Dordrecht: Springer.
10. Söderbaum F., van Langenhove L. (2006) *The EU as a Global Player: The Politics of Interregionalism*. New York: Routledge.
11. Stacey J. (2020). *ASEAN and Power in International Relations: ASEAN, the EU, and the Contestation of Human Rights*. New York: Routledge.
12. Taylor J.G. (2012). *Global Indonesia*. New York: Routledge.
13. Tirtosudarmo R. (2022). *From colonization to nation-state: The political demography of Indonesia*. Springer Nature.
14. Zaseeva A.S., Ivanova M.I., Galin G.P. (2022) Initsiativa «Poyasa i puti» kak instrument mezhdunarodnoi sotsializatsii politicheskikh ehelit. [The Belt and Road Initiative as a tool for the international socialization of political elites]. *Vestnik MGIMO-Universiteta* [Bulletin of MGIMO University] 15(6):194–205. (In Russian).
15. Kuznecov D.A. (2022) *Teorija i praktika mezhdunarodnogo transregionalizma*. [Theory and practice of international transregionalism]. Moscow: Aspect Press. (In Russian).
16. Kuklin N.S. (2021) Demokraticheskie tendentsii vo vneshnei i vnutrennei politike postreformatsionnoi Indonezii: istoricheskii aspekt [Democratic trends in foreign and domestic policies of post-reformation Indonesia: a historical perspective]. *Yugo-Vostochnaya Aziya: aktual'nye problemy razvitiya* [Southeast Asia: Current Development Issues] 2(51): 333–354. (In Russian).
17. Kanaev E.A., Korolev A.S. (2020). EAES i ASEAN: rezul'taty i perspektivy sotrudnichestva [EAEU and ASEAN: results and prospects for cooperation]. *Mirovaya ehkonomika i mezhdunarodnye otnosheniya* [World Economy and International Relations] 64(1): 64–72. (In Russian).
18. Uryupina A.E. (2022) Problemy realizacii interregional'noj politiki ES na aziatskom napravlenii [Problems of implementing EU interregional policy in the Asian direction]. *Mirovaia politika* [World Politics] 4: 16–31. (In Russian).
19. Sherov-Ignat'ev V.G., Nikolajuk T.R., Sumenkova M.V. (2021) Soglashenie o svobodnoi torgovle mezhdue AES i Indonezii: kto okazhetsia v vyigryshe? [NPP-Indonesia Free Trade Agreement: Who Wins?]. *Mezhdunarodnaia torgovlia i torgovaia politika* [International Trade and Trade Policy] 1(25): 62–80. (In Russian).

РАССМОТРЕНИЕ РОЛИ ПОЛИТИЧЕСКОГО ЯЗЫКА И РИТОРИКИ В КОНТЕКСТЕ ОБСУЖДЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭФФЕКТИВНОСТИ (НА ПРИМЕРЕ РАБОТЫ Т. ДОЧЕРТИ)

Рецензия на книгу: Docherty T. (2019) Political English: Language and the Decay of Politics. London; New York: Bloomsbury, 237 p.

Елизавета ДЕГТЯРЕВА
МГИМО МИД России

Аннотация: Оценка политической эффективности считается одной из самых непростых тем в социально-политических науках. В то время как традиционные показатели политической эффективности включают в себя распространенное число показателей (от анализа экономического состояния стран и их военного потенциала до изучения показателей мягкой силы), в данной статье предлагается рассмотреть в качестве альтернативного показателя оценки политической эффективности риторику. Опираясь на данные из работ лингвистической и когнитивной наук, автор статьи утверждает, что риторика тоже играет существенную роль в достижении политических целей. В доказательство данной гипотезы в статье анализируется относительно новая работа Т. Дочерти «*Political English: Language and the Decay of Politics*» на предмет свежих идей относительно влияния риторики на политическую эффективность. Кроме того, в статье упоминаются и принципы риторики, уже ставшие фундаментальными, и инструменты влияния языка на политическую эффективность. Подчеркивая важность риторики как показателя политической эффективности, эта статья вносит вклад в более глубокое понимание когнитивных и коммуникативных аспектов политического влияния.

Ключевые слова: политическая риторика, политический язык, когнитивная наука, политическая эффективность, коммуникация

Елизавета Борисовна Дегтярева – аспирант кафедры сравнительной политологии, МГИМО МИД России.

ORCID: 0000-0002-7163-6941. E-mail: golden_miller@mail.ru
119454, Москва, пр-т Вернадского, д. 76.

Поступила в редакцию: 14.02.2024

Принята к публикации: 29.03.2024

Конфликт интересов: Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Благодарность. Статья опубликована в рамках гранта МОН РФ-ЭИСИ №123091200075-2 «Современное государство в терминах сила и слабости: политические, социологические, исторические измерения в эмпирическом ракурсе».

На протяжении последних десятилетий проблематика показателей политической эффективности вызывает неподдельный интерес у зарубежных (Craig and Maggiotto, 1982: 85–109; Balch and Burke, Cook, Graber et al., 2016) и отечественных (Ватыль, Ватыль, 2016; Затонский, 2006; Черемисина, 2019: 95–108; Ширяев, 2014: 91–109 и др.) авторов. Предпринимаются попытки делать выводы об эффективности государственной политики по разным критериям – от анализа экономического состояния стран и их военного потенциала до изучения показателей мягкой силы – которые, несомненно, являются значимыми при заключении всесторонних выводов. Однако реже встречаются попытки включить в число показателей эффективной политики осуществляемую политическую риторику, несмотря на то, что речь, профессионально используемая политическими лидерами, не только формирует политический дискурс (рассматриваемый в данной статье в рамках когнитивного подхода (Шапочкин, 2018), но и оказывает существенное воздействие на восприятие обществом политической реальности. И хотя основное место в оценке политической эффективности занимают комплексные метрики мощи государства, сегодня, с появлением новых подходов¹ к изучению языковых структур, нельзя проходить мимо социально-культурных феноменов, в особенности – языка. Данная статья посвящена исследованию роли политической риторики и языка с точки зрения политической эффективности.

Взаимосвязь между политической риторикой и формированием эффективной государственной политики является предметом исследований ученых в рамках таких дисциплин, как политология (ван Дейк, 2013; Гуторов, 2016: 4–28), лингвистика (McEnergy, 2006; Карасик, 2009), социология (Авеличев, 1986: 5–23; Баранов, 1986: 100–143; Безменова, 1989; Кашей, 2005). Многие из этих исследователей рассматривают политическую риторику как коммуникативное связующее звено между лидерами и общественностью, с помощью которого не только выстраивается диалог, но и устанавливается повестка дня, а также формируется нужное политикам восприятие окружающей политической реальности у граждан. Лидеры и политические деятели создают своеобразную концептуальную платформу благодаря таким инструментам политического дискурса, как политическая речь, политическая клятва, пресс-конференции, ответы на вопросы журналистов, переговоры, дебаты и пр., чтобы материализовать, символизировать, вербализировать и семантизировать ключевые политические идеи (Ли, 2022: 131–136). Это способствует созданию необходимого социально-политического фона, формированию политической и культурной идентичности, расположению граждан к себе, а также повышению привлекательности самого государства. По сути, речь идет о лингвистическом фрейминге, который представляет собой стратегическое представление проблем и событий для формирования должного общественного восприятия. Теория

¹ Например, когнитивный подход к изучению языка, используемый в рамках данной статьи.

фрейминга предполагает, что способ формулирования проблемы может существенно повлиять на то, как она понимается и оценивается общественностью (Tversky and Kahneman, 1981: 453–458). Политические деятели нередко используют данную стратегию, чтобы выделить определенные аспекты проблемы и сфокусировать на них внимание общества, преуменьшая при этом остальные, что впоследствии будет влиять на интерпретацию общественностью политических событий. Подобные идеи понимания политического языка и риторики в целом отделились в так называемый **КОГНИТИВНЫЙ** подход в лингвистике (или когнитивной лингвистике), общая суть которого заключается в изучении процессов порождения и восприятия (понимания) речи (Шапочкин, 2018: 15). Когнитивная лингвистика исследует, как язык влияет на формирование мыслительных процессов человека, в том числе на его память, внимание и последующие рассуждения. Она также дает представление о том, как речь обрабатывается, интерпретируется и понимается человеческим разумом. На установки, убеждения и поведение индивидов влияют, например, когнитивные фреймы и метафоры, которые формируют понимание индивидами политических проблем и событий, а также различные когнитивные предубеждения, такие как «предвзятость подтверждения» и «эвристическая доступность», влияющие на то, как информация воспринимается, оценивается и запоминается в политическом дискурсе (Tversky and Kahneman, 1974: 1124–1131). Понимая когнитивные механизмы, лежащие в основе обработки языка, политические деятели могут создавать более эффективные сообщения и стратегии для привлечения и убеждения своей аудитории.

Уже классическими работами по заданной теме стали труды, способствующие развитию отдельных направлений когнитивной лингвистики, а именно:

- работы Дж. Лакоффа, создавшего когнитивную теорию метафоры в интерпретации. Так, например, в его работах подчеркивается когнитивная составляющая языка, влияющая на формирование общественного мнения и политических предпочтений. Особое внимание он уделяет концепции фреймов, которые представляют собой ментальные структуры, формирующие то, как люди понимают и интерпретируют информацию. В этой связи одним из ключевых открытий Лакоффа является то, что язык – это не просто инструмент для передачи информации, а значимая сила, помогающая воздействовать на формы восприятия и понимания людьми политических проблем посредством активации у них правильных фреймов и метафор, которые резонируют с их ценностями. Поэтому политические лидеры, владеющие силой фрейминга, способны с наибольшим успехом влиять на результаты политики. Политическая риторика активирует определенные фреймы, которые способствуют рассмотрению людьми политических или иных социальных проблем определенным образом. Например, формулирование экономической политики как «налогового послабления» или «налогового бремени» активирует различные фреймы и вызывает различные когнитивные реакции. Точка зрения Дж. Лакоффа заставляет политиков обращать внимание на эмоциональные

и морально-ценностные окрасы их речей. В результате подчеркивается сложная взаимосвязь между языком, когнитивными структурами людей, их ценностями и эффективностью политики (Lakoff, 1987; Lakoff, 1982).

- труды Т.А. ван Дейка, предложившего использовать когнитивный подход к анализу дискурса. Так, например, им были предприняты попытки изучения влияния убеждений и установок индивидов на их интерпретацию политического дискурса. Ван Дейк считал, что такие когнитивные процессы в сознании индивида, как категоризация, определение и логический вывод, способствуют конструированию индивидом социального смысла в дискурсе. По результатам его исследований индивиды делят свои знания условными ментальными рамками, организуя из них социальные схемы. Именно эти социальные схемы, представляющие преимущественно в виде стереотипов, идеологических убеждений и отношений по поводу власти, формируют интерпретацию и понимание дискурса. Более того, эти схемы влияют на отбор индивидом поступающей в его сознание информации и последующее конструирование смысла в политическом дискурсе. Хотя дискурсивный анализ Т.А. ван Дейка явно не обозначен как «когнитивный подход», он однозначно основан на когнитивных принципах (Dijk, 1998).

- исследования Р. Лангакера, занимавшегося разработкой когнитивной грамматики (Langacker, 1987). Когнитивная грамматика представляет собой новый подход к пониманию языка на основе когнитивного принципа. Ключевым пунктом в когнитивной грамматике является идея о том, что язык индивида основан на его телесном опыте и взаимодействиях с миром. Р. Лангакер утверждает, что лингвистическая структура отражает наши когнитивные способности, механизмы восприятия и моторные навыки. Эта точка зрения рассматривает язык как феномен, сформированный нашим сенсорно-моторным опытом и основанный на наших телесных взаимодействиях с окружающей средой. По факту когнитивная грамматика Р. Лангакера воплощает в себе «субъективистский» взгляд на понимание речевых оборотов и структур. В то время как «объективистский» подход предполагает, что «значение выражения приравнивается к набору условий, при которых оно истинно», «субъективистский» проводит параллель между значением и «концептуализацией или ментальным опытом» (Елина, 2010).

Как видно из приведенных выше фундаментальных трудов исследователей, уже ставшими классиками в сфере изучения дискурсов и риторики, язык играет практически стержневую роль в социальной среде, и эта роль постоянно усиливается. Однако не менее основополагающую роль лингвистические структуры играют и в среде политической, где язык является необходимым инструментом, формирующим саму политическую действительность, способствующим формированию социальных и политических идеалов, норм и ценностей, политических убеждений граждан. Политика, в свою очередь, является важным фактором развития языка и языковых отношений. Именно поэтому сегодня тематика развития политической риторики и языка остается в орбите внимания современных авторов.

В продолжение данной темы стоит обратиться к относительно новой работе Т. Дочерти *"Political English: Language and the Decay of Politics"* (Docherty, 2019), которая посвящена значимости политической риторики в выстраивании эффективной государственной политики и влиянию языка на формирование государственного устройства. В книге представлено кейс-стади исследование, посвященное политической риторике на примере английского языка как мирового. По мнению автора, язык и политика тесно переплетаются, поэтому важно рассмотреть их структурные связи, а также понять, ведет ли деградация в использовании представителями элиты языка к разложению политической системы и слабости государства. Так, Т. Дочерти рассматривал речь как акт коммуникации, влияющий на мировоззрение и политико-культурный фон индивидов, но не абстрактно, а в контексте существующих политических режимов. На примерах речей Б. Обамы, Дж. Буша младшего, Д. Трампа и других политиков автор проводит параллель между отличиями в проводимой вышеупомянутыми лицами политике и отличиями в их лингвистических паттернах, доказывая тем самым идею о взаимосвязи риторики и политической эффективности.

Значительную часть книги занимает исследование сути концепции «родного» языка, в котором автор не соглашается с общепринятым разделением языка на иностранный и родной, поскольку язык как живая структура не является врожденным: его приходится осваивать в той же мере, как и иностранный, а его задачей является формирование общей идентичности индивидов, им владеющими. Более того, родным языком можно владеть по-разному, в зависимости от требуемых социальных ролей, формируя тем самым разные формы идентичности и занимая разное социальное и классовое положение в обществе. По убеждениям автора, родной язык всегда формируется за счет некоего отчуждения и влияния на него языка иностранного. Однако автор описывает и существование альтернативного мнения, утверждающего, что владение родным языком присуще индивидам от рождения и напрямую зависит от когнитивных навыков человека. Более того, согласно этому мнению, от когнитивных способностей также зависит и уровень благосостояния и успешности индивида в дальнейшем. На примерах речей разных лидеров (В. Путина, Д. Трампа и Т. Мэй) автор раскрывает идею придания языку необходимого смысла в политике: по его мнению, тот, кто контролирует значения слов, контролирует не только язык, но и носителей этого языка, их возможности и ценности, формируя через заданный политический дискурс требуемый социально-политический фон. Поэтому каждый язык (даже родной) всегда является иностранным по своей сути, поскольку вводит те идеи и смыслы, с которыми люди ранее не были знакомы.

Еще одной важной темой, поднимаемой в данной работе, является анализ формирования нужного имиджа политической действительности государства с помощью языка. На примере истории английского языка и его связи с империалистической политикой автор рассуждает на тему «лингвистического империализма» или «фундаментального английского»:

на протяжении определенных периодов истории факт владения английским языком демонстрировал официальное политическое превосходство, а факт принадлежности к британскому обществу ассоциировался с эффективными управленческими навыками. В данном примере автор видит прямую связь между английским языком и фундаментальными этическими, социальными и политическими ценностями британского общества. Такая связь наталкивает автора на мысли о возможности построить с помощью языка общество любого социального и культурного класса, что говорит о невероятной силе политической риторики в формировании требуемого образа политико-социальной реальности. Согласно этой мысли, класс – это вопрос уровня владения языком, а физические манипуляции с языком могут привести к социальным изменениям. Манера речи в данном случае определяет политический статус, и, следовательно, меняя манеру речи, можно изменить свое политическое и социальное классовое положение.

Особенное место в работе автора занимает рассмотрение концепций правды и лжи в контексте разных политических режимов. Авторитарные и тоталитарные режимы часто оперируют концепцией лжи, но не потому, что они изначально склонны к неправде, а потому, что они догматичны и закоснелы по своей сути: политикам-фундаменталистам свойственно не менять своих выводов даже при появлении новой информации, а сам политик, соответственно, при изменении внешних условий переходит к распространению прямой «лжи» (той информации, которая уже не актуальна). Что касается демократических форм правления, то их задача – в процессе дискуссии разрушить устоявшиеся в сознании человека рамки понимания окружающей действительности, формируя новую призму восприятия. Однако это не значит, что в демократиях не существует концепции лжи: здесь она существует в логике Ф.Ницше, когда общество добровольно соглашается придерживаться единой позиции по какому-либо вопросу вне зависимости от её истинности. Из этого следует, что в политике существует необходимый термин-посредник между правдой и ложью, и этим термином является «вымысел» (или «политическая гипотеза»). Таким образом, заявления, сделанные в рамках демократического дискурса, не являются ни правдой, ни ложью. Автор доказывает эту мысль через рассмотрение теории когерентности истины и теории соответствия истины, утверждая, что на самом деле в обычном политическом дискурсе теории соответствия и когерентности не отличаются друг от друга, а политические процессы зависят от того, насколько незаметно лавировать между ними. Это подтверждает идею, что контроль над языком может привести к контролю над материальной реальностью в политическом смысле: управляя дискурсами, описывающими мир, можно устанавливать истину для абсолютного большинства народа, задавая требуемый социально-политический фон и способствуя развитию государства в требуемом ключе. В этом, по мнению автора, заключается специфическая функция демократии, основанная на мажоритарном правлении.

В вопросах о концепции лжи автор рассматривает соотношения слов и реальных дел в политике, а также способов, с помощью которых фиктивное описание реальности превращается в политическую реальность. На примере твитов Д. Трампа о мистификации глобального потепления и забастовки шахтеров в Британии 1984 г. автор выводит в качестве первого доказательства метод повторного утверждения, который позволяет создавать идеологическую речь. Ее цель – остановить критическое (или вообще любое) мышление за счет создания иллюзии определённого общественного мнения. Это развязывает руки радикальным политическим течениям – расизму, национализму, шовинизму и другим, как это было после произнесенной в 1968 г. речи Дж. Э. Пауэлла об иммиграции или после британской кампании по выходу из ЕС. На основе серии лекций «Слова и дела» (1952–1954 гг.) автор говорит о другом методе, в котором слова фактически являются поступками (перформативный речевой акт). Речь в данном случае является не просто описанием того, что делает говорящий, а представляет собой само фактическое действие. Поэтому задача политической риторики заключается в осуществлении перехода между одобрением, с одной стороны, и осуществлением власти, с другой стороны, то есть в установлении неразрывной связи между словом и делом. Говоря в терминах классики, Эргон (действие) всегда должен оставаться подчиненным Логосу (логике), который запечатлен в словах и аргументах.

Таким образом, в своей работе Т. Дочерти тоже отдает решающую роль в политике языку и политической риторике, поскольку именно с помощью грамотного использования политического языка можно в нужном ключе сформировать то, как общество будет воспринимать социально-политические проблемы, формировать мнения о политических ситуациях и фигурах, а также участвовать в политических действиях. Фактически основные способы влияния языка на политические процессы, предложенные Т. Дочерти в его работе, можно описать следующим образом:

- *Возможность формировать социально-политическую повестку для общественности:* при помощи использования языковых шаблонов политические фигуры и средства массовой информации формируют требуемый им социально-политический фон, выделяя определенные вопросы в качестве важных через заданную формулировку. Именно у политиков и СМИ есть право на контроль за повествованием о важных событиях, что позволяет им направлять внимание общественности в нужное русло (на определённые узкие или широкие темы), тем самым создавая общественный дискурс и даже стратегические приоритеты политики.
- *Способность убеждать:* точное использование политического языка позволяет убеждать людей поддержать определенный политический курс, кандидатов или идеологическую направленность. Политики и политические партии имеют возможность умело и грамотно использовать

язык, затрагивая эмоции, ценности и интересы общественности или избирателей, стремясь заручиться их поддержкой. Такие фундаментальные возможности, которые дарит искусное использование политического языка, приводят к отведению решающей роли в политических процессах тому, кто способен отслеживать или даже контролировать значения слов, поскольку таким образом можно влиять на носителей этого языка и их ценности, формируя через заданный политический дискурс требуемый социально-политический фон.

- *Возможность создавать требуемый имидж целого государства:* когда в сознании индивидов формируется крепкая связь между государственным языком и закладываемыми в него фундаментальными этическими, социальными и политическими ценностями всего общества отдельно взятого государства, то происходит невербальная и неосознаваемая ассоциация этого государства с заданным образом (как в примере с английским языком и статусом британского общества). В данном случае можно даже утверждать о возможности формировать политическую или социальную идентичность с помощью языка, поскольку часто политический дискурс укрепляет групповую солидарность и воспитывает чувство принадлежности у сторонников этой группы. Это говорит о внушительной силе политической риторики в формировании требуемого образа политико-социальной реальности.
- *Возможность манипулировать общественным сознанием:* речь в данном случае не идет о примитивном искажении фактов или введении общественности в заблуждение. Речь идет об искусном оперировании концепциями правды и лжи, а также о способах, с помощью которых фиктивное описание реальности превращается в политическую реальность (с помощью методов повторного утверждения или перформативного речевого акта).

Можно утверждать, язык действительно является мощным инструментом в политике, формирующим восприятие индивидов, влияющим на их поведение и, в конечном счете, определяющим направление политических изменений. Однако стоит признать, что включение политического языка в единый метрический ряд с традиционными показателями политической эффективности пока еще требует технических и методологических доработок, учитывающих сложность риторических стратегий и, что самое важное, их когнитивные эффекты. Тем не менее, уже сегодня качественный анализ политических речей и дискурсов позволяет получить представление о различных риторических приемах, способствуя пониманию того, как формируется политическая коммуникация. Экспериментальные исследования (Tversky and Kahneman, 1974: 1124–1131) позволяют ученым управлять языковыми структурами и переменными, чтобы измерять их влияние на когнитивные процессы индивидов, их установки и поведение, в результате предоставляя причинно-следственные доказательства влияния риторики на политическую эффективность, в то время как

методы компьютерного анализа текста позволяют исследователям анализировать массивные объемы данных из политических речей с целью выявления риторических стратегий в различных контекстах.

Таким образом, можно сделать вывод, что роль политической риторики при оценках политической эффективности является значимой, поскольку риторика не только формирует общественный дискурс, но и фундаментально влияет на процесс формирования повестки дня, общественное мнение и, в конечном счете, на политические решения, принимаемые правительством. Необходимо при этом помнить, что использование языка с целью повышения эффективности государственного управления часто взаимосвязано с более широкими концепциями организационной коммуникации, лидерства и вовлечения заинтересованных сторон. Хотя в коммуникационных концепциях пока не предлагаются конкретные предложения по повышению политической эффективности только с помощью языка, работы на эту тему способствуют пониманию того, как коммуникационные стратегии в целом могут влиять на эффективность политики государства.

Список литературы

1. Balch G.I., Burke P., Cook T., Graber D.A. et al. (2016) *Multiple Indicators in Survey Research: The Concept «Sense of Political Efficacy»*.
2. Craig S., Maggiotto M. (1982) *Measuring Political Efficacy. Political Methodology*. 8: 85–109
3. Dijk T. A. van (ed.). (1998) *What is political discourse analysis?* Political linguistics. Amsterdam.
4. Docherty T. (2019) *Political English: Language and the Decay of Politics*. London; New York: Bloomsbury, 237 p.
5. Lakoff G. (1982) *Categories and cognitive models*. Berkeley cognitive science report. Berkeley.
6. Lakoff G. (1987) *Women, fire, and dangerous things: What categories reveal about the mind*. Chicago.
7. Langacker R.W. (1987) *Foundation of cognitive grammar*. Vol. 1. Theoretical prerequisites. Stanford.
8. McEnery T., Xiao R., and Tono Y. (2006) *Corpus-based language studies: An advanced resource book*. Taylor & Francis.
9. Tversky A.; Kahneman D. (1974) Judgment under Uncertainty: Heuristics and Biases/. *Science*. 185 (4157): 1124–1131.
10. Tversky A.; Kahneman D. (1981) The Framing of decisions and the psychology of choice. *Science*. 211 (4481): 453–458.
11. Авеличев А.К. (1986) *Возвращение риторики в Дюбуа Ж. Эделин Ф. Клинкаберг Ж. –М. и др. (пер.) Общая риторика*. М.: Наука: 5–23.
12. Баранов А.Н., Паршин П.Б. (1986) *Языковые механизмы вариативной интерпретации действительности как средство воздействия на сознание в Роль языка в средствах массовой коммуникации*. М.: ИНИОН: 100–143.
13. Безменова Н.А. (1989) *Теория и практика риторики массовой коммуникации. Научно-аналитический обзор АН СССР ИНИОН*. М.: ИНИОН: 39.
14. Ван Дейк Т.А. (пер.) (2013) *Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации*. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ».
15. Ватыль В.Н., Ватыль Н.В. (2016) *Сильное и эффективное государство: историко-персоналогический дискурс*. Гродно: ЮрСаПринт.

16. Гуторов В.А. (2016) О некоторых аспектах формирования политико-философского дискурса в современной России. *ПОЛИТЭКС*. 2016. 1: 4–28.
17. Елина Е.Н. (2010) Когнитивные теории значения: когнитивная грамматика Р. Лангакера. *Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева*. 2: 225–230.
18. Затонский В.А. (ред) (2006) *Эффективная государственность*. М.: Юристъ: 286 с.
19. Карасик В. И. (2009) *Языковые ключи*. Москва: Гнозис: 406.
20. Кашей Н. А. (2005) *Риторика и политика в современном обществе*. В. Новгород: НовГУ: 136.
21. Ли Минхуэй, Лю Хун (2022) Политические концепты как дискурсивный инструмент непрямого формирования глобального и регионального лидерства (по материалам выступлений президента РФ Владимира Путина на заседании Совета глав государств – членов ШОС). *Политическая лингвистика*. 4 (94): 131–136.
22. Черемисина С.Г., Срибный В.И. (2019) Совершенствование инструментария оценки эффективности социально-экономической политики государства. *Сервис в России и за рубежом*. 2 (84): 95–108
23. Шапочкин Д.В. (2018) *Политический дискурс: когнитивный аспект: монография*. 2-е изд. Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Тюменский государственный университет, Институт социально-гуманитарных наук. Тюмень: Издательство Тюменского государственного университета: 292 с.
24. Ширяев И.М. (2014) Типологизация подходов к определению эффективности экономических институтов. *Журнал институциональных исследований*. 6 (2): 91–109.

Comparative Politics. Volume 14. No. 3. July–September / 2023
DOI 10.46272/2221-3279-2023-3-14-154-165

EXAMINING THE ROLE OF POLITICAL LANGUAGE AND RHETORIC IN THE CONTEXT OF THE DEBATE ON POLITICAL EFFICACY

Book review: Docherty T. (2019) Political English: Language and the Decay of Politics. London; New York: Bloomsbury, 237 p.

Elizaveta B. Degtyareva – PhD Student, Department of Comparative Politics, MGIMO University.

ORCID: 0000-0002-7163-6941.

E-mail: golden_miller@mail.ru

76 Prospect Vernadskogo, Moscow, Russia, 119454.

Acknowledgments. The article was published under the grant of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation–EISR (Expert Institute for Social Research) №123091200075–2 «Modern state in terms of strength and weakness: political, sociological, historical dimensions in empirical perspective».

Received February 14, 2024 Accepted March 29, 2023

Abstract: Assessing political efficacy is considered one of the most challenging topics in the social and political sciences. While traditional measures of political efficacy include a common number of indicators ranging from analyzing the economic state of countries and their military capabilities to examining soft power indicators, this article proposes to consider rhetoric as an alternative measure of political efficacy. Drawing on evidence from linguistic and cognitive sciences, the author argues that rhetoric also plays a significant role in achieving political goals. To prove this hypothesis, the article analyzes T. Docherty's recent work «*Political English: Language and the Decay of Politics*» for fresh ideas about the influence of rhetoric on political efficacy. In addition, the author mentions the principles of rhetoric, which have already become fundamental, as well as the tools of language influence on political efficacy. By emphasizing the importance of rhetoric as an indicator of political efficacy, this article contributes to a deeper understanding of the cognitive and communicative aspects of political influence.

Keywords: political rhetoric, political language, cognitive science, political efficacy, communication

References:

1. Avelichev A.K. (1986) *Vozvrashchenie ritoriki* [The Return of Rhetoric] in Dubois J. Edeline F. Klinkenberg J.-M. et al. et al. (tr.) *Obshchaya ritorika* [Common Rhetoric]. M.: Nauka: 5-23. (In Russian).
2. Balch G.I., Burke P., Cook T., Graber D.A. et al. (2016) *Multiple Indicators in Survey Research: The Concept «Sense of Political Efficacy»*.
3. Baranov A.N., Parshin P.B. (1986) *Yazykovye mekhanizmy variativnoj interpretacii dejstvitel'nosti kak sredstvo vozdeystviya na soznanie* [Linguistic Mechanisms of Variant Interpretation of Reality as a Means of Influencing Consciousness] in *Rol' yazyka v sredstvakh massovoj kommunikacii* [The Role of Language in Mass Communication]. M.: INION: 100-143. (In Russian).
4. Bezmenova N.A. (1989) *Teoriya i praktika ritoriki massovoj kommunikacii* [Theory and practice of mass communication rhetoric]. Nauchno-analiticheskij obzor AN SSSR INION [Scientific and Analytical Review of the USSR Academy of Sciences INION]. M.: INION: 39. (In Russian).
5. Cheremisina S.G., Sribnuj V.I. (2019) *Sovershenstvovanie instrumentariya ocenki effektivnosti social'no-ekonomicheskaj politiki gosudarstva* [Improving the Assessment Tools for the Effectiveness of State Social and Economic Policy]. *Servis v Rossii i za rubezhom* [Services in Russia and Abroad]. 2 (84): 95-108 (In Russian).
6. Craig S., Maggiotto M. (1982) *Measuring Political Efficacy*. *Political Methodology*. 8: 85-109
7. Dijk T. A. van (ed.). (1998) *What is political discourse analysis?* Political linguistics. Amsterdam.
8. Docherty T. (2019) *Political English: Language and the Decay of Politics*. London; New York: Bloomsbury, 237 p.
9. Gutorov V.A. (2016) *O nekotoryh aspektah formirovaniya politiko-filosofskogo diskursa v sovremennoj Rossii* [On Some Aspects of the Formation of Political-Philosophical Discourse in Modern Russia]. *POLITEKS*. 2016. 1: 4-28. (In Russian).
10. Karasik V. I. (2009) *Yazykovye klyuchi* [Linguistic keys]. Moskva: Gnozis: 406. (In Russian).
11. Kaschey N. A. (2005) *Ritorika i politika v sovremennom obshchestve* [Rhetoric and Politics in Modern Society]. V. Novgorod: NovGU: 136. (In Russian).
12. Lakoff G. (1982) *Categories and cognitive models*. Berkeley cognitive science report. Berkeley.
13. Lakoff G. (1987) *Women, fire, and dangerous things: What categories reveal about the mind*. Chicago.

14. Langacker R.W. (1987) *Foundation of cognitive grammar*. Vol. 1. Theoretical prerequisites. Stanford.
15. Li Minghui, Liu Hong (2022) *Politicheskie koncepty kak diskursivnyj instrument nepryamogo formirovaniya global'nogo i regional'nogo liderstva (po materialam vystuplenij prezidenta RF Vladimira Putina na zasedanii Soveta glav gosudarstv – chlenov SHOS)* [Political Concepts as an Important Discursive Instrument for the Indirect Formation of Global and Regional Leadership (On the Material of the Speeches of the President of the Russian Federation Vladimir Putin at the Meeting of the Council of Heads of the SCO Member States)]. *Politicheskaya lingvistika* [Political Linguistics]. 4 (94): 131–136. (In Russian).
16. McEnery T., Xiao R., and Tono Y. (2006) *Corpus-based language studies: An advanced resource book*. Taylor & Francis.
17. Shapochkin D.V. (2018) *Politicheskij diskurs: kognitivnyj aspekt: monografiya. 2-e izd.* [Political discourse: cognitive aspect: a monograph. 2nd ed.] Ministerstvo nauki i vysshego obrazovaniya Rossijskoj Federacii, Tyumenskij gosudarstvennyj universitet, Institut social'no-gumanitarnyh nauk. Tyumen': Izdatel'stvo Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta: 292 s. (In Russian).
18. Shiriaev I.M. (2014) *Tipologizaciya podhodov k opredeleniyu effektivnosti ekonomicheskikh institutov* [Typologization of Approaches to Identifying the Efficiency of Economic Institutions]. *Zhurnal institucional'nyh issledovanij* [Journal of Institutional Studies]. 6 (2): 91–109. (In Russian).
19. Tversky A., Kahneman D. (1974) Judgment under Uncertainty: Heuristics and Biases/. *Science*. 185 (4157): 1124–1131.
20. Tversky A., Kahneman D. (1981) The Framing of decisions and the psychology of choice. *Science*. 211 (4481): 453–458.
21. Van Dejk T.A. (tr.) (2013) *Diskurs i vlast': Reprezentaciya dominirovaniya v yazyke i kommunikacii* [Discourse and Power: Representation of Dominance in Language and Communication]. M.: Knizhnyj dom «LIBROKOM». (In Russian).
22. Vatyly V.N., Vatyly N.V. (2016) *Silhoe i effektivnoe gosudarstvo: istoriko-personologicheskij diskurs* [Strong and Effective State: Historical and Personological Discourse]. Grodno: YUrSaPrint. (In Russian).
23. Yelina E.N. (2010) *Kognitivnye teorii znacheniya: kognitivnaya grammatika R. Langakera* [Cognitive Theories of Meaning: R. Langacker's Cognitive Grammar]. *Vestnik Krasnoyarskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. V. P. Astaf'eva* [The bulletin of KSPU named after V.P. Astafyev]. 2: 225–230. (In Russian).
24. Zatonsky V.A. (ed.) (2006) *Effektivnaya gosudarstvennost* [Efficient Statehood]. M.: YUrist: 286 p. (In Russian).